

Александр Жданов

ИГРА В СЕБЯ

Дневник нескольких снов и реальных событий

*Всю свою жизнь посвящаю Петербургу – городу,
где живет моя мама, городу, где я узнал,
что такое Любовь, городу, который подарил
мне «Счастье» – место, в которое
я всегда возвращаюсь*

Игра в себя. Жданов А. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 184 с.

ISBN 978-5-4386-1433-3

Наша жизнь — это борьба с человеческими страхами, сомнениями и искушениями. Чтобы победить темные силы, нужно научиться совершенно новым вещам: строить дом, сражаться на шпагах, расшифровывать азбуку звуков и обладать способностью путешествовать - и делать все это в сновидениях. Все это возможно, когда есть надежный тыл — твои друзья и люди, которые желают тебе добра и поддержат в любой момент. Благодаря им ты можешь менять мир к лучшему.

У меня за спиной — более 10 лет в шоу-бизнесе, работа на Первом, сопровождение артистов в России и Европе, международные музыкальные конкурсы. Моя страсть к путешествиям, которая позволила мне посетить более 180 стран мира, привела меня снова на ТВ в качестве профессионального путешественника и эксперта. Я пишу книги и выпустил уже пять романов общим тиражом 50 000 экземпляров.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде, чем начать, несколько слов для читателей.

Перед вами не обычный роман, из тех, что предлагаются сегодня в большом разнообразии тем и жанров. В нём почти нет привычного развития событий, и героев будет всего несколько. Это не роман действия, и вовсе не роман в привычном представлении, хотя в нём есть все необходимые для художественного произведения составные части: пролог, завязка, развитие, кульминация, эпилог. Испытаете ли вы катарсис, без какого не обходится хорошее драматическое произведение, об этом сейчас, начиная долгий путь, я думать не буду, чтобы ни обнадёживать себя, ни расстраивать раньше срока. Вместо этого я предложу вам игру. Игру в себя.

Мы — это то, что мы думаем. Кто-то ведёт дневники своих путешествий или просто записывает всё, что с ним произошло за день, делится с дневником планами и сомнениями, страхами и надеждами. Я веду дневник мыслей, потому что в них есть всё, что обычно доверяют дневнику, но мысли не связаны одной только реальностью бодрствования. Мысли непрерывны. Мы существуем, пока мыслим, поэтому думаем даже во сне. Во сне наши мысли ничто не сдерживает, мы освобождаемся от моделей и шаблонов, перестаём играть. Во сне мы можем ощущать своё «я». Настоящего себя, кто ни в кого не играет. Но не всё так просто. Этому тоже надо учиться, как и ходить, говорить, писать. Когда обретаешь навык, обретаешь полноту и жизнь.

Вдруг это поможет кому-то из вас понять, кто он на самом деле, чего желает от жизни и от мира, что его сдерживает и почему. Когда игра в себя заканчивается, начинается знакомство с настоящим «я». И это – начало самых удивительных историй. Великих романов. Сказок наяву. Начало понимания.

Давайте вместе сделаем первый шаг.

Ваш Саша Жданов

ПРОЛОГ

«Человек в чёрном пытался укрыться в пустыне, а Стрелок преследовал его».

Эти строки из главного цикла всей писательской карьеры современного классика Стивена Кинга моментально врезаются в память. Каждое слово — серебряная пуля. Попало в цель и начинает жечь. Гонит вперёд.

Один из законов хорошего романа гласит, что главное в истории — начало, первые строки, ключ для инициации. Первые слова находят своих читателей, чтобы не отпускать до самого конца. Но я не согласен.

Главное всегда в конце. Так считают те, кто не пишет книги, а читает их.

Люди читают книги и смотрят кино ради возможности на время забыть, но по-настоящему им интересен финал. Ради него они упускают много важных деталей в надежде удивиться в конце. Или же терпят невероятное убожество в той же надежде, что конец примирит их с мыслью о безвозвратно потерянном времени. Процесс блекнет перед финалом, а самое страшное слово здесь — спойлер. Как забавно теряется интерес к книге или к фильму, если читатель или зритель узнаёт, чем всё закончится. Тысячи часов работы талантливых людей меркнут перед последними движениями героев. Если узнал, что герой в финале умрёт, теряешь интерес к его жизни.

Понравится ли роман, где главного героя на первой же странице ставят перед выбором: жизнь или смерть? Станет человек читать книгу, где всё начинается с финала?

Люди могут даже заплакать от досады, если им сказать, что в финале «300 спартанцев» все герои умрут. Люди могут даже ударить, если им со всей любовью сказать, что они непременно умрут или что они всю жизнь бегут от себя, чтобы попытаться быть кем-то другим, подстраиваются под других и ждут, что на них обратят внимания их кумиры. Но видит ли кумир зеркало, в которое смотрится? Он видит себя.

Люди таковы, что большинство живёт за счёт того, что создано другими. Мы не верим в плохой финал, совсем не ждём конца, но вокруг нас — результаты чьих-то усилий, чьи-то финалы.

Нам не приходило в голову задуматься, какой путь прошла от идеи до воплощения песня, фильм, книга, фотография, картина, да даже чипсы — всё, что нас окружает, — прежде чем стать источником наших впечатлений, результатом ожиданий, финальным аккордом конкретного жизненного мига. Нам нужен результат. Финал — это всё, что имеет

смысл и цену. Мы хотим знать, что будет после смерти, что с нами будет, получится ли у нас задуманное, но к гадалке не ходи — мы не следим за тем, что происходит с нами прямо сейчас...

Прямо сейчас человек без лица, скрытый в черноте, преследует меня во снах, а я готовлюсь протянуть ему руку. С кошельком или с предложением дружбы — в зависимости от того, что ему нужнее...

ГЛАВА 1

Покемоны всему виной. И нескончаемые июльские дожди.

Он был всего в одном шаге от того, чтобы, наконец, после долгих месяцев подготовки, осуществить Проект. Он тщательно расставил все ловушки, смазал капканы, приготовил приманку для жертвы и продумал пути отступления. В ближайшие дни один вечно улыбающийся парень должен был на себе ощутить, каково быть тенью. А он, напротив, заберёт все жизненные силы зарвавшегося счастливчика и получит не только бесконечную энергию и всеобщую любовь. Он бы поменялся с ним жизнями.

Если бы он так слепо не копировал все повадки того, за кем следил и кому готовил показательную казнь и абсолютное забвение. Если бы не эти покемоны...

Зелёное, жёлтое или синее мультяшное чудище возникло на экране смартфона, когда от дома отделял всего один пешеходный переход. Покемон с равным успехом мог быть любого цвета, всё равно в этот момент он не различал цветов и практически не слышал звуков. Появился очередной трофей, скорее всего, давно, только вот он отвлёкся и заметил его слишком поздно.

Ему всегда бывало не по себе во время таких приступов и после них: провалы в памяти стирали не квадратные метры, а целые «комнаты» и «этажи» мыслей в голове. После очередного *отключения* он не оказывался в неожиданных местах — нет-нет, он отдавал себе отчёт, куда идёт, иначе давно бы попал под автобус или сделал шаг с набережной в тёмную воду ненавистной реки отвратительного ему города. Напротив, слишком хорошо всё понимал и осознавал последствия собственных поступков. Периоды угнетённости чередовались близкими к одержимости периодами острой жажды вырваться из обыденности. В Сети он вычитал, что подобные состояния переживали многие великие люди. Ван Гог творил совершенно фантастические картины как раз в фазы мании.

«Придумали тоже! Ван Гог был не мог быть посредственностью, как я. С чего ему было страдать от неудовлетворённости, от того, что не можешь выразить свои чувства, увлечь людей своими идеями?» — подумал он тогда, в период острой депрессии. И ходил после этого ещё неделю в подавленном состоянии. Пока не появился Проект. Случайно, но весьма вовремя. В то время ему становилось всё хуже: между ремиссиями проходило всё больше дней, а периоды ясного сознания укорачивались, как тени в полдень. Всё остальное время его настроение неистово билось, как шарик в судейском свистке.

Ещё до покемонов, до этих неистово ненавидящих всё живое дождей, мокрой, серой и неприлично тёплой зимой он услышал о Саше Жданове. Узнал о нём на работе. Начальница назвала его «человеком, который заменяет собой солнце». Она тогда болела и испытывала временную утрату интереса к работе. Жданов, отрицая собственную фамилию, появился неожиданно: написал ей личное сообщение «ВКонтакте». И так всё было вовремя: и рабочий вопрос решил, и получил предложение даже лучше, чем сам думал, и человеку настроение поднял, и сделал так, что болезнь отступила.

«Спаситель, надо же! Только не с креста явился, а из *контактика*», — подумал он тогда, слушая начальницу. Она с горящим взглядом говорила ему, что готова продвигать проект Жданова, а мотивирующий текст писать... Правильно, это задание получил он! Ещё не зная «солнечного мальчика», уже испытал что-то близкое к чувству зависти. Или сразу — ненависть. Она ударила в спину и выбила почву из-под ног. У него тогда была ремиссия, и ему очень хотелось чем-то подбодрить руководителя, тем более — он это умел. Обычно, по крайней мере, всё получалось. Она благодарила и обещала, что справится, что всё будет хорошо. Какое-никакое, а ощущение нужности и важности! Пока не появился этот фотограф, чья улыбка слепила, как вспышка полицейского фонаря. Конечно, текст был написан. Подделывать настроения он умел мастерски. Но уже тогда решил, что у него появится Проект. Проект, который поможет обрести новую жизнь, взамен той, что тяжёлым грузом висела на шее, не давая дышать.

Всё это пронеслось у него в голове, как лихач на машине без глушителя, в долю секунды. За тот миг, когда понял, что главного элемента проекта более нет у него на руке. Съел покемон, которого съел он. Винтажный mp3-плеер гнал его вперёд под Jam Майкла Джексона, рвущий пространство на длинные полосы. Маниакальное устремление жгло нервные окончания и травило кровь всё новыми порциями адреналина. Он ловил не покемона, он ловил Жданова. Поэтому не видел, каким цветом была зверюшка — в глазах всё было красным. Он бежал домой, в руках был смартфон, сумка, пакет, зонт, ещё что-то. Вокруг запястья

был обмотан набравший силу амулет — оружие, которое должно было помочь ему украсть чужую жизнь.

Он перебежал через дорогу, разгоняя волной горячего воздуха пешеходов, цапнул покемона автоматически и добежал до привычного поворота во двор. И внезапно с ужасом понял, что на руке более нет его билета в новую жизнь...

Потерял!

Рванул обратно, едва не сбив с ног женщину с коляской: она зашипела вслед, но он даже не расслышал. Светофор, только с другой стороны перехода. Где? Глазами, как фарами-искателями, прожигал мокрый асфальт. Амулет должен лежать где-то здесь! Нет, пожалуйста, нет! Ведь он же не попал под колесо машины, не был унесён ничего не подозревающим водителем куда-то на другой конец города?

Полгода, целых шесть месяцев он готовился к финалу Проекта. Он уже распрощался со своей старой жизнью, в которой не видел ничего хорошего. Он одной ногой уже был в другой жизни, где ему больше не надо было играть в кого-то, кого окружающие принимали за него.

В этот момент сработал небесный таймер, и ему на голову обрушились водяные потоки третьего за сегодняшний день ливня. «Не ждал?» — издевательски вопрошал он. «Я знал, что так будет», — был ему ответ.

ГЛАВА 2

Февраль

— Знал, что так и будет! Надо мне всё же было чуть раньше появиться, или я мог бы позвонить. Но решил, что не стоит слишком спешить. Ты ведь только вчера, кажется, прилетел. И уже чуть свет на ногах. Давно ждёшь?

Гость, которого я ждал уже минут сорок, бесшумно вошёл в ресторан. Он был мягким и вкрадчивым, пока не заметил меня. Мы встретились взглядами, и он как-то сразу зашепел, устроив маленькую бурю в маленьком пузыре спокойствия, в месте, где после вкусного завтрака витал аромат кофе. Он пронёсся через маленький зал «Счастья» и принёс с собой шум города, а заодно и то, что в этом феврале принято называть зимой. С утра зарядил дождь. Казалось, ещё немного — и грянет гром. Он и грянул, только не с неба.

Я всего пару дней как как вернулся из очередной поездки. Всё меньше стран оставалось на планете, где я не побывал и не увидел всё самое интересное собственными глазами. Друзья подшучивали: «Жданов, тебя уже ничем не удивишь». И всё же, не желая становиться скучающим путешественником, я постоянно находил нечто, достойное внимания и восторга. За моей спиной было уже 180 стран мира и бесчетное количество волшебных городов на планете!

В этой поездке довелось побывать сразу в нескольких странах Карибского бассейна — маленьких, с красивыми и немного таинственными названиями, чьи столицы можно обойти полностью после завтрака и ещё до обеда. Жители таких островов — безоговорочно счастливы. Для их счастья, огромного, как океан, который они могут видеть каждый день, если захотят, вполне достаточно земли, где они родились. Я их хорошо понимал и всё же хотел большего.

Хотелось иного. В крови, помимо зова дальних странствий, давно поселилось желание жить в такой стране, откуда легко уезжать и куда просто возвращаться. В стране, где люди не завидуют тем, кто большую часть года путешествует, вместо того, чтобы нести офисную вахту. В стране, которая не будет ревновать тебя, когда уезжаешь, ко-

торая не будет искать в твоих глазах сияние звёзд над чужими меридианами и параллелями.

Я искал землю, где давным-давно поселились такие же странники с надеждой в душах и сотворили её вместе такой, чтобы в любой момент, когда человек чувствует необходимость сменить обстановку, он мог уехать куда угодно. Очень важное условие: я искал страну, откуда легко отправиться в любую точку мира, не боясь, что начнут задавать вопросы или с немалой долей вероятности и вовсе не дадут покинуть её территорию.

Когда-то я некоторое время жил в Австралии и считал этот остров-континент, откуда можно махать рукой пингвинам, отчасти своей землёй. Из Австралии пришлось уехать, вернуться туда, где первый дом. И надежда снова побывать в краю мечты оставалась, но только после того, как на руках будет вид на жительство в стране вечных странников. Я всё же нашёл землю, готовую помочь осуществить мои мечты. Эта земля обещала возможности, о которых я всё чаще думал. Думал при всей любви к Петербургу, где друзья, работа, где живёт любимая мама и люди, научившие тому, что мир огромен, а ещё больше — возможности человека.

Австралия — моя земля. Подумал об этом и сразу вспомнил хорошую подругу, с которой я познакомился на континенте кенгуру и Крокодила Данди. Джейн Никитина. Азартная авантюристка, вечно на позитиве, всегда готова вписаться за друга, и всегда добывается своего. Настоящий Скорпион по Зодиаку, она всегда знала себе цену, не завышала её, но и принижать себя никому не давала. У Скорпионов есть одна черта — они довольно эгоцентричны, но у Джейн эго весьма гармонично сочеталось со стремлением к правде, даже если правду приходится выслушивать ей о себе самой.

Я вспомнил о ней, потому что она любого может научить, что нужно делать, когда в крови зов, когда хочется иного. Интуиция подсказала крутышке Джейн отправиться на другой конец планеты, когда она училась на бакалавриате в международном институте менеджмента, более известном под аббревиатурой ИМИСП.

Когда мы говорили с ней о том, как попали в Австралию, что для нас эта страна значит, чем она такая особенная, она рассказала мне life story в лицах, как она из института оказалась в шестой по величине компании в мире среди кенгуру и страусов эму, которые не умеют двигаться задом — только вперёд. Ну, тогда она ещё была не той Джейн, что сегодня, но могу себе представить, что уже в то время она решила, где именно окажется в следующий момент.

— Прикинь, я иду на занятия, и тут что-то щёлкает в голове. И я слышу голос, но не тот, что начинает крутить пластинку в головах у ненор-

мальных. Нет, это мой собственный — нормальный, расчётливый, спокойный голос. И я сама себе говорю что-то о том, что пора всё менять, что сейчас у тебя движение шаг вперёд — два назад, и надо сразу одним махом большущий такой прыжок совершить. И вот я лечу в Австралию, представляешь? У меня там ни друзей, ни родственников, ни счёта в банке, но что-то тянет туда. В самолёте вся извелась: когда же, когда я должна увидеть это место. Вдруг не понравится: тогда успею в тот же самолёт запрыгнуть.

— И вот 9 марта 2010 года — дату я запомнила и не забуду никогда — мои ноги вприпрыжку бегут через терминал аэропорта. Наконец я вижу Австралию. Яркое солнце, нереально голубое небо, такое чистое, что кажется которое кажется выпуклым, как стеклянный купол. Я ощутила свободу.

— В наушниках играет «Inception» — песня «Time». Особенная для меня с тех пор. Под эту песню я впервые ощутила, что становлюсь другой, что нашла место, где смогу переродиться в того человека, каким всегда хотела быть. Так и вышло. Крутая траектория вышла, согласись? Но приземлилась ровно в ту точку, куда надо. Как шарик в нужную ячейку колеса рулетки.

Такая вот моя австралийская подруга Джейн. Человек-позитив, наслаждающаяся всем, что даёт ей жизнь. Её любимая фраза, с которой она идёт по жизни: «Независимо от того, кем ты являешься и что делаешь, когда ты по-настоящему чего-то желаешь, ты достигнешь этого».

Так вот: я уехал, а она осталась. Ей хватило поиска своей земли, чтобы понять, где ей хочется остаться. И я тоже сохранил в своём сердце любовь к Австралии, но однажды понял, что надо продолжать поиски, надо искать, даже если хочется остаться. Можно уехать, но останутся твои друзья: в Австралии я всегда могу приехать к Джейн или Катюшке Лазаревой, и все будет так, словно ничего и не изменилось. Мы снова, как друзья, возобновим с полуслова какой-нибудь давний разговор. Любовь к земле остаётся ждать нас в людях, которые не уезжают.

Любовь никуда не денется, никто не запретит любить, не отнимет чувства к тому, что дорого. Однако возможностям нужен простор. Они не могут, как лебеди с подрезанными крыльями, привязаться к крошечному водоёму, каким бы родным он ни был.

Несколько дней назад казалось, что всё возможно, что удача снова улыбается. Вегас — город в пустыне, где испытывают удачу. Хотя, что это за фраза такая: «испытывать удачу»? Это удача испытывает нас — снова и снова. Чтобы помнить об этом, я увёз из сувенирного киоска игровой столицы свободного мира несколько наборов покерных фишек. Раздарил друзьям и коллегам, но, сидя в заснеженном Нью-Йорке в ожидании перелёта через океан, ощущал, что возвращаюсь на роди-

ну, слышал её всё более настойчивый зов. Кстати, наша дружба с Джейн укреплялась ещё и общей любовью к Лас-Вегасу. Для неё этот город тоже особенный.

Погода будто не хотела пускать домой. Я опоздал на эфир на канале «Санкт-Петербург», пришлось перенести ещё кое-какие встречи. Хорошо, что на работе понимают — знают, что отработаю: если надо, спать буду в офисе. Работа — это важная часть жизни, как ни крути. Даже путешественникам нужна работа, как напоминание о том, что мир открыт лишь для тех, кто в состоянии ценить его дары и платить за них. Поэтому, если вдруг у кого-то сохраняются иллюзии, что я, Александр Жданов, живу за чей-то счёт, катаюсь по миру, как модный блогер, по приглашениям богатых компаний, то пусть успокоятся: я отвечаю за себя сам.

Я привык работать. Когда я, юный и наивный мальчик Саша с горящими глазами, начал карьеру фотографа, мои сверстники мечтали максимум о новых кроссовках, приставках, кто с более развитыми амбициями — о мопеде или о том, как родители за хорошую учёбу возьмут с собой за границу на отдых. К тому моменту, когда сверстники, в большинстве своём, только задумывались, работать ли им по полученной в вузе специальности, я, хоть и не ожидал такого результата, уже ощутил великую усталость от постоянной рабочей гонки. Работая по 12-14 часов — иногда и больше времени отнимали заказы, переговоры, поездки, съёмки, — в какой-то момент понял, что работа заменила мне жизнь. Стала мной, а я превратился в её тень. И тень эта становилась всё тоньше и тоньше.

Тогда выход нашёлся. Помог лучший друг Михаил Зарубин. Вытащил из замкнутого круга беспощадного и жестокого шоу-бизнеса. Удалось не стать тенью собственных амбиций, потому что вовремя понял: можно сколько угодно, пытаюсь, чтобы тебя заметили, играть в кого-то, кем ты не являешься, но однажды окажется, что играть в себя ты уже не в состоянии.

Я успел догнать себя. Найти к себе дорогу. В самом прямом смысле: начал путешествовать. Поездки стали сначала отдушиной, шансом вернуться в нормальное состояние. Постепенно пришло осознание, что другие страны — это не только романтика, впечатления, приключения. Странствия вернули порядок жизни. То, чего остро не хватало каждый раз, когда возвращался домой.

Вернувшись из Америки, под зимний дождь и родной запах сырости, я ощутил перемены в городе. Нет, с улицами, площадями, историческими зданиями, даже с любимой кондитерской «Счастье» всё хорошо: они не исчезли, не пришли в запустение, внешне те же самые. Люди улыбаются, и официант, подошедший утром, чтобы принять за-

каз и без промедления принести горячие, ароматные и по-прежнему вкусные сырники, что здесь подают на завтрак, и даже дождь посреди зимы, — обычное дело. За те недели, что меня не было дома, изменились разговоры.

В первый же день, пообщавшись с друзьями, я услышал не единожды звучавшие как приговор слова: «санкции», «курс валют», «нестабильность на рынке». Друзья всерьёз начали опасаться, что станут разорительными их проекты и бизнес, связанный с иностранными партнёрами, а значит, находящийся в прямой зависимости от курсов самых востребованных валют — доллара и евро.

Такие разговоры не могли выбить из колеи. Я не относил себя к числу людей, которым достаточно одного выпуска новостей, чтобы начинать ждать самого худшего. Уж чему, а оптимизму дальние дороги учат в первую очередь. Сколько бы ни было поворотов, обязательно будет прямой участок, ещё и под горку: видно всё далеко, и расстояние преодолевается быстрее.

Трудностей не нужно бояться — без них нечего ждать, что чему-нибудь в жизни научишься. И всё же грустно и тревожно от того, что я вижу сейчас в глазах друзей и близких людей. Я тревожусь за маму: ей в этом году исполнился 71 год. Я желаю ей ещё долгих лет и очень хочу, чтобы прожила она их достойно и радостно. Я хочу, чтобы мама слышала совсем другие разговоры, смотрела совсем другие новости, смотрела из окна совсем другой квартиры — и уж точно желаю, чтобы мама видела солнце чаще туч.

Говорят, что уезжать — это не выход, но иногда уехать как раз и означает найти выход. Найти возможность, прежде всего, позаботиться о тех, кто тебе дорог.

Об этом и о впечатлениях от путешествия я рассказываю своему собеседнику, сидя за одним из дальних столиков кондитерской в глубине помещения. С моего места видны все посетители — входящие и выходящие. Удобно наблюдать за всем происходящим у барной стойки. В кондитерской, несмотря на довольно раннее время и будний день, народу довольно много. Люди постоянно сменяют друг друга за столиками. И на всех приветливым официантам хватает времени и внимания.

«Такое вот «Счастье»», — подумал я неожиданно, говоря с собеседником как раз об ощущении счастья в жизни. — «В состоянии счастья человеку хочется делиться своими ощущениями и радостью жизни со всеми, кто пожелает эти чувства принять. Счастливый человек щедр,

потому что понимает цену счастью, и именно поэтому он никогда не закрывает двери от тех, кто это счастье ищет, кто в нём нуждается».

— Знаешь, почему мне так нравится «Счастье», что я сюда постоянно прихожу, когда возвращаюсь из путешествий? — спрашиваю я у сидящего напротив собеседника. Тот расправляется с порцией горячих сырников с густой сметаной, которые только что принёс всё тот же высокий и очаровательно интеллигентный, но без дежурной услужливости официант.

— Они начинают работать с раннего утра, — тут же отозвался он, не переставая есть. — И здесь хороший кофе. И пахнет чем-то вкусным. Так приятно, что хочется остаться здесь, если не навсегда, то до тех пор, пока на улице не начнётся настоящая зима. Или лето.

— Ты уловил мысль. Мне нравится сюда возвращаться, потому что здесь я ощущаю город. Здесь — настоящий Петербург. За стенами может быть любая погода, даже лёгкий катаклизм или локальный апокалипсис, но здесь никто не будет никуда спешить, люди будут вести разговоры, официанты — подавать кофе. У счастья своё мировосприятие и течение времени.

— Знаешь, чего я не могу понять? — человек с другой стороны стола аккуратно отложил вилку на краешек тарелки. Напротив пристроил нож, при этом посмотрел, как лежат столовые приборы, чтобы официант не подумал, будто блюдо уже можно уносить.

Вежливо улыбаюсь, ожидая ответа.

— Мне непонятно, что такой человек, с острым чувством справедливости и желания счастья для всех, делает здесь?

— За этим столом?

— В этом городе. В этой стране.

— Я люблю этот город. Здесь мои друзья. Здесь живёт моя мама. Этот город вдохновляет меня. Поэтому я люблю сюда возвращаться. И люблю уезжать, зная, что он обязательно меня дожждётся. И даже не будет сердиться, если я снова задержусь.

— И в тоже время он задерживает тебя. Или сдерживает.

— Если ты думаешь, что всё, о чём я только что рассказал, как-то меняет моё отношение к месту, откуда я сам...

— Я ничего не думаю. Я просто слушал. И мне кажется, что это место, этот город, у которого зимой снега не допросишься, меняет людей. И я не говорю сейчас о том, что он влюбляет в себя, что он прекрасен. Петербург — большой обманщик. Он похож на Сергея Шнурова во фраке, но без штанов. Когда надо, он способен быть интеллигентом до самых коньков крыш и куполов соборов. Вы встречаетесь, раскланиваетесь. Он изящно сплёвывает с моста в реку. «А почему у тебя такой хриплый голос, как будто прокуренный и пропитый?» — спрашиваешь ты у него. А он в

ответ: «А это просто ветер с Балтики. Простуда у нас не редкость». Ответ принимается. «А почему ты закрываешь серой щетиной свою строгую красоту?» — спрашиваешь его, сделав вид, что поверил первому ответу. А он: «Я другу свою бритву отдал, а он не вернул. И уехал в Москву». Хорошо, может быть и такое. «Ну а почему ты так странно вырядился, встречая меня? Где штаны?» И он уже ничего не говорит, просто молча тащит тебя за руку куда-то во дворы, всё быстрее и быстрее. Ты упираешься, но пока ещё не боишься, потому что шарма у города не отнять — веришь ему, как школьница доверяет бойфренду, когда тот говорит, что обо всём позаботится и после кино сразу отведёт домой. А когда оказываешься где-то во дворах-колодцах, откуда сам выход ни за что не найдёшь, боишься задать последний вопрос: «Куда ты меня притащил?» Ответ ты знаешь и сам: он будет три часа петь тебе весь репертуар подворотен, скакать перед тобой с носком на причинном месте, глумиться над твоей верой в людей и чувством прекрасного, а когда наскочет, потребует заплатить за концерт — и не пять сотен, а тысячи три-четыре. Униженный, ты чудом выбираешься из этих дворов, а потом, когда тебя спрашивают, нравится ли жить в Петербурге, осторожно отвечаешь: «Да, город красивый, но люди своеобразные и своя атмосфера».

Если до этого момента я потихоньку начал терять нить нашей немного странной беседы, всё больше отвлекаясь на наблюдения за посетителями ресторана, то что-то в последних словах моего собеседника заставило меня посмотреть на него, точнее, на его руки, которыми он всё время, пока сидел напротив меня, выражал едва ли не больше, чем словами. Если первые минуты разговора руки лежали на столе, как замёрзшие котята, слабо шевелясь и слепо натываясь на предметы на столе — брали меня за уголки листа, едва не роняя, с усилием пододвигали чашку кофе поближе к себе за кромку блюдечка, с намерением устроить шумное падение сжимали нож и вилку, — то сейчас они словно отмеряли, кроили и отбрасывали слова, пока мы говорили о различиях в нашем отношении к городу. И вот руки снова застыли, как будто их выключили, или — я поймал себя на мысли, что смотрю на происходящее, будто наблюдая за всем со стороны, как в кино, — начали двигаться в слоу-мо. Они вцепились в кофейную ложечку, словно пытались убедить тело, которому принадлежат, что ложка настоящая, держались за неё, как за что-то, что доказывает реальность происходящего.

«Ложки не существует» — фраза выскочила из подсознания, как порой появляется среди привычных питерских туч луч солнца — тонкий и робкий, но меняющий настроение дня моментально. Только что мне всё происходящее казалось сном, настолько странный оборот приобрёл простой разговор с малознакомым человеком. Я смотрел на себя будто со стороны, когда рассказывал о своих настоящих ощущениях от

путешествия, из которого вернулся вчера. С чего бы вдруг так откровенничать? Но остановиться не мог: всё казалось смоделированным, как в кино или во сне. Раз так, то можно всё. Как только отыграем сцену, можно забыть всё сказанное, как пройденные реплики сценария, и сосредоточиться на том, что будет в следующем эпизоде. А там может быть нечто, совершенно не связанное с этим разговором в ресторане посреди прячущегося между осенью и зимой городом: погоня, сон главного героя, а то и сразу развязка. Кино и сны — нелинейны, весь сценарий в чьей-то одной голове, а остальным приходится довольствоваться лишь эпизодами, обычно перемешанными. И сейчас главный герой не я, но сцену надо доиграть, чтобы услышать команду «снято».

Он переводит взгляд с ложки на меня. Только что у него был взгляд, какой бывает у человека, когда тот над чем-то так глубоко задумывается, что словно смотрит в себя. Ну, или слышит голоса.

— Я не сомневаюсь, что в своих книгах ты искренен. Если лукавишь, то что только слегка. Главный герой — это ты сам, несмотря на немного изменённое имя. Твоего альтер эго окружают люди из твоей настоящей жизни. Всё происходит в привычных для тебя локациях. Но этого недостаточно — тебе или твоим читателям. Или правильнее: и тебе, и им. И тогда появляются искусственно созданные герои, виртуальный советчик, как голос Бога, даёт герою подсказки.

Ложечка совершает ловкий пируэт меж его пальцев и отправляется на кофейное блюдце. Секундный отвлекающий манёвр: пока я смотрю на вращение кусочка серебристого металла, в голове что-то с лёгким щелчком входит в невидимые пазы, как недостающий кусочек пазла.

— В твоих книгах всё настоящее, и в то же время происходят довольно фантастические для обычного человека события. Герой становится кем-то вроде Индианы Джонса, только его связи с миром шоу-бизнеса, с Петербургом — таким, как вот сейчас мы видим за окном самого настоящего ресторана, — эти связи куда прочнее любого вымысла, на какой ты сам способен. Ты просто хочешь для себя, для Саши Жданова, чего-то большего, чем даёт тебе настоящий момент. И проживаешь более яркую жизнь в роли писателя, автора выдуманных страниц жизни того, кто похож на тебя, возможно, больше твоего отражения в зеркале. Ты немножко играешь в себя, но боишься заходить чуть дальше, позволить себе больше. Например, стать автогонщиком, яхтсменом, киллером, отправиться в прошлое. Уйти от себя, чтобы побыть кем-то ещё. Что бы твой герой ни делал, он остаётся тобой. Ты играешь в себя, потому что тебе нравится твоя жизнь, поэтому даже в фантазиях ты остаёшься собой. Ты не понимаешь, зачем люди читают книги, зачем пишут.

— Почему же, понимаю.

Разговор меня начинает немного беспокоить, пока сам не осознаю, чем именно. Борюсь с соблазном завершить встречу — для этого всего лишь надо сказать, что пора закругляться. «Прости, очень интересные мысли, но давай продолжим в другой раз, у меня через час эфир на радио». Что, кстати, правда, но отчасти: в запасе у меня ещё часа три минимум. Но куда сильнее желание узнать, что хочет мне сказать мой собеседник, какие «тайны» раскрыть, спутав меня с кем-то, кем я не являюсь. Пусть пока говорит, решаю я.

— Понимаю, конечно, по-своему. Но ты меня поправишь, если я ошибаюсь. Всё же это ты работаешь с книгами, а не я. Книги помогают нам становиться лучше. В них мы ищем ответы на вопросы, разобраться в которых самостоятельно нам мешает недостаток опыта. В книгах мы находим то, что недостаёт нам. Они помогают нам узнавать больше о мире, о других людях, лучше понимать себя. С их помощью мы можем взглянуть на себя со стороны, чтобы через поступки и мысли книжных героев понять, в чём мы не правы, чего нам не хватает и как всё исправить. Глупому человеку читать не нужно, потому что он уверен, что во всём разбирается без чужих советов, живёт правильно и сумеет всё, дай ему только денег. Умный или тот, кто желает поумнеть, читает для того, чтобы не поверить глупым, не поверить в идею, что нужны лишь деньги, чтобы жить так, как хочешь. Читать, чтобы узнать правду о себе и превратить это знание в возможности.

Всё время, пока я говорил, выражение вежливой заинтересованности на его лице сменялось весёлым недоумением. К финалу моей тирады он откровенно веселился, и это звучало в каждом слове его ответа.

— Правда человеку в книгах не нужна. От неё сплошные неприятности. Сколько экземпляров книги продаст автор, если начнёт с таких слов: «Ты глупое ничтожество, если открыл эту книгу, чтобы узнать, как тебе жить. Прочитав её, ты станешь ещё глупее»? Люди читают книги, чтобы забыть о себе, забыть о своей жизни. Они хотят раствориться в чужих историях, становиться кем-то, но не оставаться собой. Человек привык к обману в реальной жизни, к тому, что все пытаются друг другом манипулировать, для чего придумали любовь, долг, ответственность, работу, учёбу. Так привык, что правду боится услышать больше всего в жизни. Мозг время от времени устраивает нам всем боевые действия, вводит войска. Все эти «кто ты?», «зачем живёшь?», «чего ты хочешь?»... Мы начинаем от этого нервничать, испытывать недовольство собственной жизнью, дурить, совершать глупые поступки, метаться, хвататься за всё подряд. Хорошо, если всё это заканчивается на очередной ошибке, от последствий которой так просто не избавишься: взросление, жизненный опыт, любовь, работа. И получаешь по полной программе: ответственность, дедлайны, дети, кредиты, графики, кон-

такты, обязательства. Самое смешное, что ни на один вопрос ты так и не ответил, просто скрылся от них в том, что все называют жизнью. Недовольство никуда не девается. Всё это исчезает на время, сделав вид, что ошарашено новизной твоего «я». Потом всё возвращается, чтобы взяться за тебя с новой силой. За время сна сомнения стали куда сильнее, чем были раньше. Раньше можно было избавиться от таких мыслей тем, что принято называть бурной молодостью: постоянный внешний шум, который не даёт услышать внутренний голос. Орёшь, как сумасшедший, все вокруг делают то же самое: одни орут вместе с тобой, другие — на тебя. Нет времени остановиться и подумать, что ты делаешь, что будет дальше. Это лучшее время в жизни любого человека. Нет определённости. Страшно становится, когда начинаешь думать о завтрашнем дне.

Вот теперь точно стало неуютно.

— Прости, мы, кажется, отвлеклись. Мы ведь хотели поговорить о том, согласна ли твоя компания помочь в продвижении моей новой книги в своих магазинах. Не хочу показаться невежливым, но у меня через час эфир. Я и так из-за задержки рейса пропустил один, если пропущу и этот, ребята перестанут меня звать. Для меня это важно.

Боже, неужели я оправдываюсь? Всё же его слова меня немного задели. Получается, что я не фантазёр — это ещё куда ни шло! — я гораздо хуже: самовлюблённый нарцисс, кому всех удовольствий — писать книги о себе, любимом, даже не стараясь придумать новую биографию герою. Не думал, что это можно воспринимать вот так. Я против того, чтобы путать себя с кем-то, кем ты не являешься. Если ты не хочешь быть собой, если бежишь от себя, то это повод серьёзно задуматься, всё ли в твоей жизни в порядке. Оказывается, это нормально. Все так живут. Никто не хочет быть собой, всем интереснее чужие жизни, а не своя собственная. Нет, что-то здесь не сходится...

В мои мысли вклинился его голос.

— Прости, я увлёкся. Это просто моя теория. Я не говорю, что открыл закон жизни. Но я много думал об этом. Много думал о себе. О том, что мне в себе не нравится и почему.

— Ничего страшного, просто на самом деле пора бежать.

Он обернулся в сторону выхода и поискал глазами официанта.

— Надо расплатиться. Прости, что заставил тебя всё это слушать. Я просто хотел сказать, что люди читают книги для того, чтобы забыть о своих проблемах, о необходимости думать о завтрашнем дне. Вся современная индустрия развлечений построена на том, чтобы не оставлять человека наедине с его собственными мыслями. Думать о том, что важно другим, чтобы не думать о том, что волнует тебя самого.

— Всё нормально. Мысли очень интересные. Но для такого разговора явно нужно больше времени и другая обстановка.

— Всё, больше не будем об этом. Просто, видимо, я немного устал от города. Ты хотя бы можешь сравнивать его с другими городами, а я, наверное, засиделся здесь. Вот и кажется, что собственная жизнь — это совсем не то, свидетелем чего мне хочется быть постоянно. Хочу перемен. Но вместо этого надо спешить на работу.

Он снова обернулся, чтобы подзвать официанта. Я взял инициативу на себя. Тем более, она за время нашего странного разговора ушла от меня совершенно незаметно.

— Не волнуйся, я угощаю. Тем более, это наша первая встреча, что-то вроде знакомства вживую. До этого всё больше «ВКонтакте» переписывались. На самом деле ты оказался совсем другим человеком. По твоей странице, по записям на стене никогда бы не сказал, что в твоей голове такие печальные мысли. Или я не в своё дело лезу? Прости.

Он посмотрел на меня так, словно только что проснулся и теперь пытается сообразить, где он оказался и с кем говорит.

— Всё в порядке. Ты ничего нового не сказал. Мне много раз говорили об этом: тебе надо писать. Но никто не спрашивал, хочу ли я этого. У людей порой странные представления о комплиментах. Хотят сделать приятное, а вместо этого определяют план действия для тех, кого не знают. «Ты такая красивая, тебе бы моделью быть». «Ты ведь так хорошо пишешь, тебе ничего не стоит написать это, только в удовольствие». «В тебе задатки руководителя, тебе надо своё дело открывать». Как будто они спят и видят сны о себе, но не видят того человека, кому всё это говорят. Я и сам постоянно ощущаю себя как во сне. Будто всё это не со мной, словно я смотрю кино о ком-то, кто говорит, думает, ходит, как я, но я его не знаю. И хочу проснуться и стать собой настоящим. Хочу перестать играть в кого-то, в чьём теле мне всё неудобнее с каждым днём.

После этих слов он, словно устав от своего тела, с такими разговорчивыми руками и такими странными мыслями в голове, вскочил, бросился одеваться. Он что-то ещё говорил, то ли благодарил за завтрак, то ли за то, что я его выслушал, то ли о том, что с книгой вопрос решим, всё будет в порядке — или обо всём сразу.

Я ощутил, что эта беседа немного выбила меня из колеи, какое-то чувство отрешённости охватило. Или это я ещё не оправился от смены часовых поясов, климатических зон и перелёта. Как бы там ни было, я смотрел на него, а сам мысленно уже находился в студии радио «Балтика». В привычном окружении, среди знакомых лиц, кому в голову не придёт вести такие вот разговоры, в которых слишком много вторых и третьих смыслов. Не такой встречи я ожидал, но тем интереснее: в голове уже выстраивалась из кирпичиков идея новой книги.

Хоть поводом для встречи и стало продвижение моей новой книги в магазинах самой крупной в городе книжной сети, чьё название столь

известно, что можно и не произносить вслух, на самом деле книги никакой ещё не было. Кроме как в проекте. Теперь же появилась вполне осмысленная идея. Значит, я пишу о себе самом, даже не делая вид, что хочу быть кем-то ещё, кем-то иным? Хорошо, в этот раз поступим иначе.

Чувство нереальности происходящего охватило с новой силой после того, как мой собеседник распрощался, мы договорились созвониться в скором времени, и он, наконец, ушёл.

После его ухода я ещё некоторое время сидел, бездумно тыкая в кнопки смартфона. Игра в себя и игра в кого-то другого. Отвлечёшься от своей жизни историями других людей. Я всегда думал, что это помогает осознать, что ты сам хочешь от жизни, к чему стремишься и как намерен достичь цели. И никогда не думал как о возможности забыть себя, пусть на время. Видимо, постоянно находиться в этом городе, год за годом, не имея возможности сменить обстановку хотя бы на время, превращает привычное окружение в некое подобие тюрьмы. Даже любимое лакомство начинает вызывать отторжение, если есть только его и ничего иного не получать.

Так, стоп, Саша. Это не твои мысли. Это всё разговор виноват. Ты во всём стремишься видеть хорошее. Так отнесись к тому, что ты услышал, как к возможности показать кому-то солнце за тучами. Оно там обязательно есть.

Как бы в подтверждение моим мыслям за окном снова посветлело. За капелью, мокрым снегом, низкими тучами, серыми фасадами домов показалось солнце. Мокрое стало блестящим, снег превратил серый асфальт в глянцевую неподвижную реку, по которой скользят машины и люди. Дома показали свои настоящие лица: их фасады заиграли множеством оттенков — старой слоновой кости, табачный, базальт, осенняя охра, голубой оттенок зимнего неба.

Так-то лучше. Пора выходить. Город ждёт. Город готов удивить. Город хочет показать тебе что-то новое. Мой любимый и родной Петербург, который не предаст и всегда рядом.

ГЛАВА 3

За день до этого

В темноту приходят звуки. Шум города. Обрывки мелодий из проезжающих машин. Шаги и шины. Приглушённо, как через фильтры. Глубокая арка, пронзающая дом. Ведёт в обычный в этой части города двор-колодец, но туда не надо. Цель ближе: дверь в одной из стен арки.

Обыкновенная металлическая дверь с кодовым замком и электронным звонком. Нажать «вызов». Голос в динамике: «Входите».

Хорошая вещь — социальные сети. Здесь можно анонимно травить любого человека, который чем-то не приглянулся. Вести одновременно столько жизней, на сколько хватит времени. Завести сразу несколько профилей, придумать истории выдуманным личностям и выбирать их под настроение. Сегодня обещать кому-нибудь дружбу, завтра стать для растерянного и потерявшегося в жизни советчиком, ещё через день некрасивого убедить в сердечной к нему привязанности — вариантов множество. Можно становиться тем, кем опасаться быть на самом деле по вполне понятным причинам. В реальном мире ты не всегда в состоянии разрешить проблемы, которые ставит перед тобой жизнь. В Сети у тебя нет проблем, ведь ты — не ты. И ты в равной степени можешь решать чужие проблемы и создавать их. Ведь есть толпы тех, кто в жизни не видит дальше собственного носа, а в интернете они — лёгкая добыча.

Единственное, что ты не можешь в Сети — пока не можешь, — так это стать кем-то иным на самом деле. Кто-то вошёл в комнату, пока ты плетёшь паутину над очередной наивной жертвой, на работе внезапно прилетело новое задание или просто кто-то из коллег прошёл мимо твоего рабочего места — любая мелочь разрушает иллюзию другой жизни. И вот ты снова тот же. Ты исполняешь то, что тебе говорят другие. Ты никогда не бунтовал и не пытался бороться с системой. Ты боишься говорить людям правду в лицо. Ты из тех, кто всю жизнь издевается над собой, придумывая обязательства, долг, обязанности. Ты нещадно третируешь себя, и при этом боишься посмотреть себе в глаза в зеркале. Ты ненавидишь свою жизнь, самого себя, поэтому прячешь себя настоящего. Ты, как лакмусовая бумажка, впитываешь чужие жесты, манеру говорить, даже интересы. И всегда включаешь тот образ, к какому привык тот, с кем ты в данный момент разговариваешь.

Тебя настоящего никто из них не видел. Тебя настоящего не знает ни один из тех, с кем ты играешь в Сети. Ты давно забыл сам, кто ты и кем хотел быть. Знаешь лишь одно: ты не хочешь оставаться в собственном сознании, где столько паутины, столько обмана. Тебя раздражает собственное тело, поэтому ты, как можешь, ослабляешь его, разрушаешь изнутри.

Ты быстро устал от игр в кошки-мышки с виртуальными профилями. Однажды пришла в голову мысль: что, если с той стороны тоже играют, тоже притворяются, ведут какую-то свою игру? И моментально стало скучно. Игра потеряла интерес. Вернулась мысль, от которой просыпался среди ночи. Впрочем, она мучила и наяву, не выбирая удобные моменты: прямо в метро, во время общения с коллегами на

работе, посреди улицы. «Всё это глупости», — шептал внутренний голос. — «Ты всё равно остаёшься самим собой. Ты всё равно остаёшься тем, от кого так устал».

Социальные сети предложили иной вариант. Раз притворяться кем-то больше не приносит радости, а быть кем-то другим хочется всё сильнее, надо искать тех, кто может это дать. Нет, он не стал членом одной из бессмысленных сект, которые под видом просветления и бессмертия вашей души желают обобрать вас. Не интересовали его и так называемые тренеры личного успеха: им тоже нужны были деньги, и они тоже обещали научить быть счастливым. Склонный к мистицизму, он стал искать сложный путь.

Сны. Во сне можно стать, кем захочешь. Кем осмелишься. Видеть сны надо учиться — так же, как учишься ходить в детстве. Давным-давно, словно в какой-то другой жизни, когда мечты казались реальными — только дотянись, он читал «Мост через вечность» Ричарда Баха. Книга перевернула его представления о снах: мозг способен менять реальность, пока тело спит. Путешествовать во времени, встречаться с собой, но только из параллельных реальностей, видеть будущее и готовить себя к тому, что ждёт после пробуждения. Во снах можно моделировать свою жизнь, при желании — встречаться с теми, кого нет рядом, и даже с теми, кто наяву никогда рядом и не окажется.

Более всего его тогда, в возрасте романтики и ожидания любви всей жизни, поразили путешествия Ричарда и его жены во сне. Они засыпали порознь, далеко друг от друга, но перед сном договаривались о встрече в известном им обоим ландшафте сна, в месте, которое они оба могут явно представить. Засыпали, встречались и путешествовали, где душа пожелает. Утром, после пробуждения, они в мельчайших подробностях помнили свои сны, помнили о том, что были вместе. Их рассказы о том, что каждый видел во сне, совпадали во всём.

Значит, сон — это иная форма жизни? Или во сне мы и живём по-настоящему? Эти мысли не давали ему покоя, они захватили его разум. Он пытался научиться управлять своими снами, но максимум, который он достиг — осознавать один раз из пяти, что он спит. Иногда он просыпался во сне, оставляя приснившиеся ему кошмары на глубоких уровнях, и продолжал спать, собирая поверхностные сны из разнообразного мусора, что прилипал к его органам чувств за день.

Весьма любопытно — понимать, что спишь, но не просыпаться. Задолго до фильма «Начало», где герой ДиКаприо странствовал между слоями сна, ему удавалось иногда включать цвета и звуки во снах, а иногда — писать сценарий сна сознательно. Несколько раз ему удавалось сохранять сны, как сохраняют файлы на флэшку, чтобы, при необходимости, когда уставший от реальности мозг требовал подзарядки, вклю-

чать их. Во снах он всегда оказывался прав, там любовь и дружба были вечными и не требовали суровых проверок, чего чаще всего не бывает наяву. После таких ночных сеансов по заказу он просыпался бодрым и полным сил. Новый день обычно приносил важные известия. После таких снов он набирался достаточно смелости, чтобы принимать важные решения, что будут влиять на его дальнейшую жизнь долгие годы.

Первые успехи в управлении снами окрылили. Он стремился быстрее прожить ещё один обычный день, где всё происходило в соответствии с однообразными сценариями, чтобы, закрыв глаза, из статиста превращаться в режиссёра. Он научился видеть самые причудливые сны, не связанные с его реальным жизненным опытом. Засыпая, он открывал глаза в иных измерениях, где можно было спрыгнуть с крыши огромного небоскрёба и полететь над сияющим огнями городом, со шпилями на башнях и огнями ярких реклам. Он скакал на лошади, пилотировал боевой вертолёт, прыгал в крошечном каное с водопада, защищал стены каменной крепости от армии рогатых демонов из японского фольклора.

Всё это случилось с ним задолго до фантазии «Запрещенный прием» Зака Снайдера, где сознание девушки танцует с фантазией. Бэбидолл, альтер эго героини в исполнении Эмили Браунинг, так и не удалось сбегать. В каждом из обликов — в сражениях с армией зомби и драконами, с роботами или с солдатами кайзеровской армии, среди которых были несколько трупов, — она оставалась собой и не могла стать безвозвратно кем-то другим для того, чтобы её сознание избежало смерти.

С тем же самым столкнулся и он. Как ни совершенствовались его навыки как сценариста собственных сновидений, в каждом из ночных приключений он оставался собой, какими бы причудливыми не становились окружающие ландшафты. Он продолжал испытывать страх в тех же ситуациях, что гарантированно выбили бы его из колеи наяву. В любой из ролей во сне он боялся того, что ввергало его в ужас, когда он бодрствовал. Он не становился смелее, благороднее, чище помыслами, после пробуждения у него не появлялись новые навыки. Самое главное — во сне и наяву он был одинаковым, раздражительно и бесповоротно, а ему более всего в жизни хотелось изменить это обстоятельство, бросить вызов закону постоянства.

Как же перебросить мост через вечность? Как научиться, путешествуя во времени и пространстве в своих снах, переходить из тела в тело? Ричард Бах писал о том, что, при желании, можно стать кем захочешь. Правда, он использовал это умение лишь для того, чтобы лучше понимать других людей. Станешь на время тем, кого ты любишь, и единство двух сердец и разумов перестанут быть просто словами. Станешь на время человеком, чей образ мыслей и жизни сильно отличается от

того, к какому привык ты, и вот она — дружба народов, единый мировой разум, где все понимают друг друга без слов, где нет языковых барьеров, нет конфликтов.

Он не хотел мира во всём мире, только в своей голове, чтобы во сне и наяву ему было одинаково комфортно. Как он ни старался, этого не случалось, и сон оставался выдумкой, игрой сознания, а в реальности он по-прежнему не мог воплотить в жизнь свои желания. Он не становился умнее, смелости сны ему тоже не прибавляли. Его внешность оставалась столь же заурадной. Какие бы красавицы ни отвечали ему взаимностью в сновидениях, наяву он всё так же не мог привлечь внимание тех девушек, что ему нравились: они предпочитали других. Во сне он мог путешествовать, куда захочет, у него не было нужды в деньгах, у него никто не спрашивал паспорт и не запрещал пересекать любые границы. Когда он просыпался, то понимал, что ничего не изменилось: денег у него нет, заработать сразу много, чтобы отправиться в путешествие, он не мог из-за того, что оставался всё тем же закомплексованным, робким, не вызывающим доверия у окружающих.

Он решил научиться управлять снами по-настоящему. Для этого раздобыл и самым подробным образом проштудировал книгу в двух томах об осознанных сновидениях. Правда, понял не всё, но решил начать с малого — вёл дневник сновидений, усилием воли просыпался посреди ночи, чтобы успеть записать сон, осознать его, а затем тем же усилием воли снова погрузить себя в сновидение, запустив его ровно на моменте, что предшествовал пробуждению.

Дело продвигалось очень медленно, со скрипом, как ржавый ключ в замочной скважине, где давно поселились пауки, потому что никто целую вечность не предпринимал попыток открыть дверь, за которой, он точно это знал, его ждёт нечто невообразимо прекрасное.

Как он ни пытался, дальше повтора одного и того же сна по заказу не продвинулся. Он никак не мог обучиться простейшему навыку всех осознанных сновидцев: решать проблему предстоящего дня во сне. Если верить книге, так можно было за ночь прокрутить все возможные варианты, отмечая заведомо провальные и доводя до совершенства действия в рамках вариантов, что могут помочь добиться цели, будь то экзамен, сложный разговор или первое свидание.

Всё было куда проще, чем написано в книге. Точнее, там не было написано одно: не пытайтесь повторить, если вы трус. Он как раз и был трусом. В детстве он всегда избегал конфликтов со сверстниками, а когда ребята из его двора устраивали шуточные набеги на пацанов из соседних районов, сходясь в драках понарошку, он убегал домой. Умом он понимал, что никто не будет бить его ногами, выбивать ему зубы или выдавливать глаз — им и делить-то нечего было, просто

было скучно. Но сердце у него начинало колотиться, как у кролика, загнанного в угол лисой.

Ребята над ним не издевались, не давали ему обидных кличек, но звать с собой перестали после нескольких таких трусливых побегов и одной панической атаки, когда у него началась истерика всего лишь во время игры в *войнушку* — его поймали «в плен» и тащили в «казематы» на «допрос». В тот момент его сознание раскололось надвое: одной половинкой себя он понимал, что это игра, что никто не тронет его пальцем, ведь вокруг только его друзья, пусть и разделившиеся на время игры на два лагеря. Вторая же часть в его голове устроила форменное безобразие. На глаза опустилась пелена, он ничего не видел, не слышал и не мог потом вспомнить. Ему рассказали, что внезапно он стал визжать, как девчонка или щенок, которому случайно отдавили лапы. Он забился в руках взявшего его в плен «бойца», стал кричать что-то неразборчивое про маму и всё повторял «пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, только не бейте меня». Его тело напряглось, выгнулось дугой, и он заколотил ногами по песку. После такого его, конечно, отпустили. Друзья испугались, игра прекратилась сама собой.

Такая сильная паническая атака настигла его впервые. После того инцидента он стал следить за своими реакциями, чтобы не испугаться чего-либо на глазах у других людей. Страх пустил корни в нём, захватил голову и сердце, и избавиться от него, как от маленького зловредного гнома, оказалось весьма сложно.

С возрастом страх никуда не делся, он просто стал приобретать иные формы. За это он постепенно возненавидел себя. Не в силах справиться со своим страхом, он захотел стать кем-то иным. Убежать от страха в другое тело, слиться с другим сознанием. Поэтому его так привлекли сны, но в то же время он так и не смог преодолеть некий психологический барьер. У него так и не получилось управлять собственными снами. Постепенно он забросил дневник сновидений, а позже нашёл удобную причину для того, чтобы не заниматься всей этой ерундой. Он взялся за учёбу, перестал шляться ночами по улицам в компании развесёлых друзей, у каждого из которых были свои причины не желать взрослеть. Он устроился на первую в своей жизни настоящую работу, начал понемногу зарабатывать, у него появилась девушка: реальная жизнь взяла его в оборот, вроде бы предложив некоторые варианты.

Долгое время он даже не запоминал, что ему снится.

Пока однажды он не проснулся с мыслью о том, что больше так не может. Давно уже нет того мальчика, что убегал домой, к маме, при упоминании мальчишеских забав — с драками и валянием на земле. К счастью, нет и того робкого юноши, что начинал заикаться и нести чушь, желая всего лишь сказать девушке, что та ему нравится, но чаще

вызывая в ответ смех, а не улыбку, какой девушки одаривают тех, к кому благосклонны. Он кое-чего добился на работе, ему есть о ком заботиться, у него есть собственный дом. И всё же жить по-настоящему он боится по-прежнему. В его жизни нет места риску, внезапным решениям, он живёт по будильнику и послушно исполняет чужие приказания. Он живёт в соответствии с графиком выплаты кредитов банкам, но так и не отправился путешествовать, хоть и мечтал об этом.

Он на много лет просто уснул без сновидений. Теперь пришло время проснуться, но он не может. Он сам себя не пускает, сам себя держит — в плену представлений о том, что хорошо и плохо, как правильно. Он предпочитает спать и не просыпаться. Он не хочет отвечать за себя. Он всё тот же испуганный маленький мальчик. К счастью, кое-что всё же изменилось: он помнит о том, как однажды пытался найти выход через сны. Тогда ему не хватило опыта, решительности. Но было кое-что, о чём он тогда не подумал. Ему не хватило подсказок.

В то время, до повсеместного распространения интернета, нужно было обладать развитыми коммуникативными навыками, чтобы раздобыть информацию. Хочешь что-то узнать — иди в библиотеку, но там тебе выдадут книги, в которых придётся разбираться самому. Что-то не поймёшь — придётся искать людей, способных помочь разобраться. Это значит, ещё больше разговаривать с незнакомцами, привлекать к себе внимание. Тем более, интересовали его не самые простые вещи. Вряд ли возможно не привлекать к себе внимания, интересуясь осознанными сновидениями, переходом сознания из одного тела в другое и прочей эзотерической чушью. Конечно, то было время чудес, но несколько иных: тогда в одночасье становились безумно богатыми люди, кому ещё за несколько лет до этого даже трактором не доверили бы управлять.

К счастью, времена изменились. Настала эпоха анонимности — условной, опасной, когда, заигравшись, можно было подставить себя, но если вести себя осторожно, то можно всё. Можно быть кем угодно в социальных сетях и на форумах, можно управлять мнениями людей, да что там — свои мысли вкладывать в другие головы. Этим он быстро наигрался. И начал искать тех, кто мог бы помочь ему реализовать самое заветное желание: стать другим человеком. В буквальном смысле слова.

Он как-то прочитал о любопытной способности не то африканских, не то перуанских шаманов. Информация встретила его то ли в одном из мистических романов, к каким испытывал особенную тягу (нравилось ему наблюдать за людьми в критических ситуациях, не поддающихся логическому осмыслению), то ли это была «Золотая ветвь» Фрэзера (самое полное собрание культов и верований: за десять лет он так и не дочитал огромный том до конца). И то, и другое — источники

весьма неоднозначные, но не верить им куда сложнее, чем верить новостям. Шаманы эти были способны путешествовать во сне куда пожелают, встречаться с любым человеком в этом мире и существами иных измерений. Сердце его забило быстрее, когда в тексте попался кусок об особых талантах таких людей — способности излечивать ночные кошмары, или заменять дурные воспоминания новыми картинками. Возможно было сделать так, что человек просыпался с новыми воспоминаниями и ощущениями, а иногда, если ситуация требовала серьёзного вмешательства, шаман переписывал во сне всю жизнь человека, создавая ему новую судьбу — с иным прошлым и будущим.

Вскочить с места его заставил отрывок, где говорилось об обмене душ. Ритуал, схожий с тем, что проводили над своими жертвами жрецы культа вуду, заставляя безвольных зомби служить им. Однако воздействие на участников ритуала было совершенно иным. Для проведения нужны были две души в двух телах: если одна душа по каким-то причинам не может находиться в своём теле, находят «донора» для переселения.

Кто мог пойти на такую жертву добровольно? Времена были другими, поэтому доноров обычно не спрашивали. Старики вселялись в тела детей, проживая ещё одну жизнь, заключённые в неизлечимо больных телах сознанием переносились в тела здоровые. Иногда матери шли на жертвы ради больных детей, порой один из двоих влюблённых шёл на добровольную жертву ради того, с кем хотел провести всю жизнь, но вместо этого разделил с ним тело. Любовь и самопожертвование — это прекрасно, но чаще всё происходило по-другому: донор даже не знал, что кто-то на его тело положил глаз. Только во снах он мог ощущать чужое присутствие, но за ним вели наблюдение те, кто умеет прятаться в тенях и управлять своими снами.

Украсть тело, выдворив из него сознание, не так просто. Почти пять лунных циклов занимает процесс трансформации сознания переселенца, прежде чем оно будет готово покинуть пристанище своего тела и перенестись в тело донора. К тому времени шаманы через сны перерезают все ниточки, что связывают душу человека с его телом. Когда приходит время, происходит нечто, что можно сравнить с двенадцатым ударом часов в новогоднюю ночь.

Представьте себе, сколько миллионов рук в эти секунды сдерживают пробку бутылки шампанского, готовую под воздействием углекислого газа вылететь, запустив следом или аккуратный дымок, или пенную струю напитка. Эти несколько десятков секунд, пока люди отсчитывают удары часов, готовясь проводить в прошлое старый год, концентрация духовной энергии достигает максимума. В эти мгновения невозможное возможно, любые чудеса возникают прямо из воздуха и готовы стать

реальностью в жизни любого человека, надо всего лишь правильно настроиться. В этом и заключается самая большая сложность.

Концентрация человеческих эмоций в последние секунды календарного года способна перестраивать реальность. Если бы все люди в одни и те же мгновения подумали о чём-то одном, захотели, чтобы это исполнилось, всем сердцем, это бы и произошло. К счастью, многие из нас слишком эгоистичны и зациклены на себе, чтобы в мире стали возможны подобные чудеса. Шаманы, которые работали почти пять месяцев над тем, чтобы ослабить связь души с телом и подготовить всё для переноса сознания, сконцентрированы куда лучше. Что говорить о том, кто все эти пять месяцев ждал, пока настанет решающая ночь: он больше ни о чём не думает, он готов полностью, он — летящая стрела, метеорит, несущийся к поверхности планеты огненным росчерком на звёздном небе. Прежде чем он долетит до земли, он растворится в атмосфере, станет частью этого мира и, если никто не видел, как метеорит падает, то никто никогда и не догадается, что он часть не своего мира. Примерно так и происходит обмен одного сознания на другое тело.

Куда исчезает сознание донора? Есть два варианта: шаман может стереть его вовсе, растворив в мировом информационном поле, а может отправить в мир снов — таких, какие сама душа пожелает видеть.

Есть ещё одна интересная деталь. После переселения в новое тело сознание захватчика сохраняет всю память о жизни в прежнем теле, но при этом может пользоваться эмоциональной памятью донора. Дело в том, что, даже после выселения, душа оставляет след в теле, поэтому новый «жилец» пользуется, образно говоря, теми же коммунальными благами, что и прежний обитатель, но при этом находится в своём уме.

Что происходит с телом, из которого добровольно уходит сознание? Кому какое дело до оставленного тела! Но всё же... Дело в том, что сознание человека — это и есть его душа. Без души человек становится пустым сосудом. Лишившись сознания, то есть рассудка и эмоций, тело лишается воли к жизни.

Из двух появляется новый один.

С какой стороны ни посмотри, это не просто новая жизнь, это жизнь, что лучше прежней. Ты остаёшься собой, но будто переезжаешь в новый дом, другую страну, на другую планету, а все проблемы, горести, долги и обязательства, пусть и ненадолго, остаются пустой оболочке.

Он закрыл книгу, совершив столь ошеломительное открытие, и долго смотрел в окно, где в темноте сверкали близкие огоньки в окнах соседнего дома. «Прекрасно! Я должен это сделать». Больше ничего в голове. Никакого страха, сомнений. Главное — он ни на секунду не задумался о том, что произойдёт с донором.

Почти год у него заняли поиски любых сведений о возможности проведения такого ритуала в наше совершенно и непреодолимо прагматичное время, где из всех чудес — прогрессирующая глупость человечества. Желание стать другим человеком, оставив даже не в прошлом, а в иной жизни все свои проблемы, он, конечно, глупостью не считал. Можно ли считать глупостью открытие Америки Колумбом? Глупо ли поступили испанцы, французы, голландцы, британцы, оставив свою родину, да что там — совсем разорвав с ней связь, чтобы на утлых судёнышках отправиться через океан в новые неизведанные земли? В Новый свет, где их поджидало столько опасностей. Где уже жили люди, на секундочку.

Волновало ли это кого-то из тех, кто отчаялся улучшить свои жизненные условия в старушке Европе? В основном, нет. Напротив, очень быстро коренное население Америки было объявлено нежелательными гостями на своей земле. Их почти всех истребили, выживших и смирившихся загнали в резервации. Новым владельцам отошли их территории, где когда-то паслись стада бизонов, где люди с кожей цвета тёмной, чуть припорошенной пылью и специями бронзы с уважением относились ко всему живому, верили в то, что у деревьев и камней тоже есть душа. На этой земле новые жильцы выстроили огромные города, засеяли поля, провели дороги. Прекрасная мечта миллионов, Большое Яблоко, гигантский мегаполис Нью-Йорк вырос там, где всего четыре века назад обитали индейские племена. Люди стремятся в этот город, словно мотыльки к горячей лампе, или, что более верно по сути, как червяки к особо сочному яблоку. И есть ли им дело, что эта земля обманом отобрана за сущие безделицы, вроде стеклянных бус, у тех, кто имел на неё полное право, кто поселился на ней первым? Ответ очевиден.

Тогда и нечего нагонять тоску и придумывать себе душевные муки из-за того, что кому-то придётся уступить тело. Всё решается в этом мире силой. Желание сильнее владения. Даже владения по праву. Каждый день миллионами способов жизнь показывает и доказывает, что настоящее желание границ и ограничений не признаёт.

Убедив себя в том, что действует по праву сильного, он начал с главного: надо отыскать следы присутствия в Сети людей, хранящих знание о том, что можно назвать трансперсонализацией или переселением души во сне. Правда, в эзотерических учениях описывался довольно безобидный процесс, при котором не происходит полной замены, но быть кем-то другим, хотя бы временно, — сойдёт для начала, как отправная точка.

Сны всевидящему надзорному государственному оку пока не подвластны, в отличие от наркотиков, оружия, не таких уж редкостных из-

вращений, убийств на камеру и прочего мусора, какому самое место в даркнете. О снах можно говорить на сотне разнообразных эзотерических форумов, информации в интернете о внетелесных переживаниях едва ли не больше, чем советов о том, как разбогатеть не выходя из комнаты. Если тебе просто любопытно, ты не сможешь ни за что прочитать между строк намёки на нечто большее, чем обычный пересказ книжек Лаберже или Кена Орлиное Перо — обнаружишь лишь многословные и пустые пересказы снов и враки о якобы хождении между мирами, хотя тот, кто их писал, максимум доходил в темноте ночи дома до холодильника. Ни во благо, ни для злых дел эти «знания» не используешь при всём желании.

Он знал, что искать, и нашёл зацепки так быстро, что сам удивился. Интернет — великая вещь, а если твои поиски не ограничены Рунетом, то ты, при желании, сможешь управлять маленькой страной действительно не выходя из дома. Два-три десятка форумов любителей эзотерики — и нужные ссылки, на которые абсолютное большинство не обратит внимания, найдены. Главное — подчистить за собой следы.

Он не просто очистил историю поиска и скачал специальную хитрую программу, которая, ступая по обратным следам, как лисичка хвостом, уничтожает весь маршрут следования. Главное — даже в шутку, даже просто на салфетке или в дневнике, не написать, как надо искать следы тех, кто в таком реальном виртуальном мире способен извлечь душу из человека во сне — без смешных пассов и вхождений в транс, подобно тем экстрасенсам из глупого телевизионного шоу.

В процессе поисков он не позволял себе думать о том, во что ему обойдётся такой побег из тела, если он всё же найдёт, как он их назвал — Ловцов спящих душ (чтобы никому в голову не пришло искать их по настоящим именам). Если его захотят слушать, если он будет достаточно убедительным, чтобы ему захотели помочь, что потребуют взамен? Денег у него никогда не водилось: у него даже банковского счёта не было, настолько он боялся жить нечестно и попасться на глаза надзорным органам. Отдать в уплату свою условно бессмертную душу? Это имело бы смысл, когда б не сам предмет сделки — сознание или душа: речь идёт об одном и том же. Всегда есть подвох. Даже за добрые дела требуется чем-то жертвовать, как волшебнице Мадоке, заключившей контракт с милым ушастым зверьком Кьюбеем. Тот пообещал её добрые эмоции превращать в магическую энергию. С её помощью обычная школьница в роли волшебницы творит добрые дела — и одновременно убивает себя, по закону энтропии. Чем больше добрых дел, тем больше пустоты образуется в душе, тем грязнее её цвет и тем сильнее отчаяние. Плата за доброту — превращение в ведьму. Если такие предупреждения в аниме, японском мультике, над коим лишь посмеются и придумают

мом «Быть Мадоккой страдательно», то кто будет смеяться, когда придёт время получать плату за переселение души?

Всё оказалось настолько просто, что он едва не отказался от своей затеи, посчитав, что над ним всё же смеются, или он принимает желаемое за действительное, веря в то, чего просто не может быть.

ГЛАВА 4

Всё ещё за день до встречи в ресторане «Счастье» на Большом Проспекте

Правильный ответ был таким: плата взимается в момент переноса сознания. Он думал, что душа донора или просто уничтожается, или же её из самых добрых побуждений навечно поселяют в измерении снов. Так и оказалось, но о самом главном в книгах не писали. При переносе высвобождается такое количество ментальной энергии двух сознаний, что можно освещать этой высвобожденной силой город размеров Петербурга целый год. Обидно, если столько энергии уйдёт в космос или разольётся впустую в пространстве снов. Поэтому шаманы забирают её себе. Это и есть плата за услуги. Одному — новая жизнь, второму — стать новой батареей для восполнения жизненной энергии шамана.

Похоже на то, как Фредди Крюгер поглощал души школьников, убивая их во сне. Но лучше не думать о том, как может выглядеть шаман в пространстве сна.

Более никакой платы не требовалось. За исключением одной мелочи. Первая встреча всегда происходит во сне. Место и обстановку создаёт тот, кому нужно новое тело. Так шаманы проверяют силу сознания и готовность человека к переносу.

Так что первую встречу, за день до разговора в ресторане «Счастье», он организовал и провёл сам. Было очень страшно, потому что ему никто не помог бы, напугай он что-нибудь: не хватит сил, чтобы создать сцену сна и пригласить на встречу Ловцов — останешься навечно в созданном тобой сне. В реальности человек впадает в кому. Но становиться овощем в его планы не входило.

Но очень даже входило всё сделать как надо.

Место встречи: один из петербургских дворов, место генерации силы. Дворы-колодцы только кажутся окном в небеса, если встать в центре условного круга и запрокинуть голову к небу. Слепые глаза окон — это зеркальные усилители, а непременные в таких дворах вороны,

которые так любят кружиться то ли в восходящих, то ли в нисходящих потоках воздуха, на самом деле раскручивают воронку накапливаемой и освобождаемой окнами энергии. Люди за окнами, в коммунальных клетушках, ссорятся, завидуют, злятся, видят кошмары или желают кому-то сдохнуть. Всё это впитывают стены, а окна, как зеркальные подсолнухи из прекрасного мультфильма о путешествии Алисы Селезнёвой «Тайна третьей планеты», собирают эмоции — плёночка за плёночкой. За десятилетия, пока эти выходящие во дворы-колодцы слепые глаза пытаются разглядеть друг друга, таких плёночек собирается достаточно, чтобы окна стали мощной линзой. В небо взмывает невидимый луч, его закручивают в спираль вороны своими крыльями: энергия уходит в космос. Сновидение, как кино в IMAX, готово поражать воображение, но здесь за билет совсем иная входная плата: умение включить кинопроектор силой мысли.

Тело помнит куда больше, чем человек признаёт. Кажется, после стольких лет, пока ходил пешком, сядешь на велосипед и тотчас же рухнешь на асфальт, потому что не сможешь удержаться на двух колёсах. Не стоит бояться — тело помнит. Он много лет не практиковался в осознанных сновидениях, но с подсказками новых друзей не только быстро вспомнил всё, что необходимо для создания общей сцены действия во сне, но и получил ценные сведения о дворах-колодцах, одном из символов его города.

Сел на велосипед и помчался навстречу своей мечте. Несколько дней до ночи встречи не спал, потому с засыпанием проблем не было: отключился моментально, прошёл все стадии сна, пока не погрузил себя в ту, где сны наиболее глубокие и реальные, где, при некоторых навыках, можно создавать любые видения и находиться в них. Соскочил на ходу с воображаемого двухколёсного перевозчика, но не упал, а красиво зависнув в воздухе (видел такое в фильмах о людях Икс), опустился точно в точке соединения.

Старая оштукатуренная стена, с потёками, пыльная и покрытая дурацкими надписями. Если ударить по такой — извёстка пойдёт трещинами и отвалится кусками, обнажив старый кирпич, или из чего там строили жилые муравейники полтора-два века тому назад. Во сне всё гораздо красивее. Со всей силы приложился ладонью о скользкую мёртвую стену, и от прикосновения воображаемая текстура пошла волнами, как стеклянная стена небоскрёба в «Матрице», когда внутри машинной реальности вертолёт столкнулся с цифровым объектом. В точке, где ладонь прикоснулась к стене, воображение нарисовало тонкую паутинку цифровых трещин: зелёные змейки, преломляясь под прямыми углами, разбежались в стороны от руки и растворили неопределённый цвет стены, превратив прямоугольный её участок в стандартную,

защищённую от взлома, стальную дверь. Глазок на уровне лица в металлическом листе, по которому пробежалась сверху вниз зеленоватая рябь, один раз моргнул и застыл, выпуская наружу льющийся изнутри, из-за двери, свет. Шлюз перехода оформлен. Теперь можно постучать, как в обычную дверь. С той стороны — решение всех его проблемы. Одной так уж точно, потому что всех проблем не решить даже КВН.

Ужаснувшись промелькнувшей в голове шутке, он, пока концентрация не рассеялась, приложил пару раз костяшками пальцев к холодному металлу двери. Впрочем, та, к удивлению, оказалась — напротив — тёплой и немного живой на ощупь, как шкура льва или, что ближе к истине, рептилии, только совершенно гладкая, без рисунка крокодиловой кожи.

Дверь чавкнула, словно разжимая невидимые челюсти, но в руку не впилась, и пальцы не провалились в текстуру. За глазком свет несколько раз моргнул азбукой Морзе, словно с той стороны кто-то заглянул несколько раз, прежде чем открыть замки. Затем дверь выдвинулась вперёд, как в автобусе, оглушив свистом выпускаемого наружу воздуха, и резко ушла вверх. Тёмный двор залило ярким светом. «Так ощущают себя похищенные НЛО», — успел он подумать, прежде чем свет поглотил его и затопил спящее сознание.

ГЛАВА 5

Примерно через час после встречи в ресторане «Счастье»

Выглянувшее внезапно посреди всеобщей серости и сырости солнце, как это бывает только в Петербурге, за одно мгновение перекрасило все фасады домов и изменило отношение людей к миру и себе.

Очень вовремя, подумал я. После разговора в «Счастье» минут двадцать я медленно шёл по улице, выбрав самый длинный маршрут до студии радио «Балтика». Меня не расстроили слова собеседника, ни в коем разе: понятно, что в человеке заговорило то, что очень долго скрывалось за облачным покровом отрицания, чтобы неожиданно прорвать этот покров. Только наружу прорвался не свет солнца, что сейчас напоминает о себе в небе над любимым городом, а излучение чёрной дыры, куда засасывает всё, что имеет неосторожность приблизиться. Так вышло, что мне не всё равно, что на сердце у людей, и всего одной встречи достаточно, чтобы захотелось человека, кто добровольно живёт в тени, вывести на солнце. Ведь оно вот, прямо здесь и сейчас — светит всем,

но одних сплит, других раздражает, заслоняя им обзор через лобовые стёкла машин и мешая читать с экранов гаджетов. Но для кого-то солнце несёт не просто тепло, но расширяет горизонт: на свету можно рассмотреть куда больше деталей, чем в тени.

Как сделать так, чтобы и он это увидел? Попробую ещё раз обсудить с ним это через несколько дней, когда буду говорить о своей книге с его начальницей. Возможно, в привычной обстановке он будет более позитивным. Этот город расцвёл среди суровых пейзажей. Так мало надо, чтобы раскрылась его необычайная прелесть — торжественная и негромкая: от решительных решёток оград и парапетов мостов до скромных окошек в мансардах. Одна улыбка.

Да, улыбка меняет всё. Она понятна без слов. Она — начало хорошего дня и крепкой долгой дружбы. Улыбка — возможность увидеть себя настоящим. Когда не знаешь, что сказать, для начала улыбнись.

Я улыбаюсь всем, кто идёт мне навстречу. Чаще всего в ответ на моё пожелание порадоваться дню вместе со мной люди отводят глаза. Они как будто стесняются смотреть на человека в хорошем настроении. Надеюсь, я их хотя бы не оскорбляю тем, что своей улыбкой говорю, что всё хорошо, всё разрешимо и поправимо, всё возможно. Только что какая-то бабушка остановилась и посмотрела мне вслед, качая сокрушённо головой и шевеля губами. Неужели люди дошли до такой степени отчаяния, что улыбаться в городе могут одни пьяные и люди под кайфом? Нет, вот девушка улыбнулась мне в ответ, а я показал ей на небо: смотри, разве это не прекрасно?

Улыбка — главный элемент в архитектуре человеческих контактов. Улыбку вызывает всё, от чего человеку хорошо. Мне хорошо от того, что выглянуло солнце, завтрак в «Счастье» был отличным, а в наушниках поёт фантастически прекрасная Диана Арбенина. Музыка — лучший проводник настроения.

*«С новым именем всех дождей,
Всех туманов и нежных слов.
Я хочу заслужить её,
Я могу заслужить любовь.
Не пускай меня в глубь листа,
В глубь колодцев и в глубь петли.
Масло капает, сохнет кисть
И стираются линии».*

Я много лет — свой в музыкальной среде, знаю очень многих людей из нашего шоу-биза, дружу с ними, знаю их настоящих, вне сценических образов, но Диана среди всех — особенная и уникальная.

Её песни я слушаю, когда нужно подумать. Её музыка выручает, если впереди предстоит сложное решение, она же помогает мне сохранять улыбку на лице, даже если в небе нет солнца.

Как это часто бывает, любимая музыка потянула за собой целый букет ярких воспоминаний — как цветы, что я ношу на концерты Дианы. «Ночные снайперы» были моей первой большой музыкальной любовью. Я впервые попал на концерт тогда ещё дуэта Светы и Дианы случайно, как многие подростки — за компанию. Сейчас уже не объяснить, что тогда произошло со мной, но с концерта я вернулся домой преданным поклонником этих девушек. Их песни, голоса, каждое движение на сцене очаровали меня, и под воздействием до той поры незнакомых мне музыкальных чар Сашка, фанат группы Scooter, начал превращаться, нежданно для себя, в того Жданова, кто сегодня открыт всему миру — и мир открыт для него. В жизни всё не случайно, и «Ночные снайперы» с первого выстрела попали точно в цель. В моей жизни появилась цель: УЛЫБАТЬСЯ. Каждому новому дню, людям, всему, что происходит с тобой, даже если это причиняет больше боли, чем радости. За улыбку мир открывает самую большую тайну жизни: как оставаться собой и получать от этого удовольствие.

Об улыбке очень хорошо как-то сказала Света Сурганова, тогда ещё солистка одна из участниц «Ночных снайперов». Я спросил её: почему ты всё время сияешь улыбкой? Она ответила: Саша, просто так естественно и может жить человек — с улыбкой.

И я улыбаюсь. Подпеваю одной из любимых песен: *«Архитектор души, я прошу продолжения»*.

Улыбался даже тогда, в 2002-м, за день до моего дня рождения, когда Света решила покинуть Диану и пойти своей дорогой, с сольным проектом. Улыбался, потому что знал: это не конец, это начало новой музыки. И улыбаюсь сейчас, после утренних мыслей, после разговора с человеком, забывшим о силе собственной улыбки. Путь до Петроградской набережной становится дорогой со смыслом: любимая музыка и улыбки. Раздай как можно больше улыбок, прежде чем попадёшь туда, где люди создают настроение собственными голосами. Поездка была долгой, так что я успел соскучиться по своим в некоторой степени коллегам по радиоэфиру — Юле, Алексею, Олегу. Мне есть им о чём рассказать, а они, пусть и радиоведущие, привыкшие слышать в основном свой голос, всегда рады слышать и слушать меня.

У них очень острый внутренний слух, они по тону голоса слышат куда больше, чем обычные собеседники. Потому на радио надо приходиться с чистыми намерениями и улыбкой в голосе. Помимо друзей по эфирам, я встречаюсь с Линой — важным для меня человеком, другом и защитником, как в этом мире, так и в реальности снов. Нашей

дружбе и общению подходят строчки из песни «Снайперов»: «Быть рядом с тобой на одном балконе, мы связаны богом и чёртом с тобою». Сколько времени за разговорами обо всём провёл я с Линой: мы с ней смотрели не раз на звёзды, делились мечтами, рассказывали о своих снах.

— Саша?

Знакомый голос совсем рядом, за плечом, вырвал меня из раздумий. Лина! Как будто ощутила, что я думаю о ней, и материализовалась из моих мыслей.

— Привет, — мы обнялись, и я убрал наушники, чтобы не подтверждать мудрость наших дней о том, что один наушник вынимают из уха, когда встречают дорогого и важного человека; в остальных случаях можно пренебречь и этим: личный комфорт важнее.

— Ты откуда или куда?

Она рассмеялась.

— Ты позвал меня, ведь так?

— Это так, но откуда?..

Моё одновременно смущённое и слегка ошарашенное лицо вызвало у неё новый приступ смеха. Схватив меня за руку, Лина потащила меня ко входу: оказывается, я сам не заметил, как дошёл до нужного адреса. Стоп! Что за мистика? Как я оказался на Чапыгина, если шёл на Петроградскую набережную? Если я вижу Лину, я точно не на радио пришёл. Лина работает на телеканале «Санкт-Петербург», она продюсер дирекции художественного вещания. Я хватаюсь за эти простые понятия, чтобы понять, что со мной только что произошло. После сегодняшней ночи, когда я впервые не смог совладать с собственным сном, не первый раз за день ощущаю, что со мной творится нечто странное. Я не заиклен на контроле того, что со мной происходит в любую секунду сна или бодрствования — так и двинуться недолго, если задуматься, как сороконожка, о том, как двигаются все твои конечности каждую секунду. И всё же: Саша, возьми себя в руки. Из раздумий выводит её голос:

— Ты разве сегодня к нам? Эфир, кажется, через несколько дней.

Эти слова всё моментально расставляют по местам. Я ощущаю невероятную лёгкость внутри. Так бывает, когда после долгого изнурительного перелёта, с пересадками и битьём баклуш в таможенных зонах крошечных аэропортов, затерянных на огромных континентах, в конце долгого пути ты видишь под крылом самолёта родную землю, любимый город, который встречает тебя неслышным никому, кроме тебя, пением. Это просто кровь начинает шуметь в голове: не от резкого снижения, а от радости, что ты там, где тебя ждут.

— Знаешь... так вышло, что, на самом деле... я тебя искал. Но сам только сейчас это понял.

По глазам Лины вижу, что ничего больше объяснять не надо. Ей пока достаточно сказанного. С ней всегда так. Сначала можно ничего не говорить, и она примет и поймёт, а потом ты сам расскажешь ей всё, но не по принуждению, а желая услышать её ответ. Слова, которые обязательно всё изменят, исправят, вернут в норму.

С ней всегда так, с самого начала нашего знакомства. Это давно уже не просто знакомство или осторожная городская дружба двух людей, связанных общими делами и проектами, но с разными жизнями за пределами деловых интересов.

Я первый и единственный раз обращаюсь ко всем по ту сторону книги, как герой Кевина Спейси, Фрэнк Андервуд, в сериале «Карточный домик». С одной стороны, вы поймёте, что всё это выдумка, ночная фантазия, сон. С другой — возможность, пусть ненадолго, втянуть вас в эти игры, покажет вам, насколько всё серьёзно и зыбко: границ между мирами нет, они только в нашей голове, и иногда достаточно прямого обращения к той стороне, чтобы разница между Там и Здесь перестала существовать. Такое обращение будет чем-то вроде предупреждения: сколько угодно можете думать, что всё происходящее не имеет никакого отношения к реальному миру, в котором вы (да и я) живёте. Шоу, выдумка, фильм, книга перестают быть только окном в другой мир и превращаются в распахнутые двери, когда герой нарушает границы и законы повествования. Пока ничего не понимаете? Ну, вам хотя бы не страшно. А если будет, помните: это сон.

Итак, познакомьтесь с крайне важным человеком для всей этой истории. Можете представлять её в любом удобном для вас образе — Белой Ведьмы или белой королевы на большой шахматной доске. Даже Алой Королевой из зловещей корпорации «Амбрелла» можно при желании представить. Она для всех разная — счастье тем, кому повезло узнать её настоящую.

Её считают сложным человеком, есть даже те, кто её боится — эту хрупкую блондинку с глазами, в которых, если присмотреться, можно разглядеть и Млечный путь, и всю нашу вселенную. Мне с ней легко, и рядом с ней жизнь прекрасна каждую секунду. Лина — не просто мой друг, она стала моим защитником, но не представляйте себе её в наряде Бэтгёрл или Чудо-Женщины, хотя она, вне всякого сомнения, чудо. От неё я получаю защиту, какую ищут друг в друге люди, образуя пары, союзы, семьи. Такое чувство, когда рядом с человеком ты ощущаешь вселенский покой и яркую, как полная Луна, уверенность в том, что

всё будет хорошо. Покровительства таких людей ожидают сильные мира сего, для таких людей строят дома, города и целые страны, но они, как настоящее волшебство, являются не тем, кто хочет, а тем, кто верит. Верит в то, что дружба может быть порой сильнее и глубже самой страстной любви. В любви люди растворяются друг в друге, порой до утраты идентичности, от чего начинают нервничать и воздвигать искусственные границы друг от друга, чтобы сохранять иллюзию своей индивидуальности. Ведь не секрет, что «любовь бывает долгою, а жизнь ещё длинней».

Я и Лина — мы не принадлежим друг другу во всеобщем романтическом представлении, так что красивой истории любви с преодолением преград между двумя сердцами и чудесным спасением в финале точно не будет. У нас есть нечто большее, чем объединение по формальному признаку влюблённости. Понимание, поддержка, доверие. По сути — близкие понятия и состояния, но сколько раз убеждался я на собственном опыте, что понимание не всегда включает в себя доверие, как и наоборот. Между ними, как балансир для двух чашек весов — поддержка. Это наиболее близкая к идеалу модель общения, и мы с Линой можем гордиться, что её достигли.

Мы познакомились... как раз там, где я сейчас нахожусь — в офисе телеканала «Санкт-Петербург». Я делал первые попытки рассказывать о путешествиях в утреннем эфире канала, передавать с экрана весь восторг, что охватывает меня каждый раз, как я приезжаю в новую страну. Говорить под прицелом камер совсем не то же самое, что в студии радио или по телефону: ощущаешь, как тысячи глаз по ту сторону экрана смотрят на тебя. Благодаря Лине я быстро освоился. Она помогла мне, научила, как вести себя в кадре, и давала советы, как выстроить короткий рассказ, чтобы успеть поделиться самым лучшим — в утреннем шоу на одну страну отводилось менее десяти минут. Опыт телеэфиров у меня был уже и прежде, но меня обычно звали как фотографа из звёздной тусовки, чуть позже — как блогера. Теперь я знаменитый — путешественник, а следом — всё остальное. За совместные годы на канале Линочка организовала мне более 50 прямых включений, и каждый раз, погружая людей в атмосферу путешествия и радости, я знал, что организация этого эфира — только ее заслуга.

Самые любимые поездки в её графике путешествий — в эстонскую Усть-Нарву. Это место силы для Лины. Каждое лето она там. Местные жители этот маленький городок на берегу залива называют Нарва-Йыэсуу. Звучит как заклинание. Если и так, то это заклинание даёт возможность мне подзаряжать свои батареи, скрываясь под своим незримым волшебным куполом от посторонних глаз как раз на то время, которого хватает для полного душевного восстановления.

И там, по побережью Нарвского залива или под невероятными елями, как из Твин Пикса, мы с Линой много гуляем, смотрим на море и звёзды, разговариваем обо всём. **Она для меня — бескрайний космос, человек, в ком я каждый раз нахожу что-то новое и удивительное. Культура, искусство, наука, старые советские фильмы и дирижёры — любая тема ей подвластна. Облик хрупкой миниатюрной девушки скрывает множество сюрпризов для тех, кто привык оценивать только по внешности — глубокий ум, острый и быстрый настолько, что пугает некоторых её коллег.** Шутка ли: её даже иногда боятся. Девушку, разбирающуюся в искусстве, и человека с мощной светлой энергетикой. Люди чувствуют это и тянутся к ней, приходят за советом или просто зарядиться.

В Усть-Нарве из окна её спальни видна вишня. Это важный символ для нас обоих. У нас даже есть своя песня. Она довольно старомодная, с одной из старых пластинок Михаила Боярского. Называется песня «Встреча в пути». Мы оба — те самые странники, о ком когда-то спел Михаил Сергеевич.

*«Мы — только путники с тобой,
Наш удел — идти,
Было нам назначено судьбой.
Встретиться в пути, встретиться в пути».*

И раз мы так удачно встретились однажды, мы используем любую возможность, чтобы поговорить, рассказать друг другу нечто важное, над чем до этого подолгу думаем, порой — просто высказаться, зная, что тебя слушают, слышат и понимают. Эти разговоры дают мне силу, поддерживают меня, и мы с Линой всегда чувствуем друг друга — на любом расстоянии. Отсюда и мистические порой совпадения. Как то, что я, неожиданно для себя, в минуту задумчивости сменил направление и пришёл к ней, застав её в одну из немногих свободных минут.

Про вишню за окном я сказал не просто так. Эту вишню она видит каждый раз перед сном и каждое утро, пока живёт в Усть-Нарве. Это же дерево — знак мне, что моя долгая дорога завершена, и я там, где меня ждали. Очень важный символ, другими словами. И эту вишню я видел сегодня во сне: символика сна была тревожной. Я с самого утра думал об этом сне, пытался его понять, но, кажется, одного элемента в моих рассуждениях не доставало — Лины. Теперь всё на своих местах. Её появление моментально меняет расстановку сил.

ГЛАВА 6

— Зачем меня искать? Мог бы набрать.

Её голос выводит меня из очередного витка размышлений.

— Я хотел, только не так просто всё по телефону рассказать.

— Что-то случилось? — она опустила руку с мобильным, который уже почти поднесла к уху, набрав чей-то номер: такая работа — целый день на телефоне.

— Прости, если я тебя отвлекаю, но мне кажется, что это важно. Ты ведь помнишь о всех этих совпадениях, что у нас с тобой случаются? Когда я или ты чувствуем, что что-то произошло или только произойдёт, при этом мы далеко друг от друга, но всё же чувствуем...

Произнеся эти слова, немного смущаясь, ведь то, о чём я хочу рассказать, кажется, имеет отношение ко мне одному.

— Всё в порядке. Минутка есть. Рассказывай. Можно без предыстории. Разберёмся по ходу.

Лина говорит кому-то в трубку, что перезвонит через пять минут, одновременно дав понять и мне, что всё же слегка занята. Я вдыхаю в себя побольше воздуха, как делаю перед тем, как войти в холодное море, и начинаю рассказывать:

— Я видел ночью действительно странный сон. Мне приснилось, что я приехал к тебе, в Усть-Нарву, подошёл к твоему дому, а ты сидишь у окна и смотришь на вишнёвое дерево. Я машу тебе рукой, а ты смотришь так, будто меня нет, и поворачиваешься к кому-то, кто подходит к окну из глубины комнаты. И я вижу, что там — мой двойник. Он смеётся, ты отвечаешь ему таким же открытым смехом, он подаёт тебе дирижёрскую палочку. Ты берёшь её, и от твоего прикосновения из мёртвого, лакированного дерева начинают пробиваться розовые крупные соцветия вишни. Они за доли секунды из почек превращаются в цветки и начинают опадать. Лепестки кружатся в окне маленьким вихрем, но тебя я всё равно вижу отчётливо, а моего двойника они окружают, затягивают в вихрь, мельтешащий сотней маленьких розовых искорок. Он исчезает в этом столбе и начинает светиться изнутри, освещая лепестки. Я замечаю, что свет гаснет: когда я подходил к твоему дому, было светло, а теперь вокруг темнота — на небе не видно ни единой звезды. В темноте не раздаётся ни звука, только внутри меня будто тикают часы, всё громче и громче. Этот звук окружает меня, и вдруг мгновенно исчезает. Я смотрю в светящееся окно твоего дома: ты ещё раз взмахиваешь дирижёрской палочкой (сам

не знаю, почему я решил, что это не волшебная палочка, а дирижёрская — после наших разговоров о музыке, наверное), и я оказываюсь посреди Ничто. Ни звука. Ни запахов. Ни света. Никаких ощущений. Меня как будто выключили, забыв внутри телевизионного экрана. Я открываю рот, но не могу произнести ни звука. Хочу позвать тебя, но там, где только что были вишня, окно и ты в нём — только остаточное свечение, как в старых телевизорах. Шнур уже выдернут из розетки, но самые отчаянные электроны в тщетной попытке вырваться наружу бьются о поверхность экрана с той стороны и оставляют угасающую точку в центре темноты.

Замолкаю и понимаю, что всё это время почти не дышал, говорил так быстро, словно боялся, что исчезну, не успев договорить.

— Во сне меня заменили. И ты не увидела подмены. Или не захотела видеть.

В глазах Лины на миг загораются огоньки: в такие моменты она или начинает стращать, или совсем наоборот — включаются её защитные механизмы, и вся её внутренняя сила и энергетика переходят в боевой режим.

— Я скажу так: никому меня не обмануть. Саша, я узнаю тебя из тысячи. Никто не сможет стать или быть таким, как ты. Никому не удастся тебя заменить. Если у кого-то есть такие планы, мы это выясним и примем меры. Я не дам тебя в обиду. Не позволю никому вмешаться в нашу дружбу и, тем более, использовать её против одного из нас.

Она хитро прищуривается:

— Да и ты сам не так-то прост, согласишься? Пришёл поделиться со мной плохим сном, но мог сам с ним разобраться в два счёта. Вспомни свою бабушку. Помнишь, что ты мне рассказывал о семье? С такими способностями вчерашний сон никак не в состоянии сбить тебя с толку.

Мне уже неловко за то, что моя привычка находиться под защитой Лины расслабила меня. Но вот в чём штука: после первых же её слов мне стало легче. Не то чтобы совсем перестало что-либо волновать, но такое чувство испытывают, наверное, только маленькие дети, когда их обнимает пока ещё единственная безо всяких «но» женщина на свете — мама.

Сейчас, при свете дня, все ночные тревоги кажутся немного книжными, прочитанными, а не пережитыми.

— Хорошо, что ты есть, — говорю я своей дорогой подруге совершенно искренне.

— Будет ещё лучше, если ты придёшь к нам на свой юбилейный эфир о твоей будущей шестой книге, как мы договаривались, — Лина быстро переводит разговор в рабочее русло.

Это как раз то, что мне сейчас нужно: говорить о делах, выстраивать все проекты, в которых я занят, в чёткую временную

последовательность. Сейчас обсудим телеэфир, затем я всё-таки доберусь до «Балтики», где меня ждали. На завтра у меня запланирован визит в «Буквоед», где я буду общаться с **Леной Петушковой**, ещё одним хорошим человеком в моём любимом городе, кто помогает мне убедить как можно больше людей вокруг, что невозможное возможно, и любые дороги открыты и только ждут, пока кто-то решится сделать по ним первый шаг. Шаг вперёд. Это не только классный фильм о молодых и полных энергии танцорах. Это — одно из моих жизненных правил: не останавливаться и всегда иметь пространство для шага вперёд.

Мы обнимаемся: Лина отправляется в студию, уже на ходу отвечая на чей-то звонок, я иду в противоположную сторону, к воде, на набережную.

ГЛАВА 7

На радио «Балтика»

Ещё одно место в этом городе, где я ощущаю приток энергии. За каких-то пару месяцев я настолько освоился в студии радио «Балтика», что стал видеть ребят-диджеев во сне. Ещё в Америке, кажется, в Вегасе, засыпая под разнобойный ритм бьющих в окно рекламных огней, я увидел сон, какой иначе как видением не назовёшь. Я видел будущее.

Видел пустую студию, наушники, которые не повешены аккуратно на микрофоны, а брошены на стол, так, что один соскочил с края и повис на проводе, болтаясь, как пойманный в ковбойское лассо странный корабль пришельцев. Листы бумаги, на которых обычно напечатаны текстовки новостей, спонсорских отбивок, вопросы и заметки к эфиру, выложены в форме знака бесконечности и покрыты толстым слоем пыли. В этом видении, где каждый звук я слышал так чётко — скрип пустого офисного кресла, в котором ещё миг назад кто-то сидел, тихий шум статических помех из больших чашек наушников с мягкими амбушюрами, шелест бумажных листов, которых только что касались пальцы, — я стоял в дверном проёме и точно знал, что в этой студии больше не будут слышны ни мой голос, ни голос Юли Красиковой, Лёши Данилина, с кем я по вечерам в четверг выступаю в программе «В Питере жить»..... я знал, что не поговорю больше в эфире с классным и очень добрым ведущим Олегом Нефедовым, с которым я делал часовые эфиры о путешествиях в программе «Картина мира». В этот момент кто-то кладёт мне на плечо руку, и я слышу знакомый голос, который во сне звучит сквозь помехи: «Пойдём, нам не сюда, у нас запись в другом месте». Я понимаю, одновременно, что

это Лёша Данилин, и что я во сне. Он зовёт меня куда-то дальше, а эту студию... эту надо оставить в прошлом.

Вслед за этим, как это бывает во снах, меня перенесло в настоящий момент за границами сна: «Стоп! А как же мой эфир о США?» Вслед за этой мыслью моего альтер-эго из сна пришло понимание, что всё мне только снится: эфир был полгода назад, а то и раньше, мы отлично поговорили. В тот же день я встречался с Линой, мы обсуждали нечто важное для меня. Что потом? Со мной весной и летом (и во сне выходит естественно думать о будущих событиях как о уже произошедших со мной) происходили странные вещи, я становился участником и зрителем невероятных явлений, при этом не всегда мог понять — наяву это со мной происходит или я сплю.

Сон о том, что произойдёт к концу года с радиостанцией — всего лишь один из множества. Маленький фрагмент картины, огромной, как код виртуальности из «Матрицы». Код в фильме с лёгкостью считывали операторы, видя всю картину целиком и заглядывая чуть дальше, чем участники событий, чей код они читали с мониторов. Больше мог видеть только Нео, потому что был не просто частью кода, а создавал его таким, каким хотел видеть, переписывая на ходу. Во снах я иногда ощущаю себя Нео-сновидцем, но переписать реальность не могу: моих способностей хватает только на предвидение ситуации. Порой и этого достаточно для перемены ситуации в свою пользу, для предупреждения неких событий, меняющих картину не только моего маленького мира, но и затрагивающих людей вокруг меня.

Впрочем, можно не нагонять важности вокруг собственной персоны: длиннополый плащ и чёрные очки Blinde (а не Ray-Ban, как считают многие), наряд Нео в виртуальном мире Матрицы мне вряд ли пойдёт. Я с детства — сильный эмпат, и сила с возрастом растёт, а не угасает, подавленная различными обстоятельствами и обязательствами взрослой жизни. К счастью. По крайней мере, хочу так думать. Всё же излишняя чувствительность, не физическая, а духовного плана, это не просто ответственность (сразу в голову приходит девиз Человека-Паука: «Больше силы — больше ответственности»). Это, знаете ли, временами боль. Твоя, личная, хотя испытываешь её не ты.

Сопереживание сродни искусству хирургии. Хирург руками, а не глазами, чувствует, где надо нанести разрез и на какую долю миллиметра его расширить, какое усилие приложить к инструменту в руке, чтобы спасти человеку жизнь, а не ухудшить его состояние или убить по неосторожности. С эмпатией примерно так же. Тонкий инструмент, острее скальпеля, но его нельзя взять в руку, как и крайне сложно настроить: тюнингу прежде придётся подвергнуть собственное сознание. Ты просто чувствуешь то, что чувствуешь — и живёшь с этим или,

подобно несчастным, что слышат голоса в голове, не справляешься: чужие чувства побеждают, ты перестаёшь быть собой, и в тебя начинают играть другие. Эмпатами легко управлять, потому что постоянное переживание чувств других людей ослабляет эмоциональную стабильность и сопротивляемость. Эмоции других — вирус. Невидимый и всепроникающий. Человек выходит из равновесия: тело его, а сознание, как воздушный шарик, летит рядом, привязанное к телу за тонкую ниточку.

Мне повезло. Спасибо наследственности. Кое-что передалось от бабушки, кое-чему научился за время странствий по миру. Я счастливый эмпат. Постоянно ощущаю дрейф потоков энергии вокруг узловых точек. Под такими точками я понимаю людей и места в связи со мной. Вот как сейчас: я после небольшого крюка, как оказалось — не зря, оказался в студии радио «Балтика».

Идёт обычный дневной эфир. У меня по плану встреча с программным директором, с ведущими. Студия — живая, тёплая, заполнена голосами и энергией, что, как радиоволны, рвётся, не зная о преградах, через стены, потолок, крышу, летит в петербургское небо, развлекается тем, что вместе с заходящими на посадку и взлетающими из Пулково самолётами играет в догонялки, кружит вокруг дежурных вертолётчиков, сообщающих о ситуации на дорогах. Вокруг меня — жизнь. Голоса города — сам город, что выбрал именно этих людей, чтобы его слышали. Это совсем не похоже на то, что я видел во сне. И не быть этому. Не случится, даже если предопределён такой финал для этого прекрасного радио, живущего в едином ритме сердцебиения с городом.

Как так может быть: не случится то, что предопределено? Сила эмпата не позволяет предотвращать то, что должно произойти: перестраивать реальность и связывать новым узором временные петли по силам только хирургу доктору Стрэнджу, но он — персонаж комикса. Однако, раз уж дана способность переживать потрясения других людей как собственные, возможно научиться создавать волну обратного хода. Не электромагнитную или водную, а волну намерений. Ощутил ты, что мама плохо себя чувствует и попала в больницу, прими этот факт, раствори его в себе и отправляй обратную волну самого лучшего из возможных вариантов, по которому может развиваться ситуация. Ты не остановишь болезнь, но можешь частично пережить её, растворить её последствия в пространстве вариантов, выбрать самый лучший из возможных и мысленно представить, что он реализовался. Так пытаются делать люди, когда убеждают себя и других в том, что всё будет хорошо. Эмпат к убеждению добавляет веру — свою собственную.

Снова мысли. Разговор с собой. Саня, ты похож на рефлексирующего старика, который, подходя к зеркалу, вместо того, чтобы оценить, не пристала ли нитка к костюму, погружается в сомнамбулическое состояние, замороженный своим отражением. Просто стоит у зеркала, как столб, видит в зеркале незнакомца, потому что в его голове — картины иного времени. В том времени у него молодое тело, и он постоянно в движении. Окликнешь его — не услышит, потому что он не здесь и сейчас, а где-то, куда нет дороги всем, кто живёт или завтрашним днём, или не рискует уходить никуда дальше дня сегодняшнего. Для постороннего наблюдателя он — человек, что застыл у своего отражения в зеркале, выпал из реальности, перестал быть движущей силой истории, которую наблюдатель созерцает.

Ждали нескончаемого действия, мельтешения локаций, толп персонажей, бегающих со схематично прорисованными лицами заглавным героем? Хотелось видеть самого героя таким Индианой Джонсом, у кого вместо хлыста — фотоаппарат? Он постоянно в движении, одним пальцем управляет любым транспортным средством, остаётся невозмутимым перед улыбками красавиц, изобретателен и отважен. Ему некогда думать, он всегда в центре событий — вихре, урагане, торнадо. Хотите действия ради действия, без проблеска мысли, посмотрите «Защитников»: Сарик Андреасян будет счастлив, вы — вряд ли. Для экшена есть «Форсаж», «Мстители», «Трансформеры». В таком кино внутренний мир героев не важен. Эти фильмы созданы для глаз, а не для души, поэтому, как «Кока-кола», из организма выходят быстро, оставляя после себя пустоту, какую срочно нужно заполнить чем-то ещё, более громким, ярким, впечатляющим.

Настоящий человек, его жизнь — это бесконечная лента мыслей. Каждую секунду, во время бодрствования или во сне, в нашей голове идёт обработка огромных объёмов информации, другими словами, мы постоянно думаем. Реальная жизнь — это 95 % мыслей и 5 % действий. Мы всё время формируем в голове поток мыслей, при этом можем совершать обыденные механические действия, вроде чистки зубов или стояния в пробке, или же мчаться на водном мотоцикле, преследуя злоумышленника, плести кружево заклинаний или спасти мир. Мы движемся, а в голове — нули и единицы, точки и тире, периоды многозначительного молчания и бесконечные составы слов, монотонно постукивающие на стыках секунд. Человек — это мысли. И эти мысли, если отвлечься от картинок, что постоянно мельтешат у нас перед глазами, снаружи, а не внутри, мешая сосредоточиться, — они и есть движение нашей жизни. Настоящий экшен.

Вне зависимости от возраста, людям важно, чтобы вокруг принимали их точку зрения и образ мыслей, разделяли их идеи и суждения. Всё,

что мы делаем, совершая движения и раскачивая мир — танцы, книги, кино, музыка, спортивные рекорды, подростковые бунты, насилие, творчество, эксперименты на кухне и в постели, — вся наша активность ради того, чтобы нас понимали и принимали. Понимать — это не делать так же, это думать так же. Значит, мысль важнее действия. Значит, права народная мудрость, убеждающая каждого семь раз отмерить, один раз отрезать.

Поэтому я, Саша Жданов, не старый дед, не рефлексик, не нарцисс, не скучный тип. Я хочу, чтобы вы меня поняли, чтобы услышали меня. Я говорю вам, что я вас понимаю, я вам не просто сочувствую, я вас чувствую, сопереживаю всё, что происходит с вами. Если мои мысли станут, пусть самую малость, импульсом для ваших действий, основой для ваших движений, то большей побудительной силы мне и не нужно. Цель достигнута. Я бы ни за что не добился её, демонстрируя вам фотографии звёзд, которые я сделал за свою карьеру фотографа. Я не стал бы вам по-настоящему ближе, описывая бесконечные путешествия, в которых я нахожусь. Пусть бы я танцевал перед вами, стоял на руках, пел голосом Лары Фабиан или обещал познакомить с Тилем Линдеманном — всё это не сделает меня ближе к вам. Поэтому я открываю свои мысли. Я хочу, чтобы вы знали, о чём я думаю, как воспринимаю этот мир. Лицо, что вы видите на экране, это не я. Не весь я, только образ, как ваш любимый актёр или певец. Настоящий я здесь, и я хочу, чтобы вы стали моими друзьями и поделились своими мыслями. Поэтому я перед вами настоящий, не выдуманный блогер-экстремал с талантами Джеймса Бонда и Лары Крофт, а живой человек. Я постоянно думаю, мысли текут через моё сознание, определяя движения моего тела. Этот поток несёт меня к вам, для него не существует границ повествования.

Моя эмпатия даёт мне право, хотя это больше похоже на обязанность, знать и верить, что конкретный сон — о пустой студии — предсказанием не является. Обычное СМС с той стороны с вложенным видеофайлом: этот этап твоей жизни скоро закончится, ты пойдёшь дальше, выберешь что-то новое, а те, кто сегодня с тобой здесь — им уготована своя судьба. Не забвение, не конец всему, не прозябание без работы и сомнение в собственной профпригодности. Вы все пойдёте дальше, ребята. Так и будет!

— Ты что-то сказал? — вопрос Антона Толстова отвлекает от мыслей.

— Я говорю, что сегодня мы пойдём дальше. Сделаем ударный эфир: пусть слушатели проникнутся желанием во что бы то ни стало увидеть мир и постараться получить заветную визу, даже если достаётся она с

трудом. Усилия окупятся, когда сделаешь шаг в большой мир, где обязательно найдёшь себя и где сбываются мечты.

— Твои сбылись?

— Сбудутся. Я это знаю. Значит, считай, что сбылись.

Поворот беседы даёт мне повод осторожно спросить у Антона, раз он попался мне первым, об атмосфере в коллективе.

— Слушай, а твоя работа на «Балтике», эфиры, вот как со мной сегодня — с болтовнёй о путешествиях: можно сказать, что сбылось то, о чём ты думал когда-то, представляя себе, как и где будешь в настоящий момент? Ты видишь себя в этой или подобной студии и завтра, и послезавтра? Ты считаешь, что твоё предназначение в этой работе?

Привычка хорошего ведущего слышать гораздо больше, чем говорит собеседник, моментально указывает Антону верное направление:

— Слухи из московского офиса «Лайф Ньюс» до тебя дошли? По каким каналам?

Я ничего не слышал, в чём честно признаюсь сразу же. Не думаю, что стоит в качестве источника информации указывать собственные сны.

— Или ты интересуешься тем, как я оказался здесь? Хотел ли я здесь оказаться? Мне не важно название офиса, где я работаю, Саша, значение имеет только возможность говорить с аудиторией. Это больше, чем работа. Мы здесь все такие: радионарциссы. Наша жизненная сила — возможность говорить с людьми, с городом. Мы живём, когда слышим себя. Нет, когда знаем, что нас слышат. Для меня это чувство сильнее любви к конкретному радио.

— Я понимаю тебя.

То, что говорит Антон, перекликается с моими недавними мыслями об источнике силы.

— Конечно, неприятно было, когда начался тот долгий спор о кандидатуре нового генерального станции между москвичами и нашими, — с досадой, что пришлось вспомнить о тех событиях, Толстов отставляет от себя стаканчик кофе. — Тёрки случаются и будут случаться. Хуже всего было, когда нам прикрыли эфир. Разборки разборками, но без эфира — это не жизнь.

В комнате, где мы говорим, включено радио. Приёмник настроен на волну, конечно же, «Балтики». Звучит сигнал начала нового часа. Нам не слышно, как там, в студии, за не пропускающим звуки стеклом, ди-джей объявляет о переходе города и всех людей его населяющих в новый отрезок несуществующего времени. Мы слышим только радиоволну.

— Иногда мне кажется, что я — все мои коллеги, с кем я работал в эфирах разных станций, — только эхо наших собственных голосов. Настоящие мы — это радиоволны. Так мы практически бессмертны: нас не задержит гравитация, не отсчитает наш срок время. Голоса летят в бес-

конечность, мы остаёмся здесь. Мы равно настоящие: тела без голосов и голоса без тел. Но у наших тел короткий срок, а голоса, благодаря, например, технологии звукозаписи, можно сохранять достаточно долго.

Обычный вопрос пробудил в Антоне скрытого философа. Люди с радио в каком-то смысле — отголоски прежних времён. Времена эти проходят и не вернутся — до следующего раза, но прежде человеческой цивилизации придётся если не всё, то многое повторять снова, обучаться заново тому, что знаем сейчас. И всё это время голоса будут ждать возможности быть услышанными вновь.

Пролетая в кресле салона пассажирского авиалайнера над очередным большим или малым городом планеты, я не раз думал о чём-то подобном. Наши голоса — волны, странствующие в вечности. Всё, что мы когда-либо сказали, в сердцах или от чистого сердца, прекрасного или напрасного — каждое слово рано или поздно вернётся. Это не карма, не судьба, не вид наказания или поощрения свыше. Это связь с источником сигнала. С телом и разумом. Потому надо быть аккуратным со своими словами и мыслями. И слушать внимательно, что нам говорят. Вот как я сейчас слушаю Антона, который продолжает излагать свою теорию, почему радио для него больше, чем работа. Не зря говорят, что люди с радио да телевизионщики бессердечны. Они зависимые, они своего рода наркоманы: привыкли к эфирам — без них больше не могут. Оставь их без слушателей или зрителей, оставь их без возможности высказываться, они забудут сразу же о любых клятвах верности и уйдут к тем, кто даст эфир...

Ну тут я не соглашаюсь — мои мысли уносятся к подруге и продюсеру Катерине Галицкой, которая убедила меня, что она настолько сильна духом, что может быть как с ТВ, так и без него. Но она скорее исключение из правила.

Антон тем временем неспешно продолжил свою мысль, что эфир — это то, чем мы дышим и чем питаемся. Деньги, конечно, тоже важны, но без эфиров деньгами не удержать никого из настоящих ведущих.

К чему я это? Пошли слухи, что нас в Москве считают убыточными. Никому, говорят, не нужна наша профессиональная болтовня. Сейчас времена, когда каждый сам себе корреспондент. Life всё это и начали, сначала в Москве, теперь у нас. Скачал приложение, ходи повсюду с мобильником, снимай, записывай подкасты, выкладывая, получай живые деньги. Это когда-то Петербург был столицей задушевного радио. «Балтика» появилась в 90-м году. Представляешь, в том самом 90-м. А ведь был ещё «Модерн». Они были вторыми, но сколько там было звёзд: Нагиев, Рост, Бачинский, Стиллавин, девочки — Алиса Шер, Аллочка Довлатова. Город слушал их, затаив дыхание: там работали не диджеи, не новостные ведущие, а актёры. У каждого была своя манера, свой

подход к слушателям, их эфиры ждали. Что там: их записывали на кассеты. Мы всегда отличались от Москвы. Там ценят холодный расчёт, когда считают рейтинги, там всегда остаётся между ведущим и слушателем, пусть стеклянная — как в студии — но стенка. Мы приходим к людям домой. К ним на кухни, садимся рядом. Мы разговариваем, общаемся, а не доводим до их сведения новости. Теперь это не нужно, теперь есть социальные сети. Заменяют не только нас — друзей и весь круг живого общения. Вещь полезная, но расчётливая: социальной сети важно, чтобы ты, зарегистрировавшись там, никогда уже оттуда не выходил и получал все представления о реальной жизни от неё, только от неё. Каждую секунду надо что-то делать: проверить обновления, поставить лайки, пролистать ленту, проверить список друзей — дел невпроворот, некогда отвлечься. Встречает тебя друг и просит поговорить с ним, а ты постоянно хватаешься за телефон, стоит ему завибрировать. Боишься что-то важное не пропустить там, в сети, а не из того, что тебе говорит живой человек напротив. В какой момент людям стало неинтересно живое? Задолго до того, как в Москве решили, что Петербургу не нужно разговорное радио, что разговоры вообще не нужны. А мы не хотим быть приложением к мобильнику, чтобы только нажимать на кнопки. Мы берём не скоростью реакции, а сопереживанием, содействием, тем, что связывает людей.

— Тебе, кстати, в эфир самому не пора? — Толстов, видимо, выговорившись, хочет взять паузу, чтобы подумать о том, что он будет делать, если слухи о закрытии станции станут реальным фактом.

— Да, скоро уже начнём.

— Как очередная поездка, кстати? — Точным броском он отправляет пустой стаканчик из-под кофе в мусорную корзину, как бы подводя итог нашему разговору, что больше похож на монолог.

— Сегодня и расскажу.

— Они там, наверное, устали улыбаться друг другу, хоть втайне каждый мечтает оказаться выше других? Мир индивидуалистов.

— Возможностей.

Возможностей, как бы ни хотелось поругать и найти повод для личного превосходства над ними в чём-нибудь — в душевности, чувстве собственной территории, умении вести разговоры.

Я не собираюсь защищать мир, что последнее время ополчился против нас, хотя мы — я, Антон, Лёша, Лина и другие — лично ничего плохого никому из них не сделали и не желаем. И всё же мне есть что сказать. Да, там во главе всего стоят деньги, но эти деньги реально можно заработать. Необязательно родиться в семье сенатора или миллиардера: шанс, даже сегодня, есть. Не у всех, но у тех, кто поймёт, что его

благополучие, его «я» основано на мнениях и усилиях большого числа людей — всех, кто встречается человеку в жизни. Тем, кому это простая истина не открывается, суждено ненавидеть всех, до самой смерти так и не открыв секрета, как преуспеть. Кому достанет сообразительности уяснить простую истину, тот обязательно станет успешным человеком. Успех, как ни странно, не в таланте дурить другим людям головы и заставлять их верить в то, что выгодно тебе. Успех находит тех, кто знает цену искренней благодарности. Не важно, какое деяние совершено было: тебе дали толковый совет или спасли жизнь. Успех для благодарных, и они могут быть совершенно не благородными.

— Возможностей? — Антон прицелился в меня взглядом и один глаз прищурил, как будто берёт меня на мушку, готовясь задать главный вопрос. — Саша, а ты искренне мечтаешь нести людям тот огонь, который каждый раз зажигаешь у нас в эфире, когда приходишь к нашим конкурентам на *тиви*? Ты реально мечтаешь сделать всех такими же счастливыми, как ты, или играешь перед ними роль солнечного парня? Вот я в эфире — тот, кем хочу быть, но не всегда тот я, кого я вижу в зеркале. Работать на публику — всегда играть. Насколько настоящий ты? Как сильно ты играешь?

Я не успеваю обдумать ответ. Таких неожиданных поворотов ещё не случилось в беседах ни с Антоном, ни с кем на радио, да и вообще — среди моих временных коллег по творческим проектам. Который раз за день ощущаю, что всё вокруг меня — подробная модель привычной мне реальности, но только до определённого предела. Слово кто-то или что-то собирает вокруг меня сцены и реквизит — чтобы, повернись я или выгляни в окно, всё казалось привычным. Казалось, но не было: знакомые места, как вот эта студия, где я уже не впервые, люди, кого я, как думал, хорошо знаю — всё немного не такое. Ещё вчера, когда я ложился спать, мир Саши Жданова — мой мир — был понятным. Во сне что-то изменилось. Я не потерял почву под ногами, но, проснувшись, попал в аналог моей реальности. Её вокруг меня создаёт некая сила.

Невидимым кукловодам кажется, что они знают, как ведут себя люди из моего ближнего и не очень окружения. Только кажется, потому что я никогда не имел склонности то и дело впадать в задумчивость, так что переставал понимать, где я нахожусь, куда иду. Разговоры, участником которых я сегодня то и дело становлюсь, тоже далеки от привычного общения. Вместо простых и понятных «как дела?», «что нового?» все, как сговорившись, разговаривают, словно со сцены драматического театра в заштатном городке.

Я ощущаю, что меня взломали. Или нет — это слишком киношно — меня прощупывают извне, пытаются понять, как устроена моя жизнь. Всё же это очень похоже на то, как если бы я стал героем фильма. Кому это надо? Зачем?

Обычно с таких мыслей люди начинают двигаться, всё быстрее и быстрее, к сумасшествию, к комнате с белыми стенами и препаратами, какими их пичкают суровые люди в не очень белых халатах. Но я точно знаю, кто я, где, только не очень понимаю, что происходит вокруг, почему всё стало похоже на чей-то сценарий о моей жизни.

Что-то произошло ночью во сне. Лина обещала защитить меня, но прежде мне самому необходимо выяснить, что происходит. Списать всё на усталость после долгого перелёта, на джет-лаг, часовые и климатические пояса очень тянет, но так слишком просто.

Итак — сейчас эфир. Говорим об огромном мире за пределами студии, города, нашей страны. Здесь-то я могу контролировать беседу, потому что за океан летал лично я, никого в моей голове на тот момент замечено не было.

Отматываем на пару секунд назад. Станный разговор с Толстовым завершился не менее странным его вопросом. Не могу представить, чтобы он меня о таком спросил. Пол крайней мере, не так прямо и саркастично. Я не успеваю ответить: мне сообщают, что скоро эфир. Будем делить день на чёткие отрезки: радио, затем — съезжу на работу, где меня тоже давно ждут и готовы поселить меня в офисе, посадив на цепь, а ключ выбросить. Завтра — встреча с Леной Петушковой, главой большой творческой мастерской (язык не поворачивается назвать обычным словом маркетинг то, что она — все они — там делают) в центральном офисе главной книжной сети города. На следующей неделе мне ехать — плыть на огромном океанском лайнере — в Африку. Таков план. Мой план. Только я отвечаю за его исполнение именно в такой последовательности.

Пока я проговариваю про себя план действий на ближайшие дни, проверяя свою способность ориентироваться во времени и пространстве, меня понемногу начинает отпускать. Я больше не ощущаю себя зрителем в собственной голове. Всё проясняется.

Сегодня 23 февраля. В стране праздник. А у меня прорисовывается моя картина мира и начинается эфир с Лёшей Данилиным.

Музыкальный джингл заставки. Крики чаек напоминают о путешествиях, о морском просторе, о земле за горизонтом. Леша после приветствий даёт мне сигнал — мы начинаем.

— Саша, здравствуй.

— Привет, Лёша, привет всем, кто нас слушает. — Я снова в привычной обстановке. Я как будто со всеми, кто меня сейчас слушает, разговариваю лично.

— Ты только что вернулся из очередной поездки, насколько я знаю. Впервые посетил острова Карибского бассейна. Всё меньше точек на карте мира, где ты не бывал. Ты умудряешься снова и снова

погружаться в другие культуры, часто — довольно экзотические, посещать места, где встретить путешественника из России практически невозможно. Как тебе это удаётся? Хотя спросить хочу о другом: что там такого, за чем стоит возвращаться? Сейчас не самые простые времена: там россиянам, скажем прямо, не сильно рады. Визу не получить. Поделишься секретом?

— Мой секрет в том, что я открыт миру, и он не видит во мне, если можно так сказать, угрозу. Да, препятствий сейчас путешественника поджидает немало: получение визы, собеседование с консулом, долгий перелёт, общение с таможенником в аэропорту в какой-нибудь стране, вроде США, где могут отказать во въезде, если ты не убедишь его в том, что твои помыслы чисты, а в планы не входит остаться насовсем, пополнив ряды эмигрантов. С другой стороны, Колумбу пришлось куда труднее, и он не пожалел ни разу о своём путешествии, хотя не сразу понял, что открыл. Нам известно куда больше. Мы можем куда больше.

Наши голоса невидимыми волнами проходят сквозь стены студии, прорываются через крышу в стильный петербургский день. Солнце опять скрылось за тучами, но они не могут задержать наши голоса. В этот момент я ощущаю себя так легко.

ГЛАВА 8

*Офис «Буквоед» — ведь это больше, чем просто книжный магазин!
Книжная сеть «Буквоед» сегодня — это люди!*

— Ты никогда не думал о том, чтобы отойти от традиций?

— Что ты имеешь в виду?

— Обычно в книгах и фильмах побеждает положительный герой, даже если ему всю дорогу противостояла превосходящая его возможности армия злодеев. Только в ужастиках жанр обязывает подбросить камешек в ботинок в самом финале, перед словом «конец».

— Камешек? — я пока ничего не понимаю и собеседник, видя это, начинает заводится.

— Саша, ну ты что?! Я о том, что нас заставляют мыслить шаблонами, кормят выдумками, хотя в жизни обычно всё наоборот. Зло не просто побеждает, оно, что ли, имеет больше прав. Злодей в жизни более приспособлен к реальности, он знает, как жить и почему жить так, как он, правильнее, чем помогать всем подряд.

Теперь я понял, почему он после моей встречи с Еленой Андреевной вызвался проводить меня — по его словам: закончить разговор,

начатый в ресторане. Первый раз встречаю в жизни человека, глядя на которого, не могу отделаться от ощущения, что он меня знает куда лучше, чем я его. Разговаривал я с ним всего пару раз, а такое чувство, что он до этого изучал меня неделю. Если не месяц. Он говорит о том, что его волнует, с вроде бы незнакомым человеком, а такое чувство, будто прекрасно осведомлён о том, какие темы мне неприятны, потому что я не знаю, как реагировать: не отшутиться, не переведёшь тему — и сказать незнакомому человеку, чтобы отстал, воспитание не позволяет. К тому же, если разобраться, ничего из ряда вон не происходит, просто обычная беседа со стороны.

В голове я намеренно перевёл мысль на новый абзац. Я должен признаться себе: кажется, меня всё-таки проверяют. Меня для чего-то выбрали. И не факт, что мне это понравится.

Ещё вчера, когда мы встретились, мой собеседник показался мне чем-то знакомым: я его где-то видел, но где? Позже, когда я пересказывал содержание сна Лине, мне показалось, что я почти нащупал ниточку, почти понял, что же именно меня волновало во всех странностях вчерашнего дня. И вот сегодня то же самое. Такое же чувство. Его голос: я его слышал до того, как увидел человека, которому он принадлежит, впервые. Всё происходило во сне.

Всё это пронеслось в голове мгновенно, но даже этого хватило, чтобы потерять нить беседы.

— Прости, я тебя пока не очень понимаю.

Говорю это, а сам убыстряю шаг: мы уже вышли из здания на улицу и идём вдоль промышленного вида корпусов из гофрированных листов — узкие окошки, как прорези в крепостной стене, недобро следят за нами, вобрав в себя серое низкое небо. Только бы такси уже стояло за проходной: так я смогу свернуть разговор и ретироваться. Впрочем, на меня это непохоже. Если я не разберусь, что к чему, так и буду себя изводить после. Потому замедляюсь, сделав над собой усилие.

Он, если и замечает мою внутреннюю борьбу, вида не подаёт.

Я должен оставаться дружелюбным: от этого странного человека во многом зависит продвижение моей новой книги в Петербурге. «Буквояд» это вам не шутки: сто магазинов в городе, включая трёхэтажный Парк Культуры и Чтения (именно так: через заглавные буквы и с интонацией восторга) в самом сердце города — на Невском. С такой силой надо дружить, если ты хочешь что-то сказать людям и хочешь быть услышанным. «Книжная сеть «Буквояд» — это 1500 единомышленников, разносторонних и творческих людей, которые выбрали делом своей жизни продвижение чтения в России.»

Улыбаюсь и говорю, глядя на него. Так, как смотрю в камеру на телеэфирах, представляя по ту сторону экранов людей, которым надо — ко-

торым я хочу — улыбнуться так, чтобы они поняли: всё хорошо, жизнь прекрасна, мир удивителен, смотрите, я вам сейчас это покажу:

— Я хотел сказать, что не понимаю, почему положительные герои, если следовать твоей логике, обманывают людей? Они противостоят тем, кого принято называть злодеями, антагонистами, но, на самом деле, их задача не победить условное зло, а скрыть настоящую правду о чём-то, так? И это связано с тем, что мы только что обсуждали мою новую книгу, которую вы будет представлять через несколько месяцев, да?

— А говоришь, что не понимаешь о чём речь, — он останавливается на секунду, наклоняется, чтобы собрать с мокрого асфальта немного не совсем чистого снега, слепить снежок и бросить, не целясь, в металлическую стену ближайшего к нам корпуса. — Я скажу чуть проще. Хорошие люди обязаны сопереживать положительным героям, поддерживать их и радоваться, когда планы отрицательных героев терпят крах, но неудача их ждёт обязательно. Таковы правила игры. При этом многие, пока смотрят фильм или читают книгу, ощущают, что их симпатии на стороне злодеев. Втайне, а иногда и явно, не скрывая чувств, люди сочувствуют злодеям, признают их право добиться цели, оказаться хоть раз правыми в своих притязаниях. Вот дело подходит к финалу — последняя схватка, громкая и долгая. Злодей повержен, его планы разрушены. Люди зевают, говорят, что это было неплохо, закрывают ноутбук, выходят из кино, откладывают книжку — и забывают о том, что сопереживали злодею. Им снова запудрили мозги идеями справедливости. А что такое справедливость? Кто-то всю жизнь разрабатывал план, от которого, возможно, зависела не только его жизнь и благополучие, готовился его осуществить, но мимо проходил герой, кому ещё секунду назад не было дела до чьих-то злодейских козней. Он видит шанс стать ещё круче, сорвать аплодисменты, услышать слова благодарности или он просто возомнил, что спасать мир — это его работа. И всё портит. Ура, добро победило, герой молодец. На трагедию того, кого принято называть злодеем, всем наплевать. Чья-то жизнь разрушена, восстановлению не подлежит, мечты и надежды разбиты. Люди радуются скоротечной победе добра, забывают о том, что ещё совсем недавно дрожали от страха и умоляли их спасти, столкнувшись с чьими-то планами по уничтожению их маленьких мирков. Получив свои мирки обратно, они говорят дежурное «спасибо» и продолжают жить так, как жили: скучно и глупо.

— Мысль твоя понятна, — я, кажется, догадался, к чему он завёл этот разговор. Он снова говорит о себе, о своей жизни, которая ему кажется невыносимо пустой, и он воспринимает, как оскорбление, это спокойное течение жизни, которое поддерживает для него весь мир, в котором он находится. Его работа, его семья, его образ жизни. Втайне он мечтает о каком-то большом потрясении, хочет сломать и разрушить

всё то, что ему принадлежит и от чего он бежит каждую секунду своей жизни. Бежит на месте, как Алиса в стране Чудес, где свои законы времени и пространства. Хочет, но не может, вот и заряжает себя своими странными настроениями и разговорами. Именно что разговорами. Он желает, чтобы что-то такое произошло, что навсегда изменит его жизнь, даже если произошедшее испортит жизни всем, кто его окружает. При этом желает совершить это, по возможности, чужими руками. — Ты считаешь, что раз тому, что принято называть добром, светом, стороной хороших парней, постоянно что-то угрожает в массовой культуре, во всех книгах, фильмах, играх, то это делается не для того, чтобы развлечь людей, живущих обычными, а потому скучными жизнями. Ну, или развлечение публики — это не основная задача, хотя и берётся в расчёт. На самом деле всё это обман, как ты считаешь. Побеждает не добро, а скука. Правильность. Нечто, что принуждает мир и людей, в нём живущих, оставаться в рамках, вести себя так, как полагается, как кто-то когда-то за них решил. Лишив тем самым даже не свободы воли, а воли что-то менять. Воли жить так, как хочется, а не как принято.

— Не совсем так.

— Да, я понимаю, что я объясняю поверхностно, но я могу назвать слово, которое ты очень не любишь, но вынужден ему подчиняться.

Делаю паузу. Он не выдерживает первым.

— Какое же?

— Нельзя. Ты ненавидишь слово нельзя. Ты считаешь, что оно ограничивает желания — и не столько твои, сколько желания людей создавать для себя мир таким, каким они его ощущают. Из-за множества запретов приходится сочинять себе в ещё большем количестве фальшивые возможности. Об этом мы ещё поговорим, но я хочу сказать тебе сейчас о другом. О том, почему должны побеждать хорошие, а не плохие. Добро отражается во многих, а зло — это удел единиц. В фильмах, в книгах, да и в жизни, хоть в это и с трудом верится благодаря новостям, добро побеждает не обманом, не стремлением одурачить, а потому что на его стороне большинство. Ну, или оно отражает мнение большинства. Как ни крути, всё происходит именно так. Зло потому и называется злом, что его может быть очень много в виде отдельных очагов, крупинки, но никогда оно не может удержаться в виде чего-то большого достаточно долго. Потому что зло — удел единиц, а единицы в сумме существовать не могут. Понимаешь? Зло, по сути, уничтожает себя само. Да, при этом оно может натворить много бед и уничтожить очень многое, многим людям испортить жизнь, но обязательно развалится, перестанет быть на что-то способным. Злодеи привыкли видеть правыми во всём только себя — и в этом же праве они отказывают всем остальным. На стороне добра те, кто

понимает — истин может быть много, и каждая, если она не намеревается подчинить себе все прочие, имеет право на существование.

Вот и моё такси. Не знаю, в чём я убедил своего собеседника, но он ни разу меня не перебил. Слушал меня внимательно. Только я закончил и, на правах победителя в дискуссии, хотел попрощаться, как он развернулся и пошёл обратно.

— Ладно, пока. Я подумаю над тем, что ты сказал. Холодно, и работы много.

Смотря ему вслед, я видел, что его мои слова задели, но так просто принимать очевидную правду он не намерен. Вот только почему? И зачем ему убеждать меня в какой-то его собственной правоте?

Чуть ранее

Каждое утро каждый будний день — один и тот же маршрут, один и тот же подъём по лестнице. Цветные радужные стены офисного коридора привычно раздражали даже несколько лет спустя после того, как они стали такими. «Тогда я ощущал себя и всё вокруг иначе», — подумал он. Такое чувство, что эти стены перевели невидимый переключатель в голове из спящего режима в состояние накапливающегося постепенно раздражения. До того, как коридор стал таким, его в целом устраивала жизнь и то, как всё в ней устроено. Когда же появились эти раздражающие полосы цветового спектра — от цвета крови из дешёвых ужастиков до лавандового марципана у самых дверей офиса — в стене стали шататься и по одному выпадать кирпичики. Лишился собственного проекта, каким жил изо дня в день полтора года: он перестал существовать так неожиданно, что месяц после этого он не знал, куда девать руки, мысли, взгляд — всё вокруг будто тихо посмеивалось над его возвращением в реальный мир; коллеги же привычно дрейфовали, как надменные киты, по волнам рабочей рутины, не замечая, как в нём сломалась маленькая, но важная пружинка — та, что помогает спине держаться прямо. Никому не пришло тогда в голову найти какие-то слова или занять его любой ерундой, лишь бы надолго и накрепко привязать к чему-то новому: для всех всё происходящее было просто работой, а ему всегда нелегко приходилось от того, что ко всему он относился слишком страстно, как к чему-то личному.

Спустя бесчисленные недели, как казалось тогда, почти что вечность, у него появились какие-то дела, ради которых приходилось включать голову, а не выполнять на автомате, но интерес к тому, что он делал, пропал начисто. Его, как старую стену офисного коридора,

замазали внешней мишурой вроде бы важных дел, но теперь он воспринимал всё только как работу, иногда принимая участия в ней головой, ни разу более сердцем.

Трудно винить в том, что произошло, кого-то ещё, кроме себя. Он так и не поступал ни с кем: ни с коллегами, ни с родными. Напротив — после того, как он очнулся ото сна, в котором, как показалось, он нашёл нечто вроде предназначения, он стал даже больше прежнего уважать некоторых коллег за их многолетнюю преданность делу, в котором, если вдуматься, смысла особого не было. Заполнение пустоты, для чего расходовались колоссальные ресурсы — умственные и нервные.

Он ощутил глубокую привязанность к своей начальнице. Хотя до «пробуждения» он ценил её за деловые качества, и не раз слышал, как в офисе проекты их отдела называли, самое мягкое, «много шума из ничего».

На самом деле, это была не реальная оценка общих усилий их отдела, в нужности которого в других отделах сомневались, а оправдание другими отделами собственной пассивности и постоянной готовности следовать нередко хаотичным указаниям главного человека в компании. Когда-то, много лет назад, он совершил Большой Поступок — основал дело, которым сегодня было занято более тысячи человек, а вовлечено в него было ещё больше — тысячи. Только было это давно, многое изменилось с тех пор, Компания очень сильно переросла авторитет одного человека, но ни он, ни большинство тех, кто с ним работают теперь, не отдавали себе в этом отчёт. У компании появилось, как у сказочного дракона, много новых голов, но рот оставался один. Один с половиной, потому что бороться с тем, что глубокомысленно и часто без всякой задней мысли изрекал этот рот, сил, кажется, хватало только одному человеку — его начальнице. Он мог заблуждаться и даже был не прав, скорее всего.

В тот момент, как он разочаровался в себе, он всецело подчинился собственным мыслям о том, что его прямой руководитель может дать ему ответ, как поддерживать в себе огонь и страсть к жизни, даже если каждый день приходится сражаться за право хотя бы быть выслушанным, не то что услышанным, что у них было редкостью.

То, что он увидел её совсем другими глазами, когда в очередной раз столкнулся в жизни с ситуацией, что его не воспринимают всерьёз, словно его не существует — равно как его права на голос, на образ мыслей — всё это дало ему во многом надуманное, но право считать: он не просто понимает, каково ей приходится, он знает её настоящую и потому знает, что должен сделать он.

Она как призрак в доспехах. Термин этот, конечно, на самом деле означал нечто иное, чем то, что вкладывал в понятие он. «Призрак в доспехах» — это свободный перевод на русский названия японской

манги «Ghost in the shell», культового произведения Масамуне Сиро. Это история о не столь отдалённом будущем, в котором люди всё больше становятся похожими на андроидов. Технологии позволяют человеку полностью заменить тело на более выносливое и функциональное механическое, по-настоящему живым остаётся лишь сознание, заключённое в некое подобие компьютерного жёсткого диска. «Призрак» живого человека, единственного оригинала среди множества копий, какими может стать человек. Доспехи таких призраков позволяют сознанию не бояться механических повреждений: утраченную конечность, как и испорченное тело, легко заменить, при этом сознание не придётся обнулять — человек продолжит жизнь в новом теле со всем багажом опыта и знаний. Конечно, искусственные тела не могут передавать всю гамму ощущений, поэтому «призраки в доспехах» ощущают себя недостаточными живыми. Главная же опасность в этом обществе будущего — хакеры. В наше время хакеры взламывают компьютерные системы, в будущем могут играть в богов, подчиняя своей воле взломанные сознания. Бояться «призракам в доспехах» в таком мире приходится не смерти, а подчинения сознания чужой воле. Для того, чтобы выжить и остаться, в каком-то смысле, в своём уме, приходится быть не просто более осторожными, но и ставить преграды между своим мозгом и любой информацией извне. Любое касание, вроде бы дружелюбное, может нанести вред, если с этим касанием недруг перенесёт на тело жертвы нанобота. Аналогия ясна и вполне прозрачна: его начальница Елена, чтобы остаться живым человеком, стала призраком в доспехах.

Всякому человеку, у кого есть власть и на ком лежит ответственность, приходится заключать своего «призрака» в доспехи. Нельзя показывать себя настоящего: это слабость. Если расслабишься, этим обязательно воспользуются те, кто считает себя более правым или вправе — что и одно и то же, и совсем разное. Потому он понимал и принимал линию поведения человека, считая себя — конечно, не по праву — ей подобным.

Она прячет себя настоящую за всеми этими громами и молниями, чтобы не растерять преимущества, потому что на ней слишком большая ответственность. Он же напротив — отказывается от себя настоящего из-за того, что от него ничто в этом мире не зависит, и самые отчаянные порывы и стремления даже не разбиваются, а гаснут, едва долетая до высоких башен чужих «я». Из этих башен на него смотрят, как им кажется, дружелюбно, но звук у всех выключен. Можно неделю кричать и бесноваться, но в ответ, в лучшем случае, донесётся беспечная банальность, типа «не всё так плохо», «надо просто отдохнуть», «это просто работа», а то и «с этим ничего не поделать». Это всё из-за того, что «призрак» оказался заточён в слишком невзрачную броню, надо

стать тем, кого услышат. Нет, не так: стать тем, к чьему голосу прислушаются. Вот настоящая причина, по которой он всё это задумал. Вот тот повод, что вырос из уважения к человеку, кто, чтобы сохранить себя настоящего, прибегает не к самым приятным защитным мерам, отпугивающим, впрочем, тех, кому просто не дано понять.

Он решил, что сделает так же, только пойдёт дальше. Оставит в прошлом себя невнятного. Станет плохим сном жизнь, когда приходилось слушать и слушаться тех, с кем не согласен, но был не в силах переменить. Превратится в захватывающее приключение. Больше не надо будет принимать условия игры, по которым он обязан каждый день, много лет, ходить одними и теми же коридорами. Какими бы внешне яркими они ни были, это — коридоры, узкие пространства. Он столько лет не решался сойти с привычного маршрута, не просто развернуться и выйти за дверь, ведущей ко входу в привычный лабиринт, а перейти на другой уровень, где он внутри останется тем же самым, но условия будут совершенно другими. Другие люди, другая жизнь, другой он. Только к имени не надо будет заново привыкать.

Последние год-два он привычно преодолевал цветной коридор, свою личную «зелёную милю», с подобными мыслями едва ли не каждый день. Из презрения к себе и нелюбви к тому, чем он занимается, он черпал силы, чтобы продолжать, чтобы не высовываться и окружать себя на людях столь непроницаемой бронёй, из-за которой не проскальзывало даже лучика его настоящего сознания — призрак оно или нечто иное. Конечно, он не считал, что познал все скрытые механизмы мира, увидел, как всё работает, как и вполне мог ошибаться насчёт своего мнения обо всех людях. Люди совершают ошибки не от того, что их перетягивают на свою сторону всякие злодеи, которые умеют убеждать и пользоваться чужим. Люди ошибаются чаще всего тогда, когда как раз уверены, что всё понимают верно, что дошли своим умом до чего-то, к чему, как им кажется, тянулись до них тысячи или даже миллионы других умов, но так и не смогли подобрать ключик, а они, получается, оказались проворней. Так что он мог ошибаться как в отношении себя и своей никчёмности, так и в мотивах окружавших его людей. Он мог понимать, что ошибается, но всё равно был готов сделать то, чему начало было положено прошлой ночью. Долгими размышлениями он отвлекал себя самого от необходимости ещё раз, теперь наяву, вспомнить, как всё прошло, куда он на самом деле попал, не желая больше каждый день проходить через коридор, где всеми цветами радуги был написан ему приговор: выше ты уже никогда не заберёшься, покинешь

этот коридор — и дальше будет только спуск в подвал. Вот что бывает, когда так долго видишь стены, что ради возможности заглянуть за них готов отказаться от себя. Глупые детишки, оказываясь в коридоре, из которого они не могут найти выход, делают шаг с крыши, ложатся в горячую ванну с лезвием или ищут в бабушкином шкафу таблетки позабористее. Взрослые дураки предпочитают портить жизнь другим. А чем он не взрослый?

Щелчок постоянно заедающего замка — с ним новички в офисе обычно не в силах были справиться — дверь на себя, впуская темноту и духоту простоявшего ночь в одиночестве помещения, три выключателя по правую руку заливают светом галогеновых ламп последний короткий отрезок пути к рабочему месту, ключ от двери — на воткнутый в гипоскартон цветной гвоздик. Его сон, из которого он так давно не может выбраться, начинается — только не очередной раз, а один из последних. Скоро то, в чём он живёт, останется во сне, а сон станет его жизнью. Не так ли, Энма Ай?

ГЛАВА 9

Где-то во сне

Он не успел довести до логической развязки свою мысль о похищении людей НЛО. Вышло что-то вроде: надо же, я теперь тоже стану Звёздным Лордом и встречу вооружённого енота. Спонтанные шутки не были его сильной стороной, скорее, за попытками пошутить он скрывал растерянность, а растерян бывал практически во всех ситуациях, когда не он делал первый шаг.

Мысль о героях комикса помогла ему, во-первых, не поддаться панике, когда дверь из сна исчезла в стене, и он перестал что-либо различать вокруг, охваченный потоком света. Во-вторых, это напомнило ему, что всё происходит не на самом деле. В-третьих, если он всё же поспешил и ему никто помогать не собирался, а целью с самого начала был он, то только глупая шутка может отрезвить. Если не умеешь шутить, кто захочет становиться тобой? Так что всё в порядке: договор в силе. Просто спецэффекты.

Досчитал до пяти. Потом ещё до трёх: хотел сразу до десяти, но прогадал. На счёте «восемь» открыл глаза и оказался в комнате японского дома. Как и задумывал.

Под ногами татами из пружинящих волокон. Стены полупрозрачные, посередине, прямо на уровне взгляда, раздвижные двери сёд-

зи, на которых акварелью изображён довольно тревожный сюжет — маленькая птица запуталась крыльями в тонкой паутине, и всё это — на фоне полного лунного диска.

За стеной он расслышал знакомый по десяткам аниме звук — звук воды, льющейся через бамбуковые трубки в маленький пруд внутреннего дворика. Через равные промежутки времени, когда вода наполняет полые трубки, они наклоняются: вода выливается, а бамбук издаёт мелодичный звук, ударяясь о камень. И так повторяется снова и снова: вечный двигатель по-японски.

Сами стены излучали мягкий свет, источник которого он не мог определить: словно комната, в которой он оказался, стоит где-то в обычном саду и вовсе не имеет стен. В обычном японском саду, поправил он себя, услышав характерный стук бамбуковой трубки и журчание воды. Ещё что-то такое было в воздухе: пахло цветами, но ощущались не привычные ароматы, а нечто одновременно огненное и немного сладковатое. Отчего-то в голове возникла мысль, что так пахнет в крематории.

Нескольких секунд хватило, чтобы освоиться в новом пространстве. Так как ничего по-прежнему не происходило — бамбук постукивал, вода невидимо текла, пахло японским адом (не садом, именно адом), сёджи просвечивали, а птица то ли путалась, то ли куталась в паутину, — он решил оглядеться. Повернулся к стене, откуда только что появился, и из всех сил попытался не удивиться. Первая деталь, которая нарушила картину, созданную им самим, точнее, его воображением. Оказалось, что он вошёл или его втянуло через огромное полотно — картина из хаотичного нагромождения линий, точек, размашистых брызг и аккуратных капель, вроде бы даже спиралей и звериных тропок. Всё это нанесено краской разных оттенков и разной толщины линий. Глядя на это огромное полотно, занимавшее всю противоположную стену, он искренне был впечатлён: то ли кажущейся нелепостью полотна, то ли всё же внутренней красотой, что проявляется всегда в картинах хаоса, разрушений и беспорядка. Пока пытался расшифровать узор, воссоздавая в голове то образ ночных джунглей, то следы движения небесных тел в галактических масштабах и в галактических же временных пределах, упустил главное. Волосы на затылке на миг взъерошило горячей волной, спиной он тоже ощутил тепло, и почти сразу раздался голос. Тихий, мягкий, но лишённый интонаций, как голос чрезвычайно воспитанной девочки, которой при гостях не разрешают проявлять свойственные детям эмоции. Ледяной, но настолько, что становится жарко, и чувствуешь кожей ожог.

— Поллок. Лучшая картина из созданных человеком.

Очень хотелось подскочить и совершить немислимые движения руками и ногами, подпрыгнуть испуганной кошкой, но он снова

вспомнил, что всё вокруг — созданное его волей и энергией сновидение, и вызвано оно было потому, что он так захотел.

Сохраняем достоинство. Медленно поворачиваемся — и не только шеей, чтобы она предательски скрипнула, как в ужасниках, а всем телом, намереваясь рассмотреть обладателя голоса сразу в полный рост.

Всё же не удалось ограничиться скучающе-надменным «простите, что вы сказали?»

— Адская девочка?!

Именно так, с восклицательным знаком. Как поднятый вверх палец или замерший вскрик птицы, знак упёрся коленками в довольно бесполезный вопрос. Вот она во плоти — та, которой просто не существует в реальном мире. Для всей западной культуры этот образ настолько незначителен, что даже во сне не ожидаешь встретиться с Энмой Ай, героиней современного японского фольклора. Тело маленькой девочки, едва ли школьницы средних классов, ошеломительно прекрасное и пышное, как ночной фейерверк, кимоно: на чёрном фоне с тёмно-тёмно синими всполохами — крупные ягоды вишни — некоторые с черенками и листиками, остальные — словно рассыпанные чьей-то рукой по черноте ночи. Маленькие ноги в белоснежных носочках-таби и деревянных гэта. В изящных ручках с тонкими, почти прозрачными пальцами — крошечная, сплетённая будто из паутины чёрная куколка. Поднял глаза выше: немигающий взгляд крупных и идеально круглых глаз вишнёвого оттенка. Хотя нет, вишнёвыми они казались только на экране телевизора, когда он смотрел аниме об Адской девочке. Сейчас, когда она стояла в нескольких шагах от него, он увидел настоящий оттенок глаз и снова вспомнил о крематории: оттенок адского пламени, глубокий огонь, запрятанный в почти прогоревшей чёрной деревяшке, когда на неё подуешь, раздувая угли. Горящий в этих глазах огонь — впрочем, вовсе не сулящий немедленное наказание и жарку на адской сковороде, а таящий лёгкую грусть и чрезвычайное внимание — прятался за челкой совершенных чёрных волос. У неё даже чёлка такая же, как у Энмы Ай, локоны у висков подровненные косыми углами. Идеальная посланница Ада практически не разжимала губ. Одними глазами нарушила молчание, но слова он услышал на самом деле:

— Да, это я. Или она, потому что, на самом деле, конечно, я — другая. Или другой. Или более того — другое. Это сейчас не имеет значения, а важно лишь то, что ты сумел. Ты доказал своё право получить то, за чем пришёл. То, зачем ты нас искал. Радует, что ты правильно понял ситуацию и создал идеальную обстановку.

— Адскую?

— Можно это и так назвать, но истина такова, что из всего выпуклого можно сделать вогнутое и наоборот. Каждый, с кем мы встречаемся,

в качестве домашнего задания создаёт для первой встречи то окружение, какое более всего соответствует его внутренней подготовке, его представлению о нашей сделке. Ты понял, что это должно выглядеть как встреча с посланцем оттуда, где за всё расплачиваются душами, но место встречи обставил по своему вкусу. Раз уж мы встречаемся как раз для заключения сделки о продаже души, хоть и чужой и без согласия самого обладателя товара, надо соответствовать.

— И все, с кем вы встречаетесь по тому же поводу, что со мной, понимают, что конкретно от них ждут?

— Не всегда.

— Что происходит с теми, кто не угадывает?

— Ничего. Они просыпаются и забывают обо всём, что видели. Забывают о стремлении изменить свою жизнь за счёт чужого сознания. Становятся как все. Обычными. Больше в снах, где осознаёшь себя спящим, им делать нечего. Как и в жизни, где они могут позволить себе быть кем-то, кроме себя.

— Печально, но справедливо. Если так подумать, то же самое я хочу сделать с человеком, который мне ничего не сделал плохого. При этом я, как только что узнал, рисковал своей жизнью.

— Жизнь у тебя осталась бы.

— Осталась та, которую я ненавижу. Для меня жить ею в наказание за ошибку, о которой никто не предупредил заранее, — как умереть.

Адская девочка чуть шевельнула изящной фарфоровой рукой, и он сразу умолк.

— Это уже не важно. Всё сделано верно. Испытания должны быть, без них получить желаемое будет не так... весомо, — она сделала короткую паузу, подыскивая нужное слово. — Для себя ты доказал право получить то, к чему стремишься. Нам важно знать, что ты не только всё понимаешь правильно, но и делаешь всё так, как надо — и сейчас, и потом. Особенно потом, когда настанет момент Перехода. Энергия высвобождается такая, что, если не подготовлен, тебя стирает вместе с донором. Из двух не выходит и одного, а это нарушение закона, и тогда достанется уже нам.

— Не поймите меня неправильно. У меня нет права осуждать вас. Просто... просто это было неожиданно.

— Зато вполне вписывается в твою будущую жизнь. Ты ведь сам хотел такой жизни, в которой больше ощущений. Ощущения — это всегда риск. Заодно проверишь — понравится ли тебе это чувство. Оно станет частью твоего нового ощущения мира.

— Понравится. Всё дело в старом теле. Эм... в нынешнем. Я уже ощущаю, что оно в прошлом, хотя рановато. Мне кажется, что я уже другой, потому приходится постоянно напоминать себе, что пока ничего не изменилось.

Фигура в кимоно абсолютно неподвижна, меняется только аура вокруг силуэта. Адская девочка не изменилась в лице, но в воздухе появилось ощущение улыбки.

— У нас в запасе всё время мира, потому что это сон, где у времени практически нет законов, — Энма Ай подняла левую руку, обвела пальцем в воздухе невидимый контур, засветившийся в воздухе знаком бесконечности. — Я не хочу на тебя давить, но очень скоро ты начнёшь ощущать усталость, потому будет трудно и дальше поддерживать иллюзию того места, где мы находимся. К тому же ты не настолько силен — опыт сновидений недостаточный. Удивился ведь, когда увидел моего Поллока?

— Да.

— Это дверь.

— В осознанном сновидении не нужны двери.

— Это не совсем сон, — она снова осталась неподвижной, но, при этом как будто оказалась чуть ближе. Её глаза в полутьме пылали двумя раскалёнными звёздами.

— Сначала ты отвлёкся на картину, затем ощутил запах, не так ли?

Он вспомнил цветочный запах, в котором не было ничего, напоминающего серу и адские котлы, но пахло так, как будто в огонь бросили охапку особо пахучих растений, и одновременно — сладковатым ароматом тлена.

Энма подняла правую руку, рукав кимоно совершенно беззвучно последовал за её движением. На ладони на несколько мгновений расцвёл красный цветок — множество пурпурных соцветий с длинными, как кошачьи язычки, лепестками, между ними метёлки, похожие на вибриссы, кошачьи усы. Точно такие цветы росли вокруг дома Энмы Ай в аниме, где-то между двумя мирами.

— Да, я не удивлён, что эти цветы так пахнут. Идеально дополняют общую картину.

Она неуловимым движением стряхнула видение с маленькой ладони.

— Это хиганбана. Так называют цветок японцы. Это особенные лилии: их не продают в цветочных лавках, не срывают для букетов, не сажают. Люди делают вид, что этих цветов нет. У него много названий, и каждое идеально подходит для нашей ситуации. Цветок пожара, адов цветок, цветок мертвецов и привидений, иногда — небесный цветок. В его названии содержится отсылка к иному миру: «хиган» дословно означает «другой берег». Символично, не находишь?

Не дожидаясь его реакции, она продолжила:

— Ты сейчас не во сне, это другой берег. Особое состояние — времени, пространства, сознания, как ни назови. Питает этот кармашек между мирами энергия двора-колодца, батареи — жизнь за ними, окна — усилители, проводники — вороны, крысы, кошки, вся

живность, что обитает близ человека. За исключением собак: из собак вся энергия уходит в землю. Они не умеют накапливать — отдают сразу. Петербург для нас, живущих по обе стороны границы снов, город особенный. Здесь особая энергетика, здесь люди подобны собакам: в этом городе энергия накапливается очень быстро и так же быстро уходит. Здесь много построек, аккумулирующих энергию. Мало осталось в мире городов, где можно с такой же лёгкостью, как в Петербурге, проводить обмен сознаний. Кстати, пожалуй, только в Азии — Китай, Гонконг, Япония, Корея — такие же благодатные территории для нас до сих пор. Так что в твоём случае всё сошлось как нельзя лучше: Петербург, увлечённость азиатской культурой. Человек, которого ты выбрал для обмена. Ты очень правильно обратил внимание на Александра. Потому что мы о нём знаем...

— В смысле? — после этих слов он напрягся и прервал шамана в образе Адской девочки, хотя знал, что лучше не рисковать со столь могущественным существом.

Энна умолкла на секунду. Вокруг неё слабым свечением разошлись круги — будто она улыбнулась, но не просто по доброте нрава, а с неким скрытым значением.

— Тебе не о чем беспокоиться. Есть кое-что, о чём ты и сам, наверное, знаешь. Тот, кого ты выбрал, тоже довольно сильный сновидец. Он может управлять собственными снами, встречаться во сне с другими людьми, обладающими сходными навыками. Он помнит каждый сон.

— Тогда как я смогу подчинить его сознание?

Он понял, что, возможно, ошибся в выборе: противник может оказаться не просто достойным, но и сильнее его.

— Тебе не о чем волноваться. Мы на твоей стороне. Ты будешь действовать с этого момента не в одиночку. Слишком много поставлено на кон. Опять же, случайностей не бывает. Ты нашёл его, нашёл нас, и это не просто так. От тебя с этого момента более ничего не зависит. В хорошем смысле слова. Самое важное позади. Сейчас мы заключим договор: подписывать ничего не надо, нет надобности клясться на крови и завещать собственную душу — это оставим авторам плохих книг. Никакой мистики, всё по-настоящему, только в незримом для абсолютного большинства людей мире. Я научу тебя, как тебе надо будет действовать следующие месяцы, пока не настанет единственно удобный для Переноса момент. И я кое-что тебе дам, с чем ты не должен будешь расставаться все дни, пока всё не закончится.

— То, что я получу, мне нужно будет держать при себе только во сне?

— Нет, всё куда проще. То, что ты получишь, — аналог колдовского мела. Ты знаком с ритуалами белой и чёрной магии?

В её взгляде было ожидание ответа и ни капли сомнения в том, что

он может не знать о такой простой вещи. То, что ему доверяют и в него верят, не могло не радовать. Он приободрился и потому, окрылённый, забыл о вопросе, который возник сразу же, только он услышал, что шаманам, оказывается, Жданов хорошо известен. Очень хотелось спросить о том, насколько близко это знакомство и не связан ли этот конкретный шаман, в образе Энмы Ай, с Александром вне снов, в обычной жизни. Червячок сомнений незаметно склевала певчая птичка: втянув его в разговор о вещах, известных лишь посвящённым, заставила забыть о вопросе и о подозрениях. Во сне так постоянно: только перестал на что-то смотреть, как это или исчезает или полностью меняется.

— Да, конечно, я знаю, что это. Обычный мел, только заряженный заклинаниями. Им можно рисовать или защитные обереги от тёмных сил, или, напротив, создавать пространства-ловушки. Нарисуешь таким мелом под ковриком у двери несколько символов, или пометишь дверной косяк, и человек, против которого заклинание было составлено, попадает под наведённые чары. Владелец мела может заставить делать зачарованного всё, что ему нужно, использовать человека для любых целей: получить код от его банковской карты, использовать для интимных развлечений, заставить совершить теракт — что угодно и на что хватит силы заклинания.

— Всё так. По сходному принципу работает и Обмен. Для него нужен аналог магического мела — амулет. Только задача у него чуть иная, чем у мела: в нужный момент активизированный от контакта с донором, он, образно говоря, взламывает код сознания, подключается к памяти, эмоциям, ощущениям — ко всему, из чего складывается индивидуальность человека. После подключения он, как пылесос, начинает вбирать в себя всё, что составляет человеческое «я». Всё это происходит во сне. Только во сне можно подключиться к сознанию и только так, при новых контактах через определённые промежутки времени, амулет будет ослаблять ментальную защиту донора. Амулет существует одновременно в мире снов и яви, как и на границе между этими двумя состояниями. Пограничное его состояние — ключ, но не тот, каким открывают замки, а некий код: последовательность нот... Я пока всё понятно объясняю?

Он кивнул, зачарованный тем, частью какого процесса он становился в этот момент. Энма Ай продолжила:

— Так вот, ключ — это звук: отрывок мелодии, произнесённая заранее выбранным голосом определённого человека фраза, механический звук или птичья трель. Ключ выберешь ты, но об этом чуть позже. Амулет в реальном мире будет выглядеть как нечто, что ты всегда будешь носить с собой. Не просто носить, но никогда не расставаться с этим предметом. С амулетом будет нужно постоянно контактировать. Что бы ты мог носить с собой постоянно, не вызывая ненужных расспросов?

Он ответил моментально:

— Су-джок.

Вокруг Адской девочки поплыла спиральными туманными протуберанцами вопросительная аура, но сразу же рассеялась. Её лицо озарилось пониманием:

— Могла бы и не спрашивать. Азиатская штучка. К тому же самый сильный след твоей ауры тянется именно к голубому шариксу су-джока, что лежит на твоём рабочем столе. Хорошо, изобретение китайской медицины в обновлённом формате станет твоим спутником на ближайшие месяцы. Носи этот шарик с собой всегда. Не просто в кармане, но как можно чаще и активнее сжимай в руках: для всех это будет всего лишь антистрессовая игрушка, а ты при постоянном контакте с заряженным от сознания донора амулетом, пока не пройдут пять положенных для созревания лунных циклов, сможешь добиться максимально полного слияния аур. Когда придёт время, су-джок развалится у тебя в руке, а то, что все эти месяцы созревало внутри, проникнет сквозь кожу. Настанет время последнего этапа — время финального сна, где тебе придётся отнять лично у донора, полностью лишённого сил к тому времени, то, что ты хочешь получить.

Он почувствовал, как его кулаки сжимаются, будто уже настал тот самый момент, и он давит шарик в руке.

— Понимаю твоё нетерпение. Потерпи ещё немного, мы почти закончили. Осталось представить тебе третью форму амулета — самую важную. Уверена, ты оценишь юмор ситуации.

Она третий раз за время их разговора — казалось, что прошли уже многие часы — шевельнулась: снова только руки, всё остальное, включая мимику лица и глаза, оставалось таким же неподвижным, но очень даже живым. Откуда-то из широкого рукава тёмного кимоно с яркими вишнями она извлекла... о да, всё по канону! Из рукава появилась, моментально очутившись в маленькой ладони, соломенная кукла. «Настоящая» Адская девочка раздавала такие тем, кто ровно в полночь набирал на сайте адской почты имя обидчика, кого желал отправить на тот свет и облечь на вечные муки. Энма или являлась лично в дом человека, жаждавшего мести, или тот переносился в её чертоги — примерно в такую же комнату, в которой сейчас находился он. Далее был обязательный обмен репликами. Зачем ты хочешь отправить в ад этого человека? Я его ненавижу за совершенное им зло. Знаешь ли ты, что мстить — копать две могилы? После смерти ты тоже отправишься в ад. Да, знаю, но мне всё равно. Бла-бла-бла. Вот тебе кукла. Если по-прежнему жаждешь мести, развяжи ленточку. В десяти случаях из десяти: вжух, ленточка летит на пол, кукла взлетает и исчезает. Раздаётся голос: «Мсть будет исполнена за вас!»

Действительно, трудно не оценить по достоинству иронию ситуации. Кукла как символ мести человеку, который не догадывается о том,

что его ждёт. Но месть не за совершённые им деяния, а за то, что не совершил в жизни тот, кто мести жаждет. Вполне по-японски, с подвывертом и непонятной европейцам моралью.

Он улыбнулся:

— О, да! Это очень в тему и по сути тоже верно. Тот, для кого эта кукла, исчезнет, отправится в небытие, а тот, кто станет причиной этому, очень скоро закончит жизнь, оставшись без сознания, равно как и без души.

— Всё так.

— Вокруг неё аура — стоп, что это? — как будто жалость?

Он не успел сосредоточиться на мысли, как она продолжила:

— Эта кукла — отображённое в пространстве снов заклинание, тот самый магический мел, или, что более верно по сути, программа для взлома сознания. Видишь эти пять ленточек на кукле: вокруг каждой из четырёх конечностей — рук и ног, и вокруг головы. Эти пять ленточек для полного связывания сознания, — она пошевелила куклой, и ленточки, словно состоящие из молочного тумана, заколыхались, как водоросли, налипшие на затонувшее судно.

— Раз в лунный цикл, с февраля по июль, тебе придётся проникать в сны Александра, чтобы развязывать очередную ленточку. Сначала свяжешь его по ногам, затем по рукам, а летом — главный этап: привяжешь не просто его голову, но его «я», и свяжешь его с собой. Ты победишь, если до июля он не сможет избавиться хотя бы от одной ленты, а это очень непросто сделать самостоятельно даже во сне.

— Как я смогу это сделать так, чтобы он не заметил? Раз он умеет управлять снами, он сразу вычислит меня.

— Хороший вопрос. И очень своевременный. 25-й кадр.

— Что?

— Спрятаться на виду. Ты спрячешься в его снах... как ниндзя. Он не сможет увидеть тебя и заподозрить в недобрых помыслах, потому что ты во сне будешь скрытой деталью. Представь себе безобидную картинку, привычную тебе от и до, но в ней будет присутствовать один скрытый элемент — тот самый 25-й кадр, в котором будет сокрыто нечто, что на тебя оказывает влияние, хоть ты это и не можешь увидеть. Ощутить — возможно, но не прикоснуться. Как паутинка, приставшая к волосам, когда ты проходил мимо дерева. И тянется эта паутинка к чему-то, скрытому в ветвях. Пойман, но не заметил этого. Остаётся лишь отправить сигнал через эту паутинку. Через некоторое время её унесёт ветром, но сообщение она доставит. Вот так всё и будет происходить.

Энна замолчала. Вокруг неё холодной стеной возникла аура завершения разговора. Она опустила руки, спрятав их в рукавах кимоно. кукла осталась висеть в воздухе там, где только что была её ладонь.

— Ну, что же ты? Подзови её.

Он помедлил пару секунд, прежде чем принять решение. Вытер повлажневшие даже во сне руки об одежду, после чего нерешительно поднял правую руку. Опустил, словно о чём-то вспомнив. Поднял левую. Повернул её ладонью вверх, пальцами по направлению к висящей над татами кукле. Согнул пальцы, как в азиатских фильмах делают бойцы, подзывая противника, чтобы надавать тому руками и ногами. Разжал пальцы — кукла уже в ладони. Ничего не весит, никаких ощущений от прикосновения к ней. Паутинка.

— Вот мы и заключили договор.

Адская девочка прислушалась к чему-то, что было слышно только ей. Словно у неё в ухе был наушник беспроводной связи с внешним миром. Её вишнёвые горящие пламенем остывающего солнца глаза смотрели прямо на него.

— Осталась одна деталь. Ключ для перехода в сон-контакт. Что ты хочешь слышать перед тем, как твой су-джок обретёт форму из сна, и ты отправишься в сон донора?

Он ответил очень быстро:

— С тобой проводит ночи 31-я весна.

— Кодовая фраза?

— Нет, слова из песни «Ночных снайперов». Альбом «Рубеж». Очень символично, правда? Снайперы в ночи переходят незримый рубеж, чтобы до рассвета провести время с кем-то о-о-очень важным.

— Интересный выбор.

— И с юмором.

Вопросительная аура.

— Саша Жданов очень любит «Ночных снайперов». Говорил в каком-то интервью, что едва ли не обрёл знание о смысле жизни с их музыкой. Песни Арбениной для него до сих пор имеют особенное значение.

— Вижу, ты на самом деле настроен на его жизнь. Это не просто прихоть, ты готов. Впрочем, сейчас ты готов проснуться.

Комната завертелась перед глазами. Запах ночных адских лилий усилился до невыносимого предела. От сладкого аромата закружилась голова, он развернулся, словно собираясь бежать. Перед ним снова была картина. Поллок и его видение бесконечности. Линии, мазки и пятна на полотне зашевелились, задрожали, как звёзды, чьи временные траектории сжались до точки. Его затянуло в свет.

— Пора вставать.

Знакомый голос. Голос человека, который рядом с ним уже столько лет, но вряд ли догадывается о том, что вот-вот произойдёт. Уже случилось.

ГЛАВА 10

Март

— Алло, Лена, привет, это я, Жданов.

Через пару дней мне предстоит снова собираться в путешествие. Еду почти на край света. Точнее, иду в море. Кажется, так правильнее — как говорит мой любимый брат Тоха. Круизный лайнер. Тур по Африке. Вдоль побережья континента до самой оконечности — ЮАР. Месяц с лишним в дороге. Зато сколько новых стран и свежих впечатлений!

В трубке после «да», произнесённого довольно резким голосом с начальственными нотками, как-то сразу потеплело, стоило мне назваться. Я явно ощутил, как меня накрыло тёплой волной.

— Здравствуй, Саша. Как хорошо, что позвонил. Поймал меня как раз между двумя совещаниями.

Лена — это Елена Андреевна. Она отвечает в «Буквоеде», самой большой книжной сети Петербурга, за все маркетинговые и рекламные коммуникации. Работает в этой компании так давно, что не стоит даже намекать на реальный срок, а то получится намёк на возраст. Впрочем, возраст у Лены — самый лучший. Энергии у неё столько, что за ней иногда даже я не успеваю. Столько ответственности на работе, сын-школьник, десятки людей в подчинении, сто с лишним магазинов в сети — реальное число я всё время забываю: только запомню, что магазинов этих сто десять, как, вернувшись из очередной поездки, узнаю, что их уже сто пятнадцать. И так всё время — круглый год новые открываются, значит, дел у Елены тоже прибавляется. При этом ей хватает сил, времени и главное — интереса на творчество, на различные личные проекты, на людей.

Мы познакомились, когда я пришёл договариваться о рекламном продвижении моего фотоальбома в «Буквоеде». Помню, что было так же холодно и сыктотно, как сейчас. В такую погоду в Петербурге, как бы я его ни любил, сложно представить, что где-то может быть тепло, что люди могут радоваться друг другу и согреваться дружеским общением. Я написал Лене на удачу «ВКонтакте»: кто-то мне дал ссылку на её профиль. Представился, сделал несколько комплиментов ей, на основании того, что знал об опыте её работы, немного рассказал о своей книге, о том, что она для меня значит, что я хочу этим проектом донести до людей, о чём им сказать.

Честно говоря, на ответ не очень рассчитывал и уже был готов искать другие пути, но понимал, что для продвижения книг нет лучше площадки в нашем городе, чем «Буквоед». Был приятно удивлён, когда она ответила почти сразу. В общении оказалась очень приятной, открытой и лёгкой. Мы быстро нашли общий язык и с тех пор общались довольно часто: я привозил ей сувениры из поездок, она знакомила меня с полезными людьми. Несколько раз я добровольно принимал на себя роль скорой помощи: у любого человека иногда так бывает, что силы кончились, дел невпроворот, а ты не можешь себя заставить даже просто встать с кровати, что уж говорить о принятии важных решений.

Работа у Лены сложная, ответственность высокая, задачи прибавляются в геометрической прогрессии — порой их так много, что за бесконечными совещаниями, звонками, встречами перестаёшь понимать людей. Самые плохие дни — когда перестаёшь ощущать себя. Сил не остаётся даже на плохую игру в роли себя, тебя просто нет. У каждого бывают такие дни, что говорить о людях, кто круглыми сутками работает, даже дома или в машине.

У меня тоже были такие периоды — давно, ещё в то время, когда я был полностью погружён в работу звёздного фотографа. Я не принадлежал себе, меня в любой момент дня или ночи могли пригласить на съёмку. Ответственность была очень высокой. Сейчас я о тех временах только вспоминаю, и в таком напряжении больше не живу. Я сделал свой выбор и считаю своим долгом поддерживать всех хороших людей, кто мне близок и важен, когда они переживают то же самое, что когда-то испытывал я.

У Лены тоже случались подобные периоды. Постоянно выдерживать напряжение не в состоянии даже самый заряженный на результат и мотивированный на успех человек. Сколько бы энергии у Лены ни было в запасе, порой она заканчивалась, и тогда я помогал ей восполнить эти потери: я звонил ей или писал сообщения, где просто рассказывал о чём-нибудь интересном, о том, что видел в поездках. Это помогало! Конечно, она не приходила в себя только лишь под моим влиянием, но я рад, что процесс подзарядки начинал идти интенсивнее после нашего общения.

Лена — человек непростой. На работе ей часто приходится принимать сложные решения, отстаивать свою точку зрения и делать это, как принято в деловой среде, т.е. жёстко. Из-за такой внешней напускной суровости её побаиваются на работе, но это означает только одно: люди часто видят только то, что на поверхности, и этого им, к сожалению, достаточно.

Я знаю Лену с другой стороны и, за исключением нескольких ближайших друзей, не встречал такой отзывчивости и готовности помочь,

даже если для этого придётся вписаться в очередной проект и отнять у себя последние крохи свободного времени. У Лены 25 часов в сутках, а то и все 30. Мало кто понимает одну простую вещь: броню она носит по необходимости, но под всеми колючками — человек с большим сердцем. Для своих близких она готова на всё, работе она отдаёт всю себя, и даже после всех жертв в ней ещё остаётся достаточно энергии, чтобы помогать друзьям.

Я с благодарностью за дружбу был готов становиться для неё батареей столько раз, сколько было нужно, но при этом знал, что она никогда не злоупотребит моей готовностью помогать ей восстановить энергию. В ответ она всегда была готова поддержать мои книжные проекты. С ней я мог делиться подробностями и других моих идей, зная, что она всегда видит все сильные и слабые стороны начинаний, подскажет, как избежать ошибок.

Она — мой друг. Я стараюсь всегда сообщать ей о том, что отправляюсь в новую поездку, и спрашиваю, что привезти ей из дальних стран. Это самое меньшее, что я могу сделать в ответ на её доброту. Я оставляю на неё продвижение моей книги, а сам отправляюсь почти в кругосветку на ближайшие пять месяцев. Я уверен, что всё, о чём мы на днях договаривались, будет сделано — и кое-что даже сверх обещанного. Лена умеет ценить дружбу, и я не могу представить, что кто-то из её коллег может этого не понимать или не признавать. Искренняя дружба гораздо ценнее обычного полезного знакомства, любых профессиональных связей. Настоящую дружбу не получится использовать только в личных целях, ничего не отдавая взамен, потому что тогда это будут совсем другие отношения, и они быстро сойдут на нет. От настоящей дружбы всегда получаешь заряд энергии, даже если ты отдаёшь, а не принимаешь. Такое вот иное прочтение закона сохранения энергии.

Я всегда стараюсь позвонить или написать ей перед очередной поездкой: это как оставить кому-то ключи от квартиры, чтобы заглядывали поливать цветы и кормить кота. Одновременно доверие и узелок ментальной связи, эмоциональной привязанности. Есть друзья, которые с тобой в любое время дня и ночи, где бы ты ни был — как Лина, Лёша, Саша (вы о нём ещё не знаете), как мама — те, кто ждут тебя дома. И есть такой особенный человек, кому ты можешь сказать: ну, я поехал — и услышать в ответ: счастливого пути, возвращайся, друг. Этот человек и определяет связь с городом, с моим Петербургом.

Звёзды снова на моей стороне: обычно очень непросто застать Лену в будний день. Про совещания она сказала не просто так, набивая себе цену. Должность руководителя её уровня предполагает более половины суток ежедневно проводить на совещаниях, летучках, брифингах,

обсуждениях, рабочих группах — называть можно по-разному, но суть одна: бремя обязанностей.

Улыбаюсь в трубку:

— Рад, что мне снова повезло. Я позвонил, чтобы ещё раз уточнить: всё в силах по нашей договоренности? Меня завтра уже не будет в городе и в стране: как ты помнишь, отправляюсь в Африку на месяц. Потом — в Швецию, поддержать нашего Серёгу Глазарева. Встретиться лично смогу с тобой нескоро, но обязательно привезу что-нибудь. Лично тебе и для будущего проекта: собираюсь, пока езжу по миру, собрать материал для новой книги. Ещё не уверен, что знаю, о чём она будет, но обещаю, что напишу о тебе несколько слов.

Смеётся. Окончательно превратилась из обычной зимы в весну. Этот смех куда больше идёт её глазам, в которых иногда огоньки застывают, как в тёмном янтаре, а на самом деле огонькам очень хочется искриться и порхать. Вот как сейчас.

— Саша-Саша, ну что ты, сохранил бы для сюрприза, что собираешься обо мне в своей книге написать. Но всё равно спасибо тебе, дорогой. Мне очень приятно это услышать. У нас, как всегда, сумасшедший дом: через пять минут всё продолжится, снова идти на рабочую группу, опять защищать то, что нужно не только мне. Иногда у меня такое чувство, что всё, что я делаю, это только мне одной нужно и важно, хотя у меня в голове совсем иное представление. Руки порой опускаются. Думаю, что я делаю не так, какими словами нужно убеждать людей, что я не для себя стараюсь...

В трубке повисла тишина. Я, переходя в этот момент оживлённый перекрёсток, подумал, что связь прервалась, и отвлёкся на секунду от дороги, посмотрев на дисплей телефона: нет, звонок идёт.

— Прости, что я тебе это говорю, — это снова Лена. — Спасибо, что позвонил. Я подтверждаю тебе наши договорённости: все люди, привлечённые к проекту, свою задачу знают и исполняют всё точно в срок. Удачной тебе поездки. Возвращайся, тогда и поговорим о новых делах.

Шутка ли: как она сказала, так всё и случилось. Только она говорила об одном проекте, а вышло так, что один и тот же человек оказался связан со мной сразу по двум делам. И второе дело, о котором я пока ничего не знал, оказалось куда более важным. Для меня, в первую очередь. Если бы я не справился с этим делом, то остался бы в Африке, никогда не вернулся обратно.

В океане уже несколько недель. Я снова путешествую вдоль побережья Африки. Это не первая моя встреча с континентом. Если смотреть

на Африку на карте мира, то я по разу побывал на левом и правом побережьях вдоль всей оконечности континента — от Сенегала до Кейптауна. Вглубь Африки до сей поры не забирался: попасть туда сложно, и путешествие очень опасное. Это не просто другой континент, во многом это для нас, белых людей, иной мир. В нём не всегда и не везде действуют привычные нам законы, а есть такие территории, где вовсе нечего делать белому человеку, если он хочет остаться в живых.

«Ни за что на свете маленькие дети не ходите в Африку гулять». Строчку и детского стихотворения вспоминаю каждый раз, как в океанской дымке проступают очертания африканского берега. Опасно, непонятно, порой страшно, не обжито и не исследовано даже в наш технологичный двадцать первый век, но сколько я здесь видел чудес, сколько необыкновенных и незабываемых ощущений пережил! Каждый раз, отправляясь сюда, я готовлю себя ко всему, и никогда не бываю готов к тому, что нахожу здесь. Африка каждый раз удивляет, иногда пугает, но чаще приводит в восторг. В такой, когда кажется, словно внутри у тебя — большой воздушный шар, и ты сейчас взлетишь на эмоциях. Африка может тронуть до слёз.

Моим драгоценным воспоминанием из этой поездки навсегда останется футбольный матч в Сьерра-Леоне. Я уже побывал несколько лет назад в этой маленькой стране — такой маленькой, всего 70 тысяч квадратных километров, что кажется, что она вся — часть африканского побережья Атлантического океана, хотя, на самом деле, это не так. В составе благотворительной миссии я побывал в прибрежных районах государства, где, несмотря на маленькую территорию, вполне хватало места людям, баобабам, слонам, крокодилам. Там я впервые играл в футбол с африканскими детишками.

Юркие и быстрые, как маленькие чёрные молнии, они владели мячом точно лучше игроков нашей сборной, но нисколько не задавались. Для них было в радость играть с нами, а нам — мне так точно — доставило огромное удовольствие гонять где-то посреди огромного континента старый мяч по пыльному клочку земли.

Когда пришло время возвращаться на корабль и плыть дальше, мы пообещали друг другу, что в следующем году обязательно поиграем снова. Даже появилась идея о небольшом чемпионате чёрно-белой футбольной лиги.

Планам нашим не суждено было сбыться через год: до Сьерра-Леоне докатилась эпидемия эболы. Полный карантин. Въезд запрещён. Болезнь унесла несколько тысяч жизней. Врачам Красного Креста удалось остановить распространение, многих спасли, но болезнь оставила напоминание о себе.

В этот раз я тоже играл в футбол, но это была очень тяжёлая для меня игра. Нет, не потому, что ребята, с кем я играл несколько лет назад,

натренировались так хорошо, что их невозможно было обыграть. Нас встретила команда подросших ребят, но у многих не доставало руки или ноги — одно из последствий перенесённой болезни. Эбола бьёт по человеку изо всех сил, безжалостно. Больной истекает кровью, у него отказывают внутренние органы, внешние ткани тела также испытывают жесточайшие атаки, иногда приходится ампутировать конечности. Небольшая цена за сохранённую жизнь — так относятся к произошедшему с ними выжившие дети.

Они продолжают радоваться жизни и весело играют в футбол, ковыляя на костылях и размахивая культями отрезанных рук. Первые минуты смотреть на это было страшно и горько одновременно, я ничего не видел из-за стоявшей перед глазами пелены слёз. Но вот такая штука: я слышал их весёлые крики, их смех, и очень скоро я забыл о том, что у меня перед глазами. Я просто играл, жил, бегал, смеялся. Я даже не помню счёт в том матче, но помню, какими были лица тех детей, когда мы делали после матча общие фото.

В Африке нельзя свободно фотографировать людей. Местные жители этого не любят. Они верят в то, что, если кто-то сделает их фотографию, вместе с ней заберёт их душу. Об этом следует помнить и не щёлкать фотоаппаратом или телефоном направо и налево: последствия могут быть весьма плачевными. Тем удивительнее было видеть готовых позировать на камеру детей, выживших во время эпидемии. Я не сразу понял, в чём дело: смерть уже приходила к ним и выцарапывала котгами душу из тела, оставила после себя жуткие шрамы, но и того, за чем приходила, не получила. На них теперь на всю жизнь осталась печать смерти. Они помечены, потому им ничего не страшно. И уж точно нечего бояться, что какой-то белый сумеет справиться с их душами.

Об этом открытии я думаю уже несколько дней. В этот раз поездка не радует так, как обычно. Много интересного, некоторые места мне знакомы, кое-где я побывал впервые, но всё это не находит места у меня в голове, как обычно. Возможно, дело во сне, который я увидел через пару дней после того, как лайнер отправился из Сьерры-Леоне дальше, вниз по левому побережью, к оконечности континента. Мне приснилось моё детство. Я был в нём совсем маленьким, и я был не собой. Поначалу меня смутил сон, но чем больше я о нём думал, тем больше ощущал тревогу.

Во сне, как это обычно бывает, когда теряешь контроль над происходящим, как будто вовсе не было логики. Мне, наверное, всего года два. Или нет — три. Я на качелях. Большая сильная рука раскачивает

меня так, что мои ноги взлетают выше барака, на который я смотрю. Я знаю, что живу в этом бараке вместе с семьёй: мама, папа, я, сестра. На мне тёмное пальтишко и тёплые ботики. Ноги так подпрыгивают каждый раз, когда рука раскачивает перекладину качелей. Кажется, что уже выше головы. Весело и страшно. Слышу голос: «Ещё выше хочешь, Танюша?» Голос обращается ко мне. Я понимаю, что я — это не я, Жданов Саша. Во сне я стал собственной мамой: её зовут Таня.

Я задираю голову, хочу увидеть лицо деда. Нечасто у меня бывают такие сны, надо пользоваться возможностью. Но каждый раз рука оказывается в поле зрения раньше, чем мне удаётся рассмотреть лицо. В руке ощущается угроза, хотя голос звучит довольно ласково. С каждым разом я взлетаю всё выше и вижу свои ноги, ножки маленькой девочки, взмывающие в небо выше головы. Я пугаюсь и чувствую на лице слёзы, но не столько от того, что мне страшно, сколько от невозможности посмотреть в лицо человеку, чья рука раскачивает качели.

Взмах — я вижу небо, качели идут обратно — и вместо барака вижу полозья санок. Зима, нос щиплет мороз, в лицо летят снежинки. Папа мчит меня — Таню — по укатанному снегу. Я вижу его спину, и опять не разглядеть лица. Он смешно перебирает ногами, забирая снег и стараясь не упасть. Мы разгоняемся всё быстрее: санки летят так, словно их тянут лошади. Слышу мужской смех: фигура впереди, тянущая санки за верёвочку, внезапно отскакивает в сторону. Я пролетаю мимо, санки опрокидываются. Зарываюсь лицом в снег, он царапает кожу и обжигает холодом. Вдруг в этой темноте — глаза залеплены снегом — становится тепло. Ощущаю, что на ногах уже нет валенок, а руки без варежек: поднимаю голову и вижу, что стою ободранными коленками в пыли возле лавочки. Откуда-то доносится крик: всё тот же мужской голос говорит плохие вещи, ужасные слова вылетают из темноты дверного проёма чёрными птицами. Мне четыре года, и это страшная ссора между мамой и папой. Я снова прячу голову в мамином фартуке, обнимаю её обеими руками. Мне на макушку капают её слёзы, тело сотрясают неслышные рыдания. Это моя мама, её зовут Анна. Бабушка мне — Саше Жданову.

Слёзы капают мне на голову, и каждая, пробираясь по волосам к самым корням, жжёт кожу. Я, совсем маленькая девочка, думаю о том, что больше никогда не смогу смеяться, больше не будет в моей жизни радости. Детство кончилось.

Больше не будет сильная рука раскачивать качели, и совсем другой голос, с тёмной одержимостью, скрипя несмазанными качелями, называет меня Танькой. Каждый окрик, недовольный и требовательный, или равнодушный — что ещё хуже, прибивает меня к земле. Я чувствую себя комочком пыли под тяжестью дождевых капель. Только дождь этот не приносит облегчения, прохлады, свежести.

Капли-окрики обжигают, от них явственно тянет сладостным духом разложения. Так пахнут хищные цветы, заманивая запахом насекомых. Танька, ты где? Танька, давай садись, сколько тебя ждать? Танька, игрушки убрала? Танька, накрывай на стол! Танька, Танька, Танька... Слова как гвозди.

Хоть это и происходит не со мной, и это сон, я во сне, где я — моя мама в детстве, — мне всё равно становится так холодно и печально, я хочу спрятаться от этого голоса, уйти в густую темноту, которая сгущается надо мной, становясь всё плотнее с каждым окриком.

И вдруг — свет и тепло. Я чувствую на своей макушке тёплую руку. Папа? Мама? Это моя бабушка, Ольга Леонтьевна. Жена настоящего светлого мага.

«Танечка, иди поиграй во двор. Я сейчас всё сама приготовлю». И я, окрылённая, выбегаю во двор, где меня подхватывает под руки Люда, младшая мамина сестра. Я ощущаю себя довольным птенцом, над которым в большом светлом гнезде хлопочут сестра и мама. Но это тётя и бабушка, в коих тепла больше, чем в родителях.

Я кружусь по двору, юбка раздувается колоколом — и вдруг падаю посреди кухни. Мои руки и ноги заметно выросли. Мамин окрик: «Паршивка, зачем ты чашку разбила?» Снова холодно и темно. Слышу смех мальчика. Это мой младший братик. Он для родителей важнее, чем я. Виталик чувствует это: дети часто бывают ревнивы по отношению к братьям и сёстрам. Виталик изо всех сил старается стать для папы и мамы любимчиком. Но он и так любимчик. И мой младший брат. Я вижу, как он старается все свои шалости представить так, будто это я натворила, но мне всё равно. Я люблю его. Люблю папу и маму. Каждый день стараюсь чем-то порадовать их, прилежно учусь, убираюсь дома, не дожидаясь, пока мне это поручат. Показываю хорошие результаты в занятиях спортом, хожу в драмкружок, на хореографию. Всё разбивается о полный нескрываемой хищной радости крик: «Смотрите, что Танька опять сделала!» Дипломы, почётные грамоты, награды — всё это кружится холодным снежным вихрем вокруг моего лица, превращаясь в белую искристую пыль.

Я стою на кухне и ощущаю, как на плечи давит незримая тяжесть. Закрываю лицо фартуком, чтобы справиться с головокружением. Я в воздухе, меня подбрасывает вверх, всё выше и выше. Распахиваю глаза: на мне тёмное пальтишко и ботики, мне два, нет — три года. Сильная отцовская рука раскачивает качели. «Давай ещё выше, Танюша, давай посмотрим на деда. Смотри, вон он, вон, среди тех облаков». И грозный материнский окрик: «Ты что делаешь? Ну-ка слазь». Я вижу, как сбоку к качелям подбегает мама и хватает меня за левую ногу. Толчок, меня резко сдёргивает с качелей, я лечу в темноту...

...и просыпаюсь в каюте. Я плыву вдоль побережья Африки на огромном круизном лайнере. Я Саша, и я только что видел во сне свою маму, когда та была маленькой девочкой. Видел своих бабушку и прабабушку. И почти увидел своего необыкновенного прадеда, кого во сне назвал светлым магом. Сколько себя помню, я не раз пытался представить, по рассказам мамы, основанным на пересказах бабушки, каким был отец Леонтий.

Сразу после пробуждения, в темноте каюты, я боковым зрением увидел тоненькую серебристую паутинку. Она из тёмного угла тянулась к моей левой ноге — той самой, за которую меня схватила во сне мама, то есть моя бабушка... Я не помню, чтобы моя мама представляла её в рассказах о своём детстве такой жёсткой, похожей на большого филина в домашнем платье с фартуком. Даже её рука, которой она схватила меня — мою маму Таню — за ногу больше походила на жёлтую птичью лапу, на когтистую лапу ночной птицы с горящими жёлтым светом глазами, чем на руку матери, которая всегда поддержит и пожалеет, защитит и согреет.

Сон не хочет отпускать. Он держит меня за ногу: я ощущаю лёгкое жжение вокруг левой лодыжки, тянусь рукой к тому месту и тогда-то и замечаю эту серебристую паутинку. Она сверкает в лунном свете, пробивающемся через иллюминатор. Луна в Африке не то же самое, что в Петербурге, вообще в Европе и на любом континенте, заселённом белыми людьми. Африканская луна необычайных оттенков. Этой ночью она полная, точнее — полной была вчера, сегодня пошла на убыль. Круглая, огромная и оттенка старого фарфора, отполированной слоновой кости. Тревожно желтоватая, и кратеры на её поверхности похожи на сеть трещинок на старом бильярдном шаре. На паутинки. Как та, что стянула невидимым, но болезненным обручем мою ногу. Впрочем, пока я пытался рассмотреть луну в иллюминаторе, паутинка исчезла, и в том углу, откуда она тянулась, тоже ничего нет. Я тру лодыжку: вроде боль отпустила, осталось только тянущее мышцы ощущение, какое бывает, когда развязываешь верёвку или прочный жгут, стягивавший кожу и мышцы долгое время. И ещё как будто жжёт. Включаю лампу, смотрю в её свете на ногу: вдруг в каюту пробрался какой-нибудь ядовитый африканский паук. В порту мы были только вчера, насекомое могло запрятаться в складках моего рюкзака, пока я бродил по очередному городку среди тощих собак и шустрых ребятишек с ослепительными белками огромных глаз.

Пока я разглядывал ногу, подробности только что увиденного сна понемногу отступали, освобождали сознание, уходили в тень. Мысль о прадеде Леонтии оторвалась паутинкой и взмыла к огромному лунному диску.

ГЛАВА 11

После того странного сна прошло несколько дней. Почти неделя, каждый час которой был наполнен чудесами. Я на время стал частью континента, стал его ветром, жарой, поселился в улыбках детей и насмешливых взглядах взрослых африканцев, наблюдавших за нами, белыми европейцами, пока мы разгуливали со своими рюкзаками, камерами и в прочных походных ботинках. Взрослые смотрели на нас как на стадо слонов: слоны — животные полезные, люди живут с ними в мире, потому что им нечего делить. Лишь некоторые используют слонов для собственного обогащения, убивая их ради ценной слоновой кости. Таких людей, к счастью, меньшинство, что не умаляет проблемы: каждый год гибнут десятки тысяч этих прекрасных животных, слонята остаются сиротами.

По подсчётам, сейчас на африканском континенте слонов не так уж мало: пару десятков лет назад ситуация была критическая, браконьеры истребили более половины общего поголовья, так что пришлось принимать меры. Постепенно популяция снова стала расти: сейчас, пока я в Африке, по её территориям в разных странах, в заповедниках и дикой саванне, разгуливает более четырёхсот тысяч слонов. Не считая нас, белых пришельцев с круизного лайнера.

Я часто ловлю на себе взгляды местных: они представляют меня таким вот слоном, случайно забредшим в город. Важно понять, в каком я настроении пришёл: начну ли я внезапно переворачивать автомобили, топтать посевы и гоняться за людьми, или я в хорошем расположении духа, меня ничто не беспокоит и всё нравится. Любопытство, приправленное лёгкой ноткой беспокойства. Только детям всё нипочём: они то и дело снуют у меня под ногами — кто-то выпрашивает сладости, кому-то интересно потрогать камеру, но чаще всего им просто в удовольствие потереться рядом с человеком, который так выбивается своим внешним видом из окружающей обстановки.

Кстати, ощутить себя слоном в посудной лавке шанс мне выпал. Это случилось на самом большом в Африке и известном на весь мир рынке вуду.

Находится он в маленьком местечке Акодессеву, в центральной части крошечной страны Того. На карте Того напоминает ломтик бекона или котлету между двумя булочками гамбургера — Ганой и Бенином.

В кино и книгах привычное место распространения культа вуду — острова близ американского континента, например, Гаити. Настоящая же родина этого культа — Западная Африка. Жители Того, соседней Ганы и большой Нигерии до сих пор верят в то, что талисманы вуду, как и само верование, оказывает большое влияние на их жизнь. Колдовство вуду — могущественная сила: можно наслать проклятье на человека, убить его или вернуть из мёртвых, заставив служить колдуну. Колдуны со всего мира приезжают в Акодессеву, чтобы пополнить запасы амулетов, магических трав, пообщаться с собратьями по ремеслу.

Впечатления от рынка очень сильные. Ощущаешь разлитую в воздухе магическую силу — как дурную, так и светлую. Эти потоки окружают тебя со всех сторон, тянут за собой, туманят рассудок. Кажется, что торговцы не просто смотрят на тебя, а ощупывают твоё сознание изнутри, за секунду определяя, что ты за человек и какие у тебя слабые места.

Рынок кажется бесконечным. Такого количества черепов разных животных и даже человеческих я никогда не видел в одном месте сразу. Амулеты и статуэтки идолов — некоторые весьма зловещего вида, утыканные ржавыми гвоздями или с настоящими человеческими зубами. Порошки, травы, шкуры и конечности: можно купить, к примеру, копытце газели или обезьянью лапку. Чёрный, как ночь, торговец со змеиными глазами сунул мне такую лапку под нос, и я, не ожидая этого, отшатнулся в сторону. Сразу вспомнилась легенда о лапке обезьяны, исполняющей желание. Пять желаний — пять пальцев. Каждый раз, как загадывается желание, палец с хрустом ломается. И ломается жизнь того, кто загадывает желания, потому что у такой магии обязательно есть обратная, тёмная сторона.

Продавец захохотал мне вслед, бросил лапку обратно в кучу отрубленных конечностей разных животных, подхватил с земли щепотку дорожной пыли, сжал в кулаке и дунул мне вслед, выпустив из неплотно сжатых пальцев дымное облачко. На какое-то мгновение мне показалось, что мелькнула среди песчинок серебристая паутинка, но не хотелось рассматривать пристальнее. Я стал проталкиваться между рядов, чтобы побыстрее миновать торговца, который продолжал мне что-то шептать в спину: это могло быть как проклятье, так и напутствие. Иногда это одно и то же.

Головы обезьян, гиен, собак, леопардов, ноги слонов, горилл, чучела змей и птиц, кожа, хвосты, шкуры — весь животный мир Африки представлен в виде мёртвых частей. Трудно долго выдерживать взгляды пустых глазниц бесчисленных черепов и тяжёлые — продавцов и покупателей.

Посчитав, что с меня хватит рынка, я пробираюсь к выходу. Главное — никого не задеть, потому что в ответ можно нарваться на самое настоящее проклятье.

Вот и обычная улица. Иду, стараясь смотреть под ноги, смотрю на экране камеры, что удалось заснять. Альбом получился невероятным: я как будто побывал в далёком прошлом, не только Африки, но и всего обитаемого мира. Это колдовство древнее, как само человечество. Оно зародилось под этим небом и звёздами в тот момент, когда далёкие предки современных людей осознали, что их тянет в путь, что где-то там, в сотнях дней пути, находятся новые земли, которые им завещано заселить, дав начало человеческому роду.

В этот миг, пока я листаю фото и размышляю о человеческой цивилизации, земля уходит у меня из-под ног. Как в том сне, успеваю подумать я — и вот я уже вишу на расставленных локтях в яме. Камера, больно ударив меня, повисла на прочном ремешке. Хорошо, что не снял её с шеи: моя вторая мысль. И только после этого: куда я попал?

Меня угораздило провалиться в раскрытый канализационный люк. Только чудом моё тело среагировало быстрее сознания. Чувствую, что расшиб локти, потянул мышцы, прикусил язык и ударился затылком, но остался живым. Позже, когда я выбрался из люка, увидел на дне колодца торчащие вверх острые прутья арматуры. Я почти доставал их ногами, пока висел. Страшно подумать, каким был бы итог падения, если бы всё обернулось не так удачно.

Только к вечеру меня накрыло волной эмоций. Я в полной прострации шёл к месту ночлега. В голове ни единой мысли, и только левая нога снова начала беспокоить. Боль и жжение в лодыжке прошли, но появилось ощущение привязанной к ноге гири, которую невозможно увидеть глазами. Лёгкая тяжесть в мышцах при ходьбе, которую я поначалу списывал на усталость, однако даже по утрам, проснувшись с новыми силами, едва опускал ноги на пол, ощущал, что левая холоднее и тяжелее правой.

И вот вечером, после неудачного или счастливого — как посмотреть — падения, меня накрыло настоящим штормом эмоций. Я понял, насколько близок я был к тому, чтобы остаться в Африке, где-то в яме на окраине крохотного городка, о котором, уверен, никто из моих знакомых никогда не слышал. Я подумал о маме: она ждёт меня дома, я не могу её подвести и остаться в одной из своих поездок где-то посреди нигде.

В голове бушевали и сталкивались друг с другом мысли, как корабли в жестоком морском сражении. Я в одно и то же время думал, что хочу позвонить маме, бросить круиз, доплыть с лайнером до ближайшей страны, где есть международный аэропорт, и улететь в Петербург. Хотелось спать и кричать, напиться и зайти по шею в океан, бросить

путешествовать, обменять весь свой опыт путешественника на собственный бизнес, чтобы всегда на одном месте, чтобы с головой в звонки, дела, бумажную работу, чтобы никогда не хотелось сидеть в самолётном кресле и смотреть, как внизу, под крылом, проявляются среди облаков заснеженные вершины, пустыня, голубое море и пальмы.

Через несколько минут я заставил себя успокоиться и когда буря в голове улеглась, отругал себя за слабость и вспомнил о милой, доброй, умной, замечательной Кате Бурской.

Я познакомился с ней пять лет назад. Мой врач, который очень помог мне, когда я сильно заболел, и с кем дружил уже какое-то время до того, был женат на славной девушке Кате. После первой же встречи с ней меня поразила её взрывная энергетика, её жизненная сила, которая подхватывает любого, кто оказывается в её поле зрения, и уносит туда, где тепло, где все друзья и улыбаются друг другу. В нашем северном городе, где нечасто увидишь, что люди сильно выражают свои эмоции, встретить такую девушку было чем-то вроде подарка судьбы. Уже при первой встрече с Катей я понял секрет её открытости, радости и жизнелюбия: она русская американка. В её речи русский и английский — совершенно равноправные языки и всегда вместе. Она может начать рассказывать тебе что-нибудь по-русски, незаметно для себя и для тебя перейти на английский, и эти переходы у неё такие плавные, что не обращаешь внимания на то, что ты не очень хорошо знаешь английский, к примеру. Понимаешь каждое её слово — потому что она говорит с людьми всем сердцем, а за перевод отвечает её улыбка.

Катя родилась в Петербурге, но родители покинули страну (тогда это ещё был Советский Союз), когда Кате было всего восемь месяцев. О перелёте в Америку она рассказывает забавную историю — конечно, со слов родителей — которая очень хорошо отражает её характер и состояние души. Лететь в самолёте надо было долго, родители Кати вымотались и уснули, на время позабыв о том, что везут с собой грудного ребенка в ручной колыбельке. Когда проснулись — хватились дочки: люлька пустая. На секунду запаниковали, даже появилась сумасшедшая мысль, что они забыли дочь в аэропорту. Вдруг услышали, как позади где-то в салоне самолета весело переговариваются на разных языках пассажиры, а им вторит счастливое сопение и бормотание малыша. Оказалось, пока папа с мамой спали, утомившись, Катерина, как всегда называл её отец, заскучала и, заметив, как мимо проходит кто-то из пассажиров, потянула к нему ручки. В привычных обстоятельствах никто бы не посмел взять на руки чужого малыша, воспользовавшись тем, что родители не видят: и тогда, и сейчас в Америке всё очень строго в плане контактов взрослых с детьми. От простого взять на руки до обвинения в киднэппинге — одно движение. Однако улыбка Кати была такой милой,

что совершенно незнакомый человек вдруг ощутил прилив нежности и, сам не до конца осознав, что делает, достал малышку из колыбельки. Через несколько минут практически весь салон самолёта, включая стюардесс, собрался вокруг Кати. Люди грелись её улыбкой.

«Я с первых дней встречаю мир с улыбкой», — сказала мне Катя. Я не просто ей верю, я знаю, что это так, потому что сам много раз видел, как меняется к лучшему настроение людей, стоит им повстречать Катю и заговорить с ней. Там, где она, там свет, там улыбки. При этом нельзя сказать, что жизнь Кати Бурской, так вовремя уехавшей в Америку и ставшей настоящей американкой, всегда была безоблачной и счастливой, как у принцессы из сказки.

Уже взрослой она вернулась на родину, где и повстречала своего мужа. Её внутренняя энергия проявляется во всём, что она делает, и она всегда была щедрой на проявления доброты. Это покорило Пашу, её мужа, это ценю и люблю в Кате и я. Каждый раз, когда встречаюсь с ней, смотрю на неё и не могу представить, что за этой улыбкой — пережитые Катей беды и страдания. Однажды она попала в тяжёлую аварию, последствиями которой стали несколько сложных операций. Какое-то время она не могла улыбаться, потому что полученные травмы не позволяли ей это делать, но на протяжении всего времени восстановления Катя не переставала излучать доброту и надежду. Она улыбалась всей собой, каждой клеточкой тела, каждым жестом, пока не могла показать людям свою настоящую улыбку.

За её силу воли, за стремление к жизни я её очень ценю. То, что я вспомнил о ней в минуту потери контроля над собой, и то, что это помогло мне почти сразу, говорит о том, какой она необыкновенный человек. Одна мысль о ней способна давать силы и вселять уверенность.

Катя очень хорошо знает, что такое настоящий страх, каково это — бояться за себя, за свою жизнь, за близких людей. Когда что-то с ней случается, она первым делом спрашивает о тех, кто был рядом с ней: всё ли в порядке, и только потом начинает оценивать ситуацию, в которую попала она сама.

Я спросил у неё, почему она так поступает. Неужели ей не важно, что с ней может что-то случиться, что она тоже может пострадать? Она ответила мне: когда с тобой что-то плохое происходит, когда катастрофа уже произошла, ни до, ни пока всё происходит, ни после нельзя поддаваться панике. Нельзя позволить страху за себя, за собственную жизнь парализовать тебя. Конечно, жизнь — это важно, но, если что-то случается, надо находиться в ситуации всецело, воспринимать всё происходящее с полным контролем. Только так можешь уберечь себя и не дать повода для страданий и боли тем, кому ты дорог. Наверное, этот её простой урок запал мне в память и помог сегодня: когда я ещё

ничего не понял, что со мной произошло, моё тело среагировало. Спасибо, Катя. Я хочу, чтобы мир знал о тебе. Ещё больше хочу, чтобы мир в ответ на твою доброту был добр к тебе и отдавал тебе больше, чем ты даёшь ему. Хотя это практически невозможно, столько хорошего ты сделала и продолжишь делать для людей.

Невозможно — это только слово. Его придумали для того, чтобы оправдывать нежелание действовать. Катя нашла прекрасный способ, как дарить людям ещё больше доброты и поддерживать их своей улыбкой, даже если они незнакомы и далеко друг от друга — людям точно не помешает немного поддержки. Она придумала и уже несколько лет развивает интернет-проект «Life In Between». В переводе это означает «Жизнь между». Это истории людей, побывавших на границе между жизнью и смертью, как сама Катя, или пережившие сложные жизненные ситуации, из которых они нашли выход и обрели силы, чтобы начать жить по-новому.

Катя такой человек, с кем очень уютно и хорошо просто помолчать. С ней не бывает тех неловких ситуаций, когда не знаешь, о чём говорить с человеком; с ней есть ощущение полного растворения, когда тебя понимают без слов и принимают таким, какой ты есть — в добром расположении духа или вовсе без сил. Катя Бурская — человек-батарея: тёплая, добрая, отзывчивая, дерзкая, заводная. Живая на все сто. Те, кто её не знают так же хорошо, как я, могут подумать при встрече, что она поверхностная и плывёт по течению, радуясь всему, что видит, только потому, что ничего плохого с ней никогда не случилось, а на глубокие мысли, чувства и переживания она не способна. Она не скользит по поверхности, она — человек крайних состояний: ей случалось опускаться очень глубоко, в полную темноту, но и там она находила свет, обретала силы, чтобы подниматься на поверхность. Она умеет летать. Она знает, что такое жизнь между.

Так, с мыслями о хорошем друге, я не только пришёл в себя, но и понял, для чего я оказался в Африке, что я должен делать, чтобы разобраться в собственном состоянии. Разобраться с тем, что меня тревожит.

Между. Мне необходимо для поиска ответов попасть, образно говоря, между землёй и небом, между реальностью и вымыслом. Все ответы я смогу найти во сне.

Спасибо, Катя. Ты сейчас далеко, но, уверен, ты почувствовала, что мне нужна твоя помощь, твоя улыбка — как свет в темноте, чтобы я смог найти дорогу. Ты всегда верила в своего ангела-хранителя, считаешь, что живёшь под счастливой звездой, а то, что с тобой случается — и хорошее, и плохое, и радости, и испытания, — это дано тебе для того, чтобы ты ещё больше любила жизнь за каждое данное тебе мгновение

в этом мире. Если Лина, к которой я обязательно съезжу в Нарву, когда вернусь домой, добровольно приняла на себя роль моего защитника, то Катя Бурская — озаряющий мне путь ангел, мой проводник. Сегодня она станет мне проводником в мире снов.

Уже засыпая, я вспомнил одно её письмо, в котором она рассказывала мне о том, как она ощущает жизнь, что она чувствует, продолжая улыбаться в любых ситуациях. Письмо было, как и её манера говорить, сразу на двух языках — русском и английском, потому часть слов отразила неповторимую Катину манеру изъясняться. Я специально полез в телефон, чтобы найти то письмо и ещё раз прочитать его, используя вместо заклинания.

«Я знаю, что самое ценное — это возможность улыбаться, своими глазами видеть, своим ртом пробовать вкусняшки, целоваться, иметь свои ноги и руки, вдохновлять других своей жизнью, просто дышать воздухом. Когда думаешь о том, через что уже прошёл и что пережил, думай и о том, что с тобой ещё может случиться, но не позволяй мыслям о плохом, ожиданию дурного омрачать твою жизнь, заслонять её или делать более значимой, чем жизни других людей. Будь готов к мгновению, когда от тебя понадобится всё, что ты сумел понять о своей жизни и об этом мире, чтобы собраться и отреагировать правильно — чётко и по ситуации. Никогда не ставь свою жизнь выше жизни других людей, всегда находи время и силы думать о других. Смотри в лицо опасности и говори ей «Не сегодня», когда она подобрётся к тебе очень близко. Не нужно подставлять вторую щеку, когда судьба бьёт тебя, но не стоит и закрываться другими людьми от удара, который должен пережить ты сам. Пережить и стать другим — обязательно лучшей версией себя, иначе всё было зря, и страдание, которое ты пережил, было для того, чтобы ты понял нечто важное, но ты испугался и не понял. В твоей жизни всегда будет испытание болью и страхом, но жизнь дана не для того, чтобы им сдаваться, чтобы делать их твоими хозяевами. Покажи миру прямо сейчас, что ты справишься со всем, что тебе уготовано, улыбнись и продолжай улыбаться».

Я засыпал с улыбкой. Меня больше не пугала африканская луна с тонкой паутиной трещин. Я принял свою поездку и принял всё то, что со мной произошло и только случится. Я понял, о чём говорила Катя, когда упоминала об улыбке. Улыбаться тому, что пытается причинить тебе боль, — это не просто обезоружить, это первый шаг к тому, чтобы понять причину. Ничто и никто не пытается причинить кому-то боль просто так, безо всякой причины. У всего есть начало и всему можно положить конец. Именно это я и собираюсь сделать, потому что, гуляя по рынку вуду, я в какой-то момент, смотря в пустые

глазницы черепов, понял, кому мог неосознанно причинить боль. Понял и то, что могу сделать для того, чтобы загладить свою вину. Прежде, однако, мне нужен совет.

Во сне ко мне пришёл ответ. Я узнал, чей совет мне поможет.

Мне приснилось, что я сижу в пустой комнате, у окна с видом на Неву где-то в районе Стрелки Васильевского острова. На подоконнике рядом со мной — старый радиоприёмник. Я кручу ручки настройки, но ловлю только помехи. Из раскрытого окна доносятся крики чаек, йодисто и свежо пахнет Невой, или это сама Балтика говорит со мной, зовёт, хочет, чтобы я услышал что-то важное. В этот момент помехи в приёмнике сменяет чистый и чёткий голос Лёши Данилина: «Сегодня в эфире радио «Балтика» мы поговорим о тех, о ком нередко забываем, хотя как раз у них и следует спрашивать, что делать дальше, когда волна жизни поднимает тебя так высоко, что не видишь и не чувствуешь земли под ногами. Мы услышим голос наших предков. Им есть, что нам сказать».

Странная программа. О чём это говорит Лёша? В этот момент он обращается прямо ко мне: «Саша, как слышишь меня, приём? Саша Жданов, я обращаюсь к тебе. Тебе нужно поговорить с прадедом. Он знает ответы на все вопросы, без него ты не...»

Снова возвращаются помехи, крики чаек становятся громче и белый шум радиоволн, покачивая, уносит меня в глубокое сновидение.

ГЛАВА 12

Прежде, чем пойти дальше и перенести действие практически полностью в мир снов, необходимо небольшое пояснение. Сон о моей маме и наведённое сновидение, в котором я слышал голос моего друга и защитника Алексея, — всё это были части большого плана, далеко выходящего за рамки материального мира и создающего новую реальность в мире снов. Поначалу я думал, что всё, что со мной происходило зимой и весной прошлого года, — знак лично для меня. Предостережение. Угроза опасности извне лично для меня. Я был готов вступить в бой за право оставаться собой и дать отпор любой силе, что захочет посягнуть на это право, сделать попытку подчинить меня себе. Оказалось, что на меня действительно оказывала воздействие внешняя сила, но совсем с другой целью, чем я думал. Не для того, чтобы сломать всё, что построил Саша Жданов, а чтобы он, то есть я, построил нечто для другого человека. Я должен был спасти не себя, а другого человека, от него самого.

Я много лет использовал данный мне дар для того, чтобы вокруг меня появлялись и оставались в моей жизни люди, которые делают меня сильнее. Пришла пора дать возможность другим изменить себя.

Битва начинается, но это будут совсем не те звёздные войны, которые вы ищете: не скрытая угроза для меня, а новая надежда для... точно не для одного, потому что надежда, как улыбка Кати Бурской и мягкая сила Лины Волчёнок, как голос Лёши Данилина и способности других моих друзей, кому ещё только предстоит появиться здесь, такая надежда незримо меняет наш мир. Всё начинается с одного, и волны расходятся, волны уходят в эфир, долетают до звёзд, и у людей появляются путеводные звёзды. Вот для чего людям даётся дар что-то менять. Вот для чего достался дар мне по наследству. Я уже близок к тому, чтобы впервые применить его в полную силу. Все люди, которых мой дар привлекал многие годы, собрались вокруг меня в правильную комбинацию. В моё счастливое созвездие.

Мой дар управлять снами, лечить чужую боль простым наложением рук, чувствовать близких людей на расстоянии и видеть иногда то, чему только суждено случиться, — это у меня от прадедушки. Возможно, всё началось ещё раньше, и магические способности у представителей

рода по материнской линии, который пока замыкается на мне, но точно не закончится, ведут начало от более древних предков, среди которых кто-то был первым, открывшим в себе способности. Такие способности, что, проявившись они явно, сильно выделили бы человека среди ему подобных: так, глядишь, не было бы никакого Саши Жданова, потому что дальнего предка за колдовство четвертовали бы или сожгли на костре. Печальная версия, потому я больше склоняюсь к тому, что первым в роду, кто ощутил в себе Силу, был прадед — архимандрит Леонтий. Он был святым человеком во всех смыслах.

Звание архимандрита в церковной иерархии относится к рангу высших. Так обычно называют настоятелей монастырей. Был свой приход и у отца Леонтия. Люди ходили к нему в церковь с радостью и уходили со службы обычно со светлыми лицами и миром в душе. Отец Леонтий не просто служил Богу и людям, не просто читал молитвы и совершал всё положенное ему по чину и по долгу службы так, как заведено. Он умел слушать свою паству, он слышал каждого человека из своего прихода. Когда я говорю «слышал», то не имею в виду простое внимание, когда с интересом выслушиваешь человека, который хочет кому-то выговориться, и киваешь в нужных местах. Леонтий слышал их души, с ним говорили сердца людей, и он одинаково ласково и смиренно принимал исходящую от них радость и боль, гнев и печаль.

Есть в церковных обрядах одно важное таинство — церемония рукоположения. Так называется обряд принятия человека в духовный сан, наделение его правом совершать положенные церковными канонами обряды и наделение его даром божьей милости. Священника при приведении в сан касается длань Бога. При этом в его собственных руках, если он крепок и честен в своей вере, тоже проявляется, как откровение, часть божественной силы. Ведь не просто так говорят, что на Земле от имени Бога говорят священники. Мы говорим сейчас о настоящих священниках, не о тех служителях церкви, которые далеки от высокого духовного развития. Не будем сейчас говорить о тех служителях церкви, о ком в Сети появляются новости, где не просто слишком много мирского и низменно человеческого, в них картины того, как люди, в чьих руках была самая высшая сила, опускаются до скотского состояния, возвращаются по уровню духовного развития к ступени животного мира.

Мой прадед — и родство здесь не при чём — был самым настоящим священником, он нёс людям свет, освещал им путь, потому что доподлинно знал цену святости.

Так вот, в некотором смысле, всех, кто приходил к нему в церковь — в горе или в радости, — он одаривал таинством рукоположения. В буквальном смысле. Благословляя прихожан, он возлагал им руку на го-

лову, и за краткий миг узнавал всё об их жизнях, все тайные мысли и желания. Более того, он мог видеть, что ждёт человека, какая судьба ему уготована. Об этом, как и о том, что ему ведомы все таинства их жизней, отец Леонтий не рассказывал прихожанам: тайна исповеди, даже если исповедь была чем-то вроде чтения мыслей во благо.

У меня дар от прадеда действует примерно так же. Я говорю с человеком, я о нём ничего не знаю, кроме того, что он сам мне открывает, и вдруг касаюсь его руки: этого достаточно, чтобы меня иногда посещало видение о том, как сложится судьба моего собеседника, нечто хорошее его ждёт впереди или надо поостеречься. Иногда я могу видеть будущее — и не только то, что случится в скором времени, но и события, более отдалённые в перспективе, на много лет вперёд.

Как я ощущаю эти видения? Иногда в виде картинок в голове, когда я касаюсь руки человека. Бывает и так, что я просто иду по улице, вижу человека, и в голове возникает картинка того, что с ним произойдёт. Не всегда удаётся проверить, прав ли я был в своих видениях. Если к вам на улице подойдёт человек, расскажет вам, что случится в ближайшее время, а затем даст номер телефона, чтобы, когда предсказанное случится, вы позвонили ему, возьмёте ли вы у его номер? Или вы достанете телефон, чтобы сообщить о подозрительном типе в полицию или санитарам в психиатрию? Вот потому я так и не делаю. Но если человека, которому я что-то предсказал, я знаю лично, то позже узнаю, что картинка в моей голове в точности воплотилась в реальной жизни.

Времена сейчас лёгкие для людей, кто видит больше и чувствует острее обычных людей. Более того, такие люди становятся популярными, у них толпы поклонников, они снимаются в телевизионных шоу, где, среди других экстрасенсов, соревнуются в том, кто больше сотворит чудес на публику. Сейчас не зазорно объявить себя чёрным магом, адептом тёмных сил. Напротив, из-за этого даже, скорее всего, число поклонников только будет расти. Времена наивной открытости всему подряд и вместе с тем — время, когда важным и пустым вещам придаётся одинаковое значение.

Во времена моего прадеда нельзя было помогать людям безнаказанно. Вредить — да, а делать их счастливыми без разрешительной бумаги — нет. Отца Леонтия расстреляли на глазах у родных. Так решила советская власть. Кто-то из чиновников посчитал опасным человека, от общения с которым люди получают больше положительных эмоций, чем от лозунгов советской власти.

У Леонтия остались две дочери: старшая, Анна, моя бабушка, и младшая, Люда, с которой некоторое время жила в доме у прабабки моя мама. Насколько прадед был светлым человеком, настолько же его сила передалась старшей дочери, только с противоположным знаком.

В том сне, что приснился во время путешествия по Африке, мне запомнился более всего образом бабушки Анны. От неё, хоть это и был всего лишь образ, основанный на маминых воспоминаниях, явственно исходило ощущение Силы. Такая же аура, чтобы было понятно, окружала Дарта Вейдера, героя «Звёздных войн». Это была сложная аура, в которой не было чистого зла или всепожирающего желания вредить, причинять боль и разрушать. В ней в равных долях можно было ощутить боль и разочарование, страстное желание вырваться из оков дарованной силы и сожаления о некогда совершённой ошибке.

Самым сильным желанием Тёмного лорда ситхов было защитить родную кровь. Он остро переживал гибель матери и смерть жены. Его долгое время смущали видения, в которых Амидале грозила опасность. Пытаясь уберечь Амидалу от гибели, он позволил эмоциям взять над ним верх и позволил подтолкнуть себя, в гневе и смятении, на тёмную сторону Силы. Он сделал это ради близкого человека, но оказалось, что это решение погубило всё, чем он дорожил.

Мой прадед был удивительным человеком, у него был сильный светлый дар, у него было четверо детей. Сила по наследству передаётся старшему ребёнку. Из близнецов Скайуокеров сила джедая перешла от отца сыну Люку, старшему из двойни. Моя бабушка Анна получила при рождении от своего отца, моего прадеда, светлую силу, но что-то пошло не так.

Время для светлой магии было неподходящим. Светлая сила требует большой самоотдачи, большой ответственности и много больших усилий, чем тёмная. Гнев, обида, разочарование — всё это оседает в душе, как копоть. Моей бабушке пришлось нелегко в жизни. Убийство отца. Жестокая, несправедливая, оскорбительная для человека его духовных качеств смерть. Он искренне любил людей и нёс им свет, они столь же искренне ответили ему злобой и убили, посчитав его дар проклятьем. Опутавшая людей сеть лжи и взаимных подозрений — отличительная черта советской власти в первые десятилетия её существования. Новая власть не просто старалась всеми силами, с оживлённым остервенением, избавиться от наследия и режима минувших поколений, но старалась стереть саму память о прежних временах из сознания людей, вытравить из сердца. Моя бабушка родилась в апреле 1924-го — в том же году, но несколькими месяцами раньше в Горках умер Ленин. Человек, из-за которого всё началось, хотя он вряд ли предвидел, что сотворит с людьми его искреннее стремление к переменам. Так всегда выходит, если замахнулся на высокие цели не из искренних побуждений.

Согласно одной из исторических версий, Владимир Ульянов, будущий Ленин, затеял мировую революцию ради мести за собственного брата Александра. Тот был революционером-народовольцем и участ-

ником террористической ячейки. Его арестовали за покушение на императора и повесили как террориста, когда его младшему брату, Володе, было семнадцать.

Владимир затаил злобу на весь царский режим, и его личная боль принесла страдания миллионам. Среди тех, кто испытал на себе последствия мести одного человека целой эпохе, были и мои предки. Прадед, я уверен в этом, простил своих палачей, его жена, моя прабабушка Ольга, тоже не позволила себе ожесточиться душой.

Им повезло родиться и укрепиться верой в людей во времена, когда свет одной человеческой души сиял во всеобщей темноте невежества куда ярче, чем лампочки Ильича, которые разве что дарили свет надежды на то, что скоро победим всех врагов и заживём. В те годы, когда моя бабушка была девочкой, очень темно было под такими лампами.

В сердце Анны, вместо света, каким щедро поделился с ней отец, стали расти сорняки. Они опутали все её чувства и причиняли страдания. С годами ей всё труднее было сохранять собственную целостность: её раздирали изнутри противоречивые мысли и чувства. Более всего она желала освободиться от невыносимого для её души светлого наследия отца: в дарованном свете для неё было больше боли, чем радости. Единственным выходом было передать дар дальше по линии поколений и надеяться, что её ребёнок — дочь Татьяна, моя мама — окажется сильнее. Это было рискованно, но бабушка хотела избавиться от ноши, которая ей оказалась не по силам.

В каком-то смысле мою маму изначально готовили на роль жертвы дара. Жертвы — потому что в душе бабушки духовная сила, полученная в наследство от её отца, под влиянием чисто человеческих переживаний, страхов и обид трансформировалась. Аура потемнела. По женской линии передача дара от матери к старшему ребёнку, обычно — дочери, происходит почти сразу после рождения. Бабушкиным планам помешала её мама. Прабабушка Ольга втайне ото всех покрестила новорожденную Татьяну, а крестик, который младенцу дали в церкви, спрятала и хранила у себя.

Анна далеко не сразу поняла, что Таня не поможет ей облегчить жизнь. Девочка попросту не знала о той роли, что была ей уготована, как и не знала, что её мама и бабушка сошлись друг с другом в борьбе за её душу.

Таня любила маму, любила её и Ольга — как мать, желающая своему ребёнку лучшей участи. Родители не всегда в состоянии изменить ход некоторых вещей, это должны и могут сделать только сами дети. Анна не смогла, и часть вины, что носила в себе, попыталась отдать дочке.

Когда Анна узнала, что её мать провела над внучкой обряд крещения, и поняла, что с невыносимым для неё даром придётся жить ещё

неизвестно сколько времени, в отчаянии едва не разорвала все отношения с матерью. Разочарование она перенесла на дочку: так Таня стала, подрастая, всё больше ощущать себя не то чтобы ненужной в собственной семье, но незаметной. Много позже моя мама узнала причину такого отношения. Она простила свою маму, потому что поняла: иначе никак нельзя было. Холодной отстранённостью мать, можно сказать, защищала дочь от тех сил, что остались в ней. Крещёная дочка не могла ей помочь избавиться от нежеланного дара, потому Анна все надежды сосредоточила на рождении следующего ребёнка.

У Анны были сильные способности к предвидению. Она могла видеть будущее на много лет вперёд. Не Ванга, конечно, но бабушке было известно, что Грозный — город, в котором она жила, где родилась и до девятнадцати лет жила моя мама, окажется в эпицентре жестокой войны и будет разрушен. Несмотря на всё, что происходило между Анной и её дочерью, Таню она спасла от будущего, ещё большего горя, спасла её и, получается, меня. Всё детство Анна, скрепя сердце, относилась к дочери так, чтобы её жизнь в семье была невыносимой. Делала она это не из желания причинить боль, а желая защитить. Сказать прямо дочери о том, что её гложет изнутри, она не могла: Таня не поверила бы, а даже и поверь — осталась бы с матерью. Любовь к близким — сильное чувство, и ранит порой, как нож. Эта боль, которую стоило вытерпеть: моя мама стала сильнее, доброта из её сердца никуда не делась, она миновала больших страданий, когда уехала в Петербург, тогда — Ленинград. В этом волшебном городе, который залечил все её раны, родился я. Аура Петербурга пробудила во мне дар, который, минуя маму, возродился как часть прадедова наследия.

Я узнал об этом далеко не сразу: рос я в стране, где никаких экстрасенсов не признавали и процветал материалистический подход ко всему. Никакой мистики.

Дар, что достался мне, был не совсем тем же, что пыталась бабушка Анна передать маме, а позже, узнав, что она не может это сделать, хотела передать следующему рождённому ребёнку. Да, у неё был дар, но она всё равно не смогла предвидеть, что родится не дочь, а сын — Виталий. Он оказался совершенно невосприимчив к наследственному дару. Ничего подобного не случилось и с его детьми. Так что эта семейная ветвь вернулась к обычному земному существованию.

Всё сошлось на мне. Даже удивительно, потому что я, во-первых, родился не девочкой, во-вторых, у мамы я не первенец, есть ещё старший брат Антон. Даже моя бабушка, пока я не подрос, не понимала, что наконец дождалась того, кто поможет избавиться от ноши. Когда поняла, не стала рисковать и действовать сразу, ждала момента, когда все звёзды сойдутся как надо. И только когда мне исполнилось тринадцать и

я в очередной раз приехал с мамой к бабушке в гости в Грозный, Анна решила действовать.

До того случая, в августе 90-го, она только присматривалась ко мне, проверяла внука. Пару раз пыталась напугать: вытаскивала вставную челюсть и щёлкала у меня перед лицом, приговаривая, что у неё и нога костяная, и печь дровяная, и лопата широкая: как раз мальчик поместится, чтобы его зажарить, а потом этими вставными зубами съесть и вернуть себе здоровье и молодость.

«Хочешь так же уметь?» — спрашивала она меня.

«Что — уметь детей кушать?» — подтрунивал я над ней.

«Нет, ты что — глупый? Силу от других людей получать, молодость сохранять», — бабушка смотрела на меня, презрительно щуря глаза.

«Бабушка, я не маленький, что ты мне сказки рассказываешь», — отвечал я ей всегда в таких случаях: всё-таки даже некоторые старшеклассники в школе были куда страшнее и опаснее беззубой бабули. Смело смотрел ей в глаза, выдерживал её оценивающий тяжёлый взгляд. Тогда я ещё не знал, что через несколько лет стану фотографом и окунусь в мир шоу-биза, где прямой немигающий взгляд весьма ценится: моргнул — пропустил отличный кадр. Воспитал в себе этот навык во время поединков в гляделки с бабушкой Анной. Она всегда не выдерживала первой — отводила глаза, уступая мне право быть сильным. Ставила на место свою челюсть и, причмокивая, хитро приговаривала: «Ох, глаза эти не к добру нам, не к добру. Что, Сашка, такими же глазами на мамку смотришь? Таким взглядом своего всегда добьёшься, потому как пугать им хорошо: чуть что не по тебе, свою волю любому человеку взглядом навязать можно. Хочешь так уметь? Или умеешь уже, на Таньке-то практикуешь небось, а?»

Эти разговоры меня всегда смущали. Я не мог понять, о чём говорит бабушка, что у меня со взглядом не так. Неужели она не понимает, что я её немного побаиваюсь, потому и не отвожу глаз? Что-то во мне запрещает это делать.

После таких бабушкиных наговоров я подолгу стоял у зеркала, всматривался в собственные зрачки, пытаюсь разглядеть в их глубине те самые недобрые тени, на какие намекала бабуля.

Видимо, всё же было что-то этакое в моём взгляде, равно как и во мне самом.

Август, год 1990. Я за чем-то зашёл на кухню в бабушкином доме. И сразу забыл о том, что искал, когда, проходя мимо старой, немного ржавой стиральной машинки, внезапно поскользнулся, будто что-то разлили под ноги, и напоролся ногой на торчащий кусок металла. Боль обожгла ногу — шрам остался навсегда, но я не заплакал. Меня что-то будто вело изнутри: из ноги хлестала кровь, заливая пол, и я начал

водить рукой над раной. Я закрыл глаза и ощутил, как из центра моей ладони стало распространяться тепло — кругами, по расширяющейся спирали, невидимые волны. От них кровотечение стало успокаиваться, и боль утихла. Всё это видела бабушка. Я не заметил, что всё это время она наблюдала за мной из угла кухни. Когда поднял голову, она стояла надо мной с кухонным ножом в руке, и в её глазах читалось явное торжество. Признаться, я довольно сильно испугался, хотя не верил в то, что бабушка хочет причинить мне боль. Конечно, она меня не тронула, но и не кинулась утешать, не уронила нож на пол, чтобы бежать за бинтами, йодом и перекисью.

Она приложила палец к губам, словно предупреждая: не надо кричать, не зови мать. Ножом она рассекла себе палец, дождалась, пока на нём выступит достаточно крови и приложила к ране на моей коленке, смешав нашу кровь. Она меня инициировала, передала свой дар. В этот момент у неё на лице читалось огромное облегчение. Внешне она после этого случая не изменилась, характер тоже не улучшился. Это была всё та же бабушка, что советовала моей маме, когда она лечила меня, младенца, от расстройства желудка, «сдать засерю в дизентерийную больницу, пока он тут все полы не залил». Та же бабушка, что выбросила с балкона Антошиного цыплёнка: мой старший брат упросил маму купить на рынке цыплёнка, пообещав, что сам его вырастит, но в планы вмешалась бабушка; птенца, что частенько пищал, в банке из-под сметаны Антон привёз к бабушке в Грозный, и та выбросила его, не пожелав терпеть шум от птички, так как сама была жаворонком — рано вставала и рано ложилась спать, и не любила, когда ей мешают засыпать. Антону она сказала, что отнесла цыплёнка подышать воздухом на балкон, а тот, видать, выпал и попал в лапы кошке. Маме, однако, бабушка сказала правду и пригрозила, что в следующий раз приготовит из зверья жаркое, если в её дом ещё раз приволокут живность.

Историй о странных бабушкиных поступках в нашей семье ходило немало, но я не думаю, что она ненавидела собственных детей и внуков. Всё было куда сложнее. Никто из нас не мог понять и даже представить, каково это, когда в твоей крови, разуме, мыслях, снах, в каждом чувстве бурлит сила, которую ты не просила, которой ты не хотела и её которую ненавидишь.

Моя бабушка не резала головы чёрным курицам и козлам, не рисовала пентаграммы на полу собственной спальни, она не отравляла молоко матерей, живших с ней по соседству. Она, скорее всего, с ранних лет разочаровалась в людях и, познав боль и страдания, не смогла оправиться, потому не понимала, почему люди упорно не замечают, как жесток и холоден наш мир, и продолжают рожать детей, смеяться, надеяться, хотя надежды, как и веры, нет ни в чём и ни на кого. Родная

мать предала, родной отец ушёл рано, дав себя обидеть плохим людям. Сын Виталик вовсе оказался бесполезным для её целей.

Я бабушку Анну теперь очень хорошо понимаю, Вряд ли она ждала от нас, родных людей, жалости, и я её не жалею, но я надеюсь, что последние годы жизни она, наш суровый кремьень, передав свой дар мне, прожила в мире с собой. Всю жизнь она страдала от милости, которой одарил её отец, мой прадед Леонтий. Даже имя её — Анна, или «благодать», «милостивая», не исключено, что напоминало ей каждый день, сколь многое ей было дано и со сколь малым ей оказалось по силам совладать.

Бабушка умерла в 1998 году, и я стал единственным наследником богатого дара моих предков — тёмной и светлой сторон, что сошлись во мне и обвили меня, как китайские драконы.

Всё верно, я не стал, как моя бабушка, носителем разрушительной силы — разрушительной, прежде всего, для самого обладателя. В декабре того же года, как бабушка отдала мне свой дар, мама меня покрестила, как раз на католическое Рождество, 25 декабря. Это была вторая часть моей инициации для раскрытия дара: с церковным крещением я получил полный доступ к светлой стороне силы, какой владел архимандрит Леонтий.

После того происшествия я понял, что я другой. Долгое время ту сценку в кухне я считал не случайностью, но происшествием, потому что оно изменило мою жизнь.

Я начал ощущать, когда моя мама чувствовала себя нехорошо. Её головные боли я лечил простыми пассами руками. Чувствовал, как будто в волосах у мамы запутались какие-то маленькие существа — насекомые: я их называл паучками, — и я, когда вожу руками над её головой, снимаю их по одному. Как только они исчезали, голова переставала болеть.

С изгнания паучков начал развиваться мой тактильный дар, как я его называл. Прикоснувшись к человеку, унять его боль — это начало. Наполнить его энергией, сделав самый обыкновенный массаж, после которого человек засыпает, а пробуждается полным сил, — второй этап. При этом человек, кому я делаю массаж, ощущает мои руки то ледяными, то горячими, и я не просто касаюсь тех точек, где чувствуется боль, расслабляю узелки в сведённых усталостью мышцах, но пальцы словно проходят сквозь кожу и находят сгустки тёмной энергии внутри тела. Такие сгустки я разминал и превращал в порошок, который тут же стирал, проводя ладонью.

В 1998 году бабушка Анна умерла. После неё в доме остались настоящие залежи сахара, муки, разных круп. Бабушка никак не могла привыкнуть жить без войны и вечно ждала самого худшего, потому что не доверяла людям. Когда мы гостили у неё, она говорила, что есть нечего, поэтому мы сами покупали продукты. Оказывается, всё это время она под кроватью в своей спальне делала запасы на случай войны, голода и любой катастрофы, что обязательно должна была произойти.

Маме от бабушки ничего не досталось: город, в котором Анна умерла, был разрушен очередной бессмысленной войной. С похорон мама вернулась с единственной вещью, доставшейся ей в наследство — бабушкиным гребнем для волос. Как оказалось, это было моё наследство.

Мама сказала мне, что, когда после похорон зашла в бабушкину спальню и огляделась, ей показалось, что гребень чуть ли не сам прыгнул ей в руки. Будто просил: возьми меня, увези с собой, я тебе пригожусь.

Мама повертела ненужную ей в общем-то вещицу и протянула мне, словно я должен решить, что с гребнем делать: оставить или выбросить. Я взял его из маминых рук и вдруг мне захотелось провести им по волосам. Более того, я подошёл к зеркалу и старательно расчесался, ощутив, как от прикосновения к моим волосам гребень стал тёплым, а руку, в которой я его держал, стало покалывать, словно электрическим током. Более ничего не произошло: я не увидел на секунду в отражении, как черты моего лица начали расплываться, и сквозь них проступило бабушкино лицо. Я даже не увидел в зеркале, как за мамой, стоявшей и смотревшей на меня, вдруг появилась бабушка с ножом, чтобы прошептать мне то, что услышу только я: «Теперь я буду жить в тебе». Никакой чертовщины. Днём. Бабушка пришла ко мне во сне ночью.

И опять не было никаких ужасных предзнаменований. То ли я оказался сильнее бабушки на самом деле, а не только в собственном представлении, то ли какая-то третья сила держала происходящее под контролем, но не было ни бури за окном со всполохами молний, ни теней на стене комнаты, похожих на лапы мертвецов и крылья огромных воронов.

Она просто появилась в комнате и подошла ко мне, лежащему в кровати. Я всё это видел со стороны, будто я — сторонний наблюдатель. Она наклонилась надо мной и прошептала мне на ухо... нет, она что-то пропела мне, то ли какую-то музыкальную фразу, то ли просто ноты в некой последовательности. По моему телу прошла ледяная волна. Горячая. Меня начали колоть невидимые иголки, да так сильно, что я почувствовал, как моё сознание начало неумолимо тянуть обратно

в тело, за которым я всё это время наблюдал со стороны, откуда-то из дальнего угла комнаты. Утром мама сказала мне, что такие углы раньше в избах назывались красными: там висели иконы и горела неугасимая лампада, этот угол защищал жилище от проявлений злой силы и чужой воли. Во сне я ощущал, что выбрал хорошее место, чтобы наблюдать за бабушкой, и она словно почувствовала мой взгляд. Посмотрела в тот угол, откуда я смотрел, и меня в тот же момент перестало притягивать к кровати. Я сохранил контроль над сном.

Бабушка посмотрела на меня — на моё тело, подняла руку и поднесла к моей голове, как будто хотела погладить: вряд ли прижать лицом к подушке, чтобы я задохнулся. Она исчезла. Навсегда: больше она мне никогда не снилась.

За исключением той же ночи, но чуть позже, и недавнего сна, в котором я оказался в теле мамы. Тогда, ребёнком, я ещё раз оказался на бабушкиной кухне. Всё повторилось. Поскользнулся, штырь, кровь, вожу руками над раной, появляется бабушка, моментальный испуг от её внезапного появления сменяется спокойным безразличием с лёгкой долей любопытства. Она режет ножом себе руку, прикладывает к моей ране, кровь смешивается. Во сне наша кровь пела. У моей была своя тональность — выше и звонче, ноты звучали стаккато в ритме сердца; кровь бабушки вибрировала басовыми нотками и переливалась сложными трелями.

Тот сон я увидел ещё до крещения. Крещение поставило точку. Хотя точка — это когда говорят о финале. В моём же случае это, скорее, была точка в прологе. Началась пора настоящих чудес, но чудесами они могут показаться со стороны, я же сам воспринимал всё, что со мной происходит, мой раскрывающийся дар, как наследство. Я не транжирил его, не хвалился им и вообще особого значения не придавал: раз уж он есть, к чему бегать по улицам и кричать прохожим: «Смотрите, смотрите, что я умею»? Я просто мог делать разные вещи, но на телевидение о своих способностях не написал, желая стать героем телевизионного шоу: новым Кашпировским, или, если на современном примере, каким-нибудь Свами Даши.

Да, я стал чувствовать ауры других людей, видеть их будущее. Это не было что-то вроде гадания на кофейной гуще или следования за только мне понятными знаками. Я просто видел — и то, что я выбрал работу фотографа, было довольно символичным решением. В объектив фотоаппарата видит только самое главное, мгновение — и его надо запечатлеть, потому что оно хрупкое и никогда не повторится.

Хороший фотограф видит не только само мгновение, но и его траекторию, то есть место и время, когда надо нажать на затвор. Хорошим фотографом я учился быть, но вот видеть траекторию человеческих судеб умел с первого дня.

Я снимал свадьбы, и одного взгляда в объектив было достаточно, чтобы нарисовать картину совместной жизни пары: я знал, будут ли они счастливы всю жизнь или разведутся через несколько лет, устав от взаимных упрёков. Конечно, я не был настолько глуп и самоуверен, чтобы вмешиваться в их жизни и портить торжество, считая своим долгом предупредить молодых о грядущих разочарованиях и страданиях.

Это мой дар, с ним надо было обходиться аккуратно. Пока я не понял, как это работает и работает ли на самом деле, мне не стоило вмешиваться в судьбы других людей. Правило Питера Паркера: «Большая сила — большая ответственность».

Иногда я давал себе немного воли. Если мои друзья или просто хорошие знакомые начинали делиться со мной или где-нибудь в компании подробностями собственного проекта или рассказывали о том, что хотят запустить бизнес, я моментально считывал все будущие последствия таких решений. Конечно, нельзя было просто сказать «нет, не делай этого», если чувствовал, что ничего не получится и проект прогорит, но можно было подтолкнуть продуманными фразами к правильному решению.

При этом я был сапожником без сапог. Так как дар у меня просто проявился, но меня никто не учил им пользоваться, да и учебников по экстрасенсорным способностям не существовало, приходилось доходить до всего если не своим умом, то попытками понять ум других людей — моей бабушки и прадеда. Я знал, что ожидает других людей, но при этом не мог заглянуть в собственное будущее. Мне снились пророческие сны, но я не мог управлять снами — после того случая с бабушкой в изголовье кровати и её пения мне на ухо я всё пытался воспроизвести те ноты, но мне никак не удавалось.

Я пытался найти другой выход. Раз та музыкальная фраза мне пока не давалась, я приложил все силы, чтобы развивать свой дар. Я изучал судьбы людей, рассматривал их как фотоальбомы, листал, как желтевшие папки в архивах, потому что для меня будущее других людей и было такими вот архивом, где всё уже случилось и было тщательным образом задокументировано.

Порой я доводил себя до иступления в попытках взломать бабушкин шифр, но он никак не давался мне. Когда я уставал так, что начинал забывать, кто я такой, среди множества чужих аур я искал способы энергетической подпитки. Было непросто, потому что, помимо дара, у меня была работа, и работа отнимала остатки сил, выпивала меня

досуха. Сейчас я всегда могу уехать в Нарву или просто позвонить Лине Волчёнок. Более того — Лина лучше меня умеет управлять снами, и, если мне будет плохо, она это почувствует, потому что я всегда ей снюсь, когда нуждаюсь в ней. Раньше Лины не было. Я чувствовал, что, как муха, бьюсь о стекло, а выход где-то рядом. Силы таяли, и работа уже не приносила удовлетворения, напротив — опустошала.

Спасли путешествия. Я стал менять обстановку и понял, как могу восстанавливать силы. Аурой тех мест, где я бывал.

Вы всё это слышали уже, в первых главах? Да, знаю, потерпите ещё немного: сейчас я скажу вам то, ради чего так далеко уходил в собственное прошлое и прошлое моей семьи.

Во время путешествий я понял, в чём была моя ошибка. Я слишком силён. Мой дар, при всей его силе, не огранён, не приручен, и я с самого начала сопротивляюсь ему, пользуюсь, но не впускаю в себя, не открываюсь ему всецело. Как я привык противостоять бабушке, которая сначала незаметно, потом практически не скрываясь, ощупывала меня своей силой, искала во мне слабые места, пыталась ослабить защиту. Я чувствовал это, хоть и не понимал, что именно ощущаю, поэтому привык сопротивляться силе. И продолжил ей противостоять, даже когда она стала со мной единым целым. Я боялся принимать себя полностью, с тёмной и светлой сторонами одновременно, вместо этого достаточно длительное время играл в вершителя чужих судеб, пренебрегая собственной.

Я понял это в Африке. Когда я первый раз оказался под невероятным ночным небом на побережье пустыни Намиб. Да, я не оговорился, именно на побережье. Эта огромная пустыня выкатывается из глубины континента горячими песчаными языками и врывается на берег Атлантического океана, чтобы, внезапно присмирив, вступить с глубокими водами в союз. Вместе они — океан и пустыня — переговариваются на шелестящем языке волн и песчаных барханов. Языки эти во многом схожи, так что они прекрасно понимают друг друга. И они знают, для чего встретились. Чтобы открывать истину тем, кому повезёт оказаться на берегу пустыни Намиб безлунной ночью, под звёздным пологом великолепного Млечного Пути.

Здесь, ночью, под звёздами, в совершенном и невероятно тихом месте я понял, что такое настоящая сила. Сила — это не соперничество: океан и пустыня распростёрлись у ног друг друга, но, в то же время, один не раб другого. Сила — это не фонарь, которым непременно хочется слепить другим людям в глаза. Млечный Путь — эта не поддающаяся осмыслению красота, раскинувшаяся на много тысяч световых лет, что нежно и мягко светит, как ночник у кровати ребёнка, над головами у миллиарда людей и, наверное, неисчислимого множества существ

в других мирах, но без вызова, без пафоса, хотя обладает невероятной силой. Сила — это не стена, сила — это дверь. Все три стихии: земля, море и небо — в этом месте, в пустыне Намиб, открылись друг друга, и всё ради того, чтобы, наделённый даром, как четвёртой стихией — горящим внутри светом, огнем, сиянием, — я смог наконец открыть себе себя. Без игры, без обмана. Без слов.

Первый раз пустыня Намиб открыла мне путь к созданию возможностей. Стоило мне понять, что не надо сопротивляться дару обрести полное единение с самим собой, как всё стало на свои места. Мне больше не были нужны слова. Я всё ещё не мог распознать, что напела мне бабушка Анна, но я начал создавать свой собственный музыкальный ключ. Камертон возможностей. Прикоснёшься к нему в собственном сознании нитью, сплетённой из вариантов судьбы человека, — как он отзывается, и звучать начинает та нить, в которой всё будет хорошо.

Приняв свой дар, я научился по-настоящему помогать тем, кто мне дорог. Я научился вызволять их из паутины пустых и вредных дорог и направлять по тому пути, где у них всё складывается самым лучшим образом, где они живы и здоровы и с ними не приключаются беды. Для друзей я со временем стал тем, кто приносит удачу, потому меня, как талисман, лучше держать рядом, когда принимаешь важное решение. Сейчас важное решение предстоит принять мне, и я буду сам себе счастливым талисманом.

Мы прошли большую часть пути, скоро всё разрешится.

Моя вторая ночь под звёздным небом в пустыне Намиб окончательно определит расстановку сил и порядок действий. Предстоит встреча с несколькими важными для меня людьми. Возможно, мы больше не встретим второго героя этой книги, с которого всё началось. Вы можете подумать: какой интерес тогда читать книгу, если в ней за всё отвечает один герой, а другим просто не остаётся места и времени? Да, я понял, что это не вопрос, а лёгкое возмущение. Что ж, отвечу. Второй герой с самого начала, точнее — ещё до того, как началась история, определил себе место. Прежде всего, место в собственной жизни. Если я долгое время считал свой дар стеной для себя, хотя для других он был дверью, мой антагонист использовал свои способности, чтобы рыть яму — глубокую, как колодец, но, в отличие от колодца, из нее никто не сможет напиться воды. Вырыв достаточно глубокую дыру в представлениях

о себе и своём месте в мире, этот человек намеревается залезть в него, взяв с собой фонарик — чужую душу, и закрыть яму сверху плотной крышкой. До тех же пор он не хочет выходить перед вами на сцену, стоять в жарких лучах софитов, видеть, как тает его уверенность, словно плохо наложенный грим. Поэтому оставим его в тени.

Я не встречу с ним до того момента, когда нам предстоит сойтись лицом к лицу в борьбе за собственное «я».

Что он выберет? Кошелёк? То есть мою жизнь, о чём я, если следовать логике развития сюжета, пока не догадываюсь, хотя что-то в этом роде подозреваю, потому что не первый год живу на этом свете. Или же мою руку, протянутую для дружбы? Руку, которая может ему указать правильный путь. На что вы сделаете ставку? На Чёрного человека или на Стрелка?

ГЛАВА 13

Пустыня Намиб

Звёзды такие большие и яркие, что кажется, будто ты лежишь в небе и смотришь на перевёрнутое вверх в перспективе ночное море, на поверхность которого выплыли в тёплую ночь фосфоресцирующие медузы. Точно так же мерцают и качаются звезды на волнах воздуха, идущего из остывающей на ночь пустыни.

Я снова в пустыне Намиб. Ночь, Млечный путь, песок и волны Атлантического океана. Это место уже помогло мне открыть дорогу к себе. Теперь задача посложнее. Следуя подсказкам, я хочу уснуть на берегу и увидеть во сне прадеда. Почему не сделать это под крышей, в каюте лайнера, не дожидаться, пока вернусь домой? Нигде более на планете нет такой связи между силой, живущей в одних и дремлющих в других, и силой Вселенной. В этом месте работает лифт между землёй и миром осознанных сновидений. И сны здесь сняты не для развлечения и удовольствия, сюда приходят за особенными видениями. Нечто подобное переживают американские индейцы, но им, чтобы проникнуть в тонкие миры и поговорить с духом предков, необходимо много дней и ночей потеть в закрытом шкурами вигваме, вдыхать дым от костра, наполненный наркотическими туманами. Намиб — часть континента, где, как говорят учёные, зародилась разумная жизнь на планете. Намиб ничего не требует, хотя со звёздами у того, кто пришёл за ответами, должна быть особая договоренность.

Я появился на свет под особой звездой. Я родился под созвездием Змееносца. Змееносец — созвездие, царапающее хвостами Млечный Путь, но вырывающееся из основного звёздного скопления. На небе оно — между Стрельцом и Скорпионом.

Астрологи не признают созвездие Змееносца полноправным участником астрологического круга. Так вышло, что уже сошлись на двенадцати созвездиях, между ними и разделили все месяцы года, а вместе с этим — и всех живущих на Земле людей. Однако дюжины знаков не хватает для того, чтобы вместить в астрологический круг все человеческие судьбы. Есть такие, что просто не вписываются в привычные толкования.

Змееносец — невидимый участник астрологического календаря. Астрологи имеют разное мнение о том, в какой цикл вписывается этот знак. Можно округлить все представленные варианты до общего среднего и определить даты под влиянием созвездия Змееносца в период с последних чисел ноября по конец второй декады декабря.

Единственный знак без пары с противоположным знаком, потому ему приходится совмещать в себе тёмное и светлое, мужское и женское.

Люди, рождённые под знаком Змееносца, как правило, становятся толкователями снов, целителями, экстрасенсами, людьми, указывающими путь другим. У Змееносцев всегда особая судьба и особенное предназначение. Нострадамус был Змееносцем.

В древности это созвездие астрологи называли особым небесным знаком, под которым силы Добра и Зла вступают в борьбу за душу человека. При этом победить не может окончательно ни одна из сторон, поэтому люди-Змееносцы постоянно в поиске, они всё время находятся в дороге — они склонны к странствиям и к глубоким внутренним поискам. Люди тринадцатого знака чрезвычайно контактны, но не навязчивы, просто к ним тянет людей. К каждому человеку, с кем Змееносцев сводит жизнь, они находят свой ключ, даже к самым надёжным замкам, закрывающим сердца и души, они устанавливают особые отношения с людьми. Они дорожат каждым своим знакомством, и люди, которых они знают, ощущают, что с другом-Змееносцем они связаны, как правило, навсегда.

Змееносцы самоотверженны. Собственные проблемы беспокоят их гораздо меньше, чем дела и заботы окружающих. Чем сложнее ситуация, чем туже закручивается узел чьих-то проблем, тем больше энергии у Змееносцев, тем сильнее они хотят помочь.

Змееносцы не любят авантюры, но они не боятся риска, не испытывают чувства страха. У них есть дар бессмертия. Не в прямом смысле, конечно, но представители знака невероятно живучи. Судьба многократно подбрасывает им чёрные метки, ставит их жизнь перед лицом опасности, но каждый раз Змееносец спасается.

Жизнь Змееносцев делится на два важных этапа: первый — выявить, осознать и принять свои тёмные стороны, второй — победить их в себе и тем самым совершить одновременно акт самосожжения, как птица Феникс, и возродиться в новом качестве.

Ещё один важный момент: людям тринадцатого знака нельзя останавливаться, их жизнь должна проходить в постоянном движении. Остановка для них — это смерть. Когда их жизнь замирает и успокаивается, душа начинает блекнуть: Змееносец разрушает себя изнутри. Увы, но счастливая домашняя жизнь, с тапочками, кофе и ароматом сдобы, скорее всего, не для Змееносцев. Домашний покой им строго противопоказан.

Понимаете теперь, с кем не стоит связываться? Я вот давно понял, во что я ввязался, родившись под исчезнувшим из астрологического календаря знаком, как буква «ё», когда-то выведенная из обихода. Букве не повезло из-за наборщиков, которые во времена докомпьютерных вёрстки путали в наборных кассах буквы «е» и «ё». Знаку зодиака пришлось уступить и уйти в подполье из-за опасной, по-настоящему гремучей смеси звёздных даров, какими одаривал Змееносец поздних ноябрьских и ранних декабрьских новорожденных.

Я не сильно разбираюсь в созвездиях, что не мешает мне любоваться, лёжа на песке Намиба и слушая шорох волн Атлантики, звёздной книгой из миллиона букв, слов и сочетаний фраз. Говорят, на небе написана судьба каждого человека. Я знаю, что где-то на самом краешке книжной полки Млечного Пути пристроилась и книга моей судьбы — моё созвездие Змееносца.

Я включаю в плеере песни Дианы Арбениной. Они — мой музыкальный код для вхождения в особое состояние. Её музыка — лучший проводник для меня в мир осознанных сновидений. Её песни я часто воспринимаю как цельную картинку, а не как слова, разделённые знаками препинания. Вот как сейчас, когда я закрываю глаза и тихо улетаю — вверх, вверх, в самый центр бескрайнего Млечного Пути.

*«как по льду
с вами
об руку рука
ниточка тонка
как по льду
наши
души-облака
вы меня искали*

*стебли вьёт
красота
между нами*

*пусть мне повезет
пусть нам повезет».*

«Саша, слышишь меня? Поторопись. Скоро у меня служба начнётся, а разговор наш накоротке не провести».

Иду, ваше Высокопреподобие, отец Леонтий.

Млечный Путь становится близким-близким. Какая же красота между нами.

Я иду по тихой улице маленького городка. Скорее это больше похоже на зажиточное село. Дороги без асфальта, фонарных столбов не вижу, воздух пьянит чистотой и полным отсутствием выхлопных газов и привычных мне, городскому жителю, звуков. Раннее утро, солнце ещё только готовится позолотить край небосвода. Дома спят. Блаженная тишина.

Впереди — церковь. Простые, не золочёные маковки, никаких излишеств в декоре, каменные стены. У входа я замираю на секунду. Не знаю, как мне поступить: я не хожу в церковь, не отмечаю церковные праздники, не читаю молитв — я человек времени, в котором лучшая молитва, гарантированно приводящая к быстрому результату, звучит как заклинание: «Окей, гугл». Наверное, следует перекреститься, но вместо этого я задерживаю дыхание, говорю себе, что во сне лучше оставаться самим собой, и делаю шаг за порог.

От каменных стен исходит прохлада, приносящая запах ладана и — я на миг задумываюсь над правильным определением — да, запах абсолютного покоя. Не мёртвый покой, а настоящая безмятежность. Нечто подобное я ощущаю в норвежских фьордах, когда смотрю на африканскую пустыню, на закат в океане. Это самая безмятежная сила во вселенной. Никто не заставляет верить в Бога, который выглядит как человек и долгое время поступал как человек, причём не лучшего норова, но всем нам стоит иногда приходит в храм — за покоем, за обретением понимания, зачем мы в этом мире. В любой храм, где есть это ощущение: в православный, католический, буддийский дацан или в мечеть. Даже мне, Змееносцу, с вечным огнём в груди, толкающим меня, как поршень, вперёд, иногда нужно ощутить, как безмятежность наполняет всё тело, проникает в душу и разглаживает в разуме все временные и

событийные возмущения. Стать чистым листом, освободиться от тревог и забот, чтобы снова получить силы выходить в мир, жить в нём полной жизнью, жить не ради себя.

Внутри всё залито тёплым жёлтым светом свечей. Они отражаются в скромных деревянных и богатых, украшенных камнями, окладах икон. У амвона, спиной ко мне, стоит, опустив голову высокая фигура в простом чёрном монашеском одеянии. Я стою у входа, не решаясь сделать шаг дальше, в это тёплое море жёлтого огня, отражающегося от тысяч натёртых до блеска поверхностей и скромно молчащих на ликах и в глубине глаз святых с икон. В голове продолжает играть песня Дианы. Неужели я одновременно сплю и слышу музыку?

*«мне побежать бы к Вам
в плечи уткнуться лбом
и в землю лить слова -
это и есть любовь
это и есть любовь
это и есть любовь*

*дети Вас
любят
их не обмануть
в них заложен путь
лепестки-люди
ищут край небес
а для нас он здесь
стебли вьет
нежность
между нами*

*пусть мне повезет
пусть нам повезет».*

— Здравствуй, Саша. Даже правнучком тебя не назвать: между нами почти полвека. Я уже ушёл, тебе ещё только готовилось предназначение.

Человек в рясе крестится, поднимает голову и поворачивается ко мне. Оглядывает меня издали и направляется в мою сторону неспешным шагом. Простой чёрный клобук с чёрным же покрывалом за спиной. Окладистая борода. Простой, скромно украшенный крест на цепи покоится на груди. Пальцы его соединены под крестом и прикрыты рукавами одеяния. Ничего необычного: я только встретился с собственным прадедом.

— Здравствуйте, ваше Высокопреподобие, — вспоминаю я обращение, каким принято обращаться к священнослужителям ранга отца Леонтия.

— Ты ведь крещёный, но не воцерковлённый? — остановился в двух шагах от меня и рассматривает со спокойным вниманием, в глазах свой внутренний свет, даже ярче горит, чем пламя множества свечей. От его взгляда тепло, и почему-то хочется рассказать сразу обо всём, что тревожит и что радует, о чём думаю и к чему стремлюсь.

— Получается, что так. Дело в том, что мой дар...

Я хочу объяснить прадеду своё положение, но понимаю, что делать это не нужно. Он и так всё знает. Иначе зачем бы мы здесь встретились — между прошлым и настоящим, где-то в безвременье, где у отца Леонтия свой приход?

— Не трудись. В глазах твоих всё читаю. Глаза у тебя — мои. Ещё дочь мою в тебе слышу. Спасибо тебе, правильно её даром распоряжаешься. Но о другом хотел: давай обойдёмся здесь без титулов да званий, это только наш разговор, а Богу ни к чему все эти обращения, какие мы друг другу придумываем. Был бы ты воцерковлён, тебе вроде как надо во всё это вникать, но ты родной для меня человек, и я вижу, что божья сила в тебе есть.

Он поднимает одну руку и осторожно касается креста, второй рукой берётся за бороду и какое-то время в задумчивости оглаживает её. Слово разговор с собой ведёт. Я жду, боясь пошевелиться. Стараюсь, пока длится молчание, успеть рассмотреть получше прадеда, надеясь, что это не я его таким во сне представляю, а на самом деле сейчас я — гость в его приходе, пусть и в приход этот живым и не пристало попадать.

Архимандрит принимает решение. Он приобнимает меня за плечи и увлекает за собой, к выходу.

— Пойдём-ка, Сашенька, воздухом подышим. То, о чём говорить сейчас с тобой будем, не для святых ушей, а Бог нас везде услышит.

Мы выходим и оказываемся на берегу большого озера. Берега поросли вплотную подступившими к воде деревьями. Мы стоим на крохотной опушке, где лес отступил, словно даёт простор для храма. Оборачиваюсь и вижу, что каменная церковь, куда я заходил, стала крошечной часовенкой, из потемневшего от времени и дождей дерева. Тропинка ведёт от часовни к собранным из ошкуренных сосновых брёвен мосткам, затем к воде и причалу, уходящему на пару десятков шагов над озёрной гладью. Тропинка усыпана хвойными иголками и смолистыми пахучими шишками. В воздухе тянет суховатым ладанным ароматом сосен. Где-то в чаще на разные голоса поют птицы, небо ясное, без единого облачка. Хоть мы и рядом с озером, в воздухе не висит облаком комарьё и разный гнус: благодать, но другого вида — явленная душа природы.

Я вдыхаю воздух и ощущаю, как начинает кружиться голова — так обычно бывает наяву.

— Что, хорош сон твой? — прадед ласково смотрит на меня.

— Что это за место? Мы ведь только что были не здесь.

— Твоя правда. Но и моя. Место, где увидеть меня пожелал, ты сам выбрал, а это место, где я скажу тебе нечто, что запомнить тебе надобно.

Он обвёл руками пространство, будто желая обнять всю красоту, что видит.

— Нравится тебе, что видишь?

— Очень. В таком месте очень хорошо восстанавливаться.

— В таком месте не ты говоришь с Богом, а Он говорит с тобой. И ещё — это место из твоего сердца. Это то, что ты есть.

Я смотрю на старика, затаив дыхание: кажется, то самое, за чем я пришёл, сейчас мне будет доверено.

— Часовенка эта — дверь, что ты нашёл в себе силы открыть. Открыться себе. Это случилось, когда ты перестал гордыню свою силой называть, когда ощутил мир в себе. Скрамная дверь — такой и должна быть. Важной только для тебя, других она не манит красотой. Ты один видишь то, что скрыто за ней. Ты, если захочешь, можешь видеть ее какой душе твоей угодно. Часовенка — это для меня образ близкий и ясный. А у вас, детей нового века, свои двери. Скажешь ещё: морочишь мне голову Богом, милостью его. Спросишь меня: почему тогда в Африке дети умирают, отчего в мире столько суеты и пустоты?

Он поднял руку, пресекая все возможные мои замечания:

— Знаю я, знаю, что не такой ты. Есть и в тебе вера — пусть по-иному ты её принимаешь, но веришь ты в то, что всё от человека и из человека. Как человек решит провести свои дни в мире, такой и жизнь будет. Ладно бы только его, но повязаны мы все одной верёвочкой. Здесь её конец подожжёшь или макнёшь в кровь, зависть, злобу, а на другом краю мира, хоть и в Африке той, кому-то будет гораздо больнее, потому что за нас, грешных, безгрешный примет покаяние. Пока соберётся человек измениться, глянь, а мир уже не такой, каким он себе в сладких мечтах представлял. И обида от этого только пуще в человеке растёт. Обманутым себя почитает, начинает в небо кулаком трясти, хотя вчера ещё, может, и не смотрел на небо это, всё под ноги глядел: а ну копеечка попадётся или наступить кому на тень сподобится. Играет человек всю жизнь в свои игры: то Богом прикинётся, то Сатаной, то раскидает все игрушки и в пустоту смотрит, не желая видеть того, что натворил. Не знает он, не хочет знать, что всё едино: Бог, Тьма, любовь, покой, мир, страсть, жизнь, вечность — всё, что ни отдавал человек в руки Всевышнего, во всём была часть его, человечья. Всё, что есть в мире земной и высшем, каждая капелька — из озера вот такого.

Озеро — это и есть душа. Не пересохнет оно, пока под небом покоится. Вот под таким, как над нами сейчас.

На меня своими лучистыми глазами смотрит, как солнце теплом ласкает:

— Понимаешь, о чём я?

— Да. Кажется, понимаю.

Действительно, если так подумать, душа — это озеро, ручей, аквариум. Что угодно, как ни назови, но состоит она из мириада капель: каждый вздох, каждая мысль, каждый поступок человека за земную жизнь, в воду приходит и наполняет, создаёт глубину и чистоту, живности, что водится здесь, селиться позволяет. Вместе с тем, душа всегда под бескрайним небом, под единым, что питает каждого из нас дождями спасительными из одного и того же источника. Только от нас зависит, в какие воды небесное прибавление попадает: в чистые и глубокие, где не поднимается со дна грязный ил, не пропускают трещины на дне ядовитые испарения, или такие, где всё застыло, умерло — только гниль и зелёная плёнка на поверхности. В такую дурную воду самая чистая и сладкая вода, если попадёт, то только быстрее на месте мёртвого источника болото окажется, а то и пересохнет всё, уйдёт вода в землю. И некого винить в том, что заразил свою душу. Это не то озеро, куда проезжими дорогами плохие люди могут попасть, замусорить всё на берегу, отравить воду. Озеро это в тебе, оно только твоё. Только ты отвечаешь за то, каким оно будет. Тебе решать, что и кого пускать к его берегам. Никто не волен изменить того. Никто, потому что под одним небом все, все из одних туч пьют, все, смотри они чаще вверх, а не под ноги, один и тот же свет бы видели.

Как могу, передаю на словах моему спутнику по сновидению то, что вдруг чётко проявилось в голове, стало понятным.

— Вижу, что моя кровь в тебе. Всё так, как и есть, сказал. Как и вижу, что худой человек, чья вода зацвела и отравляет ему сердце, ищет пути к твоему озеру. Ему всё равно его не выпить — глубины оно необычайной. Но ему и не хочется пить, ему хочется ногами поболтать в глади этой. Смотри, как безмятежна вода. Ни листик на поверхность воды не упадёт, ни рыбка не выскочит. Озеро твоё — это тишина, безмятежность, совершенное творение. Только так твоему горячему сердцу и разуму неуёмному хорошо быть может. Равновесие оно держит в тебе, столп мироздания, хоть и глубок он, а не высок.

— А лес этот, это что?

— Такими ты видишь тех, кто тебе дорог. Каждый дорогой тебе человек, кого ты готов защищать всеми силами, он и твоя защита тоже. Корни деревьев получают живительную влагу от озера, а сами в ответ стоят вокруг, берегут покой, мир создают.

— Но от чёрного человека, что дорогу сюда найти хочет, они не уберут?

— Отчего же: восстановить храм спокойствия в душе человека того тебе надобно. Для того у тебя как раз всё есть.

— Что... Срубить деревья и отдать ему как строительный материал, что ли? Другими пожертвовать, чтобы над моей душой комары не кружились, безмолвствовать ей не мешали?

— Только подумал, что всё ты понимаешь, как снова гордость в тебе заговорила, — архимандрит лукаво прищурился, и на часовенку за спинами нашими показал. — Как думаешь, из чего построена?

— Из дерева. Старого, — я понимал, что ответ близок, но пока не мог ухватить мысли старика.

— Из старого. Уже хорошо. А кто я тебе?

— Прадед. Дед, то есть старый, хотя всем бы такими старыми в сто с лишним лет выглядеть.

— Возраста у меня давно уже нет. Образ держу такой, какой Богу в душе моей угоден. Но ответ твой верный. Часовенка эта — дверь, что дождалась тебя так долго, что полиняла от времени, но крепкой осталась, как та любовь, что родные твои сохранили для тебя. То мы прояснили уже, но не было пока сказано ничего о материале, из которого она построена.

— Неужели?..

— Да, всё так, Сашенька. Есть в ней мой вклад, есть и бабки твоей, моей дочки Аннушки, хоть при жизни по ней нельзя сказать было, что она кому-то строить будет, но самый большой — от матери родной. Она тебя всю жизнь защищает, как поклялась, как сердце её говорит.

Я потерял дар речи на время. Вот оно что, вот как, оказывается. Пока я всё снаружи искал выход, надо было давно заглянуть в себя. Всё это время меня ждали. Если я так задержался в дороге, то как горестно должно быть тем, кто двери такой так и не нашёл, так что и видеть не может, во что душа его превратилась, но боль чувствует, а лекарством от боли считает ещё большую боль. Дышать человеку нечем, и он, задыхаясь, творит страшное. Само слово «душа» и произошло от «дышать», а там, ещё раньше, было слово «воздух». То, что поднимает наш дух, часть неба, часть вселенской души, часть Бога, Высшей Силы, Разума. У всех своё слово, но у всех в итоге одно будет. Не зря говорят: от себя не уйдёшь. Это не фигура речи, просто воздух, каким ты дышишь, есть душа твоя, без неё — считай, что и умер.

Архимандрит тихо рассмеялся в бороду. Счастьем таким повеяло от него, захотелось, чтобы он положил ладонь мне на голову и нашептал ласково, как ребёнку: так же делала мама, когда я маленьким был.

— Вот теперь всё совершенно так, как должно быть. Родная кровь и родной дух — семья моя. Ты — семечко с древа моего. Прорасти тебе

для людей прекрасным лесом. На многих тебя хватит. Чтобы так и случилось, слушай мой совет. Готов теперь ты к перемене.

— Что мне делать? Как помочь человеку, если не хочет он меня слушать?

— Условия к тому приготовить.

— Он указал на мою левую ногу:

— Не болит?

— Что? А, нет. Я не всегда её чувствую, иногда будто немеет всё, но так вполне сносно. Вернусь домой, схожу к проверенному массажисту: он чудеса настоящие творит, руки у него под кожу проникают, всё чувствуют. Богомолов у него фамилия. Вроде как говорящая, если к нашему разговору применить.

— Сходи, конечно. Друг этот тебе, к слову, пригодится. Но не только он. Пригодится для задачи, какая перед тобой поставлена. Проверкой она для тебя будет. Какой — сейчас не спрашивай: скоро сам узнаешь. Не удивляйся тому, что могут знакомые тебе люди в обличье новом явиться. Радостные открытия то будут. Хоть сейчас и не чувствуешь близости особой к людям тем. Я спрашивал про ногу не из интереса о здравии твоём. Расскажи мне, как почувствовал ты, куда ниточка ведёт, от кого паутина тянется?

Я вспомнил снова сон, в котором бабушка меня стягивает как раз за левую ногу с качелей.

— Я не сразу связал всё, но много думал о том, что во сне видел.

Я пытаюсь объяснить, как это происходит у меня, когда я ощущаю будущее человека, едва взглянув на него, даже если сам человек ни о чём не догадывается. И снова ловлю себя на мысли: не дурак ли я, а? Архимандрит Леонтий то же самое мог, вся его паства была перед ним как на ладони. В самом прямом смысле слова: ладонь на чело возлагал и видел всё, что человек представляет собой и чем жизнь его будет полниться.

— Просто увидел?

— Да, ещё на первой встрече. Он как будто скрыть пытался от меня то, что в нём, суетился много. При этом он не мог знать, что я могу видеть. Как будто некая сила внутри его от меня скрыться пыталась.

— Что же ты увидел?

— Как вяжет он человека по рукам и ногам, как вцепляется ему в голову и сквозь пальцы уходит из его жертвы сияние. Уходит в него, но ему от этого только хуже становится. Слабый свет, что окружал его, тускнеть стал, чернеть, пока не образовалась вокруг него дыра чёрная.

— И что же ты сделал?

— Ничего. Видение меньше секунды длилось. К тому же, лица того, из кого душу вытягивали, мне не разглядеть было. Тень на лицо падала. Или как будто вовсе лица не было. Я уже потом подумал, что это не

картина какого-то насилия, что человек тот вынашивает, а это какой-то более глубокий образ. Когда ещё раз с ним встретился, говорил с ним на пустые темы, а у самого внутри беспокойство зрело, что мне не свойственно. Растерянность ощущал. Будто собеседник мой раскачать меня желает, чтобы вытащить меня, как зуб, чтобы пустота на месте меня образовалась. Объяснить ощущение никак себе не мог, как и картинку, что в голове видел.

— Но понял всё же?

— Да. И помог в этом сон, где я бабушку видел. Я вдруг как-то внезапно понял, что с бабушкой на самом деле было, как она сама себя изводила. Она видела в нас не родных людей, а собственные отражения, боялась их и потому, не исключено, что извести хотела. Не нам она зло причинить стремилась, себя гнала. И всё сложилась, общая картинка стала ясна. Я понял, что видел: не кого-то связывал по рукам и ногам тот человек, он сам себя держал в плену. Изводил себя ненавистью к себе самому, и, можно сказать, превратился в чёрную дыру — от такого количества направленной внутрь энергии. Понял и то, что со мной происходит. Он меня не жертвой выбрал, а якорем, маяком. Он меня зовёт на помощь. Я сразу успокоился, но потом подумал: нет, рано. Мне ничего не грозит, но надо помочь человеку. Ведь то, что ты сказал только что, всё правда, прадед: грешит один, боль испытывают другие. Если оставить всё как есть, то он и себя погубит, и много плохого может произойти с теми, на ком нет вины.

— Поэтому ты здесь.

— Да. Мне нужна твоя помощь. Я не знаю, как создать формулу лекарства из всего, что я понял и что сейчас чувствую.

— Поэтому я здесь, — Леонтий положил мне ладонь на плечо и повернул меня к лесу. — Посмотри ещё раз: что ты видишь теперь?

— Возможность. Способ. Лекарство. Помощь. Надежду.

— Всё это, если одним словом, — переправа. Одно из значений этого слова: исправлять ошибки; не свои, а помогать другим. Второе значение, знакомое всем: сменить один берег другим по воде. Твоя задача — исправить ошибки того, кто выбрал не тот берег. Тебе нужна лодка, чтобы переправиться через озеро и встретить гостя. Встретить его не войной, но протянуть ему руку. Все материалы для постройки лодки у тебя есть. Тебе готовы помочь многие люди, для кого ты делал добро.

— Но плыть я должен один. Другими словами, когда я построю лодку, мне придётся в одиночку встретиться в сновидении с тем, кто считает себя моим врагом?

— Нет. Сновидение должно быть твоим, то есть лодкой будешь править ты, но остальное — с этим тебе помогут друзья. Тебе нужен будет вперёдсмотрящий, то есть голос. Тебе нужны будут вёсла, то есть

сила твоего тела, умноженная с внешней помощью. Дерево твоей лодки должно быть крепким и готовым к встрече с любыми неожиданностями: твоя духовная защита для этого должна быть усилена кем-то, кто способен на это и кому ты доверяешь как себе. Это — твоя первая линия защиты. Её тебе помогут создать самые близкие люди, в ком ты видишь те способности, что тебе понадобятся.

— Я знаю таких людей.

— Не сомневался в этом: твои поступки ведут тебя по жизни правильными тропками. Есть ещё и вторая линия.

— Дополнительная защита? Но зачем? Это тогда уже всё-таки военные действия получаются?

— Нет. Вторая линия — она как увеличительное стекло, как подзорная труба для тебя, раз ты собрался выходить в плавание. Без второй линии ты не увидишь той земли, куда тебе надо попасть.

— Как же собрать эту трубу?

— Тебе будут нужны люди, которые смогут обучить тому, что тебе доселе никогда в жизни не пригодились, потому было неизвестно. Это, как у вас говорят, техническая сторона вопроса. Первым делом тебе нужно научиться слышать голос маяка на чужом берегу. Маяк служит тому, кто задумал недоброе против тебя. На зов маятника он приходит в сны, его зовом направляем он, когда нужно найти тебя. Ведьминский зов, другими словами. Вижу по твоему лицу, что ты подумал сейчас о бабушкиной тайне.

— Да. Я столько лет пытался понять, что же напела мне бабушка тогда, когда приходила последний раз во сне. Какой ключ она мне дала.

— Тот самый. Ведьминский ключ в древних книгах сокрыт, но он один и един для всех времён и всех языков. Сможешь услышать голос маяка, поймёшь и то, что не смог распознать до сей поры. Анна дорогу тебе открывала — дорогу туда, куда после смерти отправилась. Это ещё и та дорога, в конце которой тёмную сторону познать можно.

— И позволить ей завладеть тобой?

— Это как сам пожелаешь. Если покопаться в слове, да вернуться во времени назад к древним предкам нашим и тем, от кого наш язык и многие прочие произошёл, то у слова «сила» в прародителях такие слова, как «дух», «душа» и «направление». Сила не более чем направление нашего духа. Куда повернёт человек, то и выйдет из него, а сама по себе сила недвижима.

— Никогда об этом не думал.

— Мало кто думал об этом, так что нет в том твоей вины. Как и вины нашей в том, что долго ли коротко история наша длится, а слышу я, что скоро пора тебе возвращаться настает. Потому дослушай старика на быструю руку и постарайся ничего не забыть.

— Я каждое слово запомню.

— Хорошо, если так. Второе, что тебе нужно будет узнать, вместе с разгадкой звучания ведьминского ключа, — это как создавать иллюзию осознанного сновидения у опытного сновидца. Иллюзия эта послужит тебе, когда поплывёшь встречать дорогого гостя, а он считать будет, что сам к тебе пришёл, вторгся туда, куда никому хода нет. Вот чтобы в неведении его оставить, тебе и нужно будет разузнать, как потёмкинскую деревню построить для гостя. Кстати, строительством тебе тоже придётся заняться. Но прежде ещё одно знание...

Он призадумался. Я нарушил молчание:

— Какое знание?

— Повремени. Мне пришлось тебя послушать, из озера твоего воды пригубить, чтобы найти правильный образ. Путеводная негасимая лампада, она же — световой меч, чтобы снимать заклятья и освободить душу страдающую.

— Световой меч?

— Ты ведь любишь, эти, ну, как их? — он обратился ко мне за помощью.

— «Звёздные войны»?

— Да, Господи, помилуй, Господи, прости, — он несколько раз перекрестился. — Просто название мне не по нутру, но, раз тебе нравится, значит, ничего дурного в них нет, хоть и войны. Увидел я в памяти твоей образ человека с ярким сияющим мечом, как у святого, что вышел на битву со змием из тьмы. Против змия и тебе выйти придётся, но ты смелый, в тебе не чувствую я страха. Нужен тебе человек, кто умеет управляться с такими мечами.

— Это будет довольно непросто: джедаев не существует в нашем мире. Но, к счастью, я знаю одного человека, кто, хоть и молод, но владеет шпагой куда лучше Д'Артаньяна и всех трёх мушкетёров вместе взятых.

— Мушкетёр тебе не нужен, а вот такой, для кого клинок не просто продолжение его руки, но и с сердцем связан, — вот такой пригодится.

— Тогда это точно Георгий.

— Победоносец?

— Вполне: наград у него десятки. Побеждал и побеждать продолжает.

— Такой и нужен.

— Он взглянул на небо: прямо поперёк синевы протянулась светлая полоска.

— Просыпаешься ты. Вот-вот глаза откроешь. Последнее надо договорить. Помимо владения мечом тебе и строителем придётся побыть. Раствор месить не надо, но основные принципы знать надо: как здание возводится, что его крепким делает, как понять, какое здание какому человеку приглянётся. Есть такие люди среди твоих друзей?

— Конечно. Семён Ардель. Он дизайнер. Не бери в голову: это сейчас так называют тех, кто и строит, и рисует, и красит, и чего только не делает. У них с его прекрасной помощницей Мариной дизайн-студия «Новое пространство». Семён, без шуток, может построить всё, что угодно, буквально со слов. Он все тотчас же в голове в квадратные метры переводит. Расскажешь ему, чего хочешь: он нарисует тут же.

— Вот он тебе и подскажет, как построить храм заблудшей овце, пришедшей на водопой к твоей душе. Это не обязательно должна быть церковь. Храм сначала был всего лишь хоромами, то есть обычным домом. Но храм, желательно, должен быть таким, где ты чувствуешь мир в своей душе и защиту. Вот что тебе надо будет построить. Не на самом деле, конечно, но и во сне надо будет постараться.

Полоска в небе стала шире. Вот и всё. У меня к глазам внезапно подступили слёзы.

— Спасибо тебе. Как жаль, что мы не могли увидеться и поговорить друг с другом при твоей жизни. Спасибо тебе за то, что ты оставил мне.

Ничего, Сашенька, ничего, — он погладил меня по голове. — До всего ты сам дошёл, сильна в тебе кровь моя. Не навек, значит, расстаёмся. Я не вернусь уже на землю, другие цветы мы с тобой вместе будем нюхать. Прощай, дорогой мой...

Я открыл глаза. Всё несколько минут казалось нереальным — настолько ярко был сон, озеро, небо, запах смолы, старенькая часовня, прадед — живой и самый настоящий. Я ощущал тепло от прикосновения его широкой ладони. В моей душе были мир и покой. Я был готов действовать.

Чуть позже, тем же утром, я услышал из чьего-то телефона песню Светланы Сургановой. Как будто в пику песне, под которую я уходил в сон, где меня ждал архимандрит Леонтий, она звучала с другим знаком. Диана — плюс, Светлана — минус. Тёмная и светлая стороны. Одна от другой отталкивается.

Всё неслучайно, и даже музыка, которую мы слышим, посылает нам сигналы, предупреждает:

*«Уже не вернусь на землю. Успокоение ночное
Спустится в теплую темень под одинокой луною.
Ветер в покинутом доме, где не оставляю и тени
Станет искать мою душу и окликать в запустении*

*Будет ли кто меня помнить — я никогда не узнаю
Да и найдется ли кто-то кто загрустит, вспоминая?*

*Но будут цветы и звезды
И радости и страдания
И где-то в тени деревьев нечаянные свидания
Но будут цветы и звезды
И радости и страдания
И где-то в тени деревьев нечаянные свидания».*

ГЛАВА 14

Апрель

Я видел сон.

Я в Германии. Кажется, это Гамбург. Я иду по одной из улочек города и ищу глазами то ли нужную мне вывеску, то ли определённый номер дома. Вокруг — столики уличных кафе, японские туристы с фотокамерами, какие-то школьницы в прикидах под Дейенерис Бурерождённую, только без ручных драконов, залипают в телефонах: явно пересылают друг другу сообщения от бойфрендов, что читается в их слегка кокетливом звонком смехе.

Обычный Гамбург. Хотя, с чего я решил, что это Гамбург? А, ну вот: площадь перед Ратушей. Я здесь был, это место помню.

Вдруг что-то кусает меня за правую ногу. Смотрю вниз: крошечная чёрная собачка — зло лает на меня, рычит и намеревается отобедать моей ногой.

Я недоумеваю. Чем я рассердил тебя, мелкая? Оглядываю площадь в надежде увидеть хозяина собачонки. Э, что это? Площадь уже как будто не та. Где девчонки с мобильниками? Где столики уличного кафе и вообще — куда подевались все приметы нашего времени?

Мужчины в старомодных фраках или одетые так, как простые мастеровые из фильмов, где действие происходит в девятнадцатом веке. Женщины в длинных, в пол, платьях, подол которых приоткрывает только носок изящного ботинка, когда они проходят мимо. Сложные причёски, маленькие зонтики и ридикюли, перекиннутые через руку. Никто не обращает на меня внимание.

Я слышу громкое рычание. Так мог бы рычать тигр или пума. Кто-нибудь достаточно большой, чтобы, вцепившись мне в ногу, оторвал её. Оглядываюсь в поисках источника звука: вижу, как с дальней от меня стороны площади в мою сторону несётся большая чёрная тень. Четыре

лапы, горящие огнём глаза, вздыбленная шерсть на загривке, длинный хвост. Так и не понял, что это за зверь, потому что в следующую секунду бегу к зданию Ратуши, надеясь отыскать там местечко, где можно спрятаться. В этот момент я не понимаю, что происходит: во сне я или наяву.

Я вжимаюсь в стену здания и смотрю, как чудовище приближается: оно похоже на тень, потому что проходит прямо сквозь фигуры гуляющих горожан, не задевает лотки с различными закусками и цветочниц. Или это все люди, кого я вижу, — тени. Ничего не понимаю.

Меня за предплечье хватает рука. Едва не вскрикиваю. Оглядываюсь и вижу изящную даму. Светлое платье с высоким воротником, кружева, узкая талия, короткий рукав. Шатенка, длинные волосы уложены в высокую причёску, к волосам приколоты маленькая вуалетка. Рука, которой она сжимает моё предплечье, с тонкими, длинными и изящными пальцами, кожа очень светлая: настоящая барышня. Немецкая принцесса, успеваю подумать я. Потому что глаза у неё ослепительно голубые: я успел заметить это за те несколько секунд, пока она тащит меня к двери.

Она втаскивает меня внутрь и успевает захлопнуть дверь прямо перед носом у неведомой твари, едва не сожравшей меня.

— Не бойся, она не причинит тебе зла, — она насмешливо осматривает меня.

В это же время я смотрю на неё во все глаза. На языке вертится имя, но пока я не называю его, боясь попасть впросак.

У неё на груди, там, где расцвели кружева воротничка, прикреплена камей. Только вместо привычного человеческого силуэта на украшении — силуэт какой-то чёрной кошки. Зелёный камешек вместо глаза.

Она обращает внимание, что я смотрю на её брошь, и подсказывает мне:

— Это Пума. Мой тотем по дню рождения. Тотем Силы.

— Силы?

— Да, а что странного? Не думаешь, что я могу быть сильной, потому что я женщина и в образе светской дамы позапрошлого века?

— Нет, я совсем не это имел в виду, — пытаюсь как-то сгладить неловкую ситуацию, и, чтобы отвлечь внимание, оглядываю зал, в котором мы оказались.

Это огромная библиотека. Книжные шкафы, плотно уставленные томами, упираются в потолок и теряются в полумраке. Стеллажи уходят вправо и влево насколько хватает взгляда. Впереди тоже не разглядеть, где кончаются эти бесконечные ряды. Стен в этом помещении нет.

Я в растерянности оборачиваюсь к незнакомке. Она стоит у дверей, сложив руки на груди, и всё так же насмешливо осматривает меня. Над аркой дверного проёма висит большая табличка, на которой немецким

готическим шрифтом написано почему-то по-русски: «Будьте храбрыми и смелыми во сне и наяву!»

Видимо, насмотревшись вволю, она шутиливо всплескивает руками, весело смеётся, подбегает ко мне, хватая меня своими тонкими пальцами за запястья и весело трясёт мои руки в некоем подобии приветственного рукопожатия.

— Ну ты чего застыл? Приветствую тебя в нашей библиотеке.

— Где это мы? — я всё ещё не совсем понимаю.

— Ну ты совсем на себя не похож. Наверное, очень крепко уснул: не соображаешь.

— Так ты понимаешь, что это сон?

— Конечно. И даже понимаю, что сейчас это не ты видишь меня в своём сне, а я тебя — в своём.

— Кто ты? — я пытаюсь отодвинуться от неё.

— Она снова смеётся.

— Боже, какой ты невнимательный. Уже столько подсказок.

— Я решаю высказать догадку:

— Лина? Лина Басс?

— Слава богу! Ты ведь сразу догадался, правда? Но отчего-то решил промолчать. Да, это я, привет, — она улыбается и берёт меня за руку. — Я рада наконец увидеть тебя в моей, так сказать, рабочей обстановке.

— Ты работаешь... в библиотеке? А как же... это... управление персоналом, бизнес, внутрикорпоративные процессы? — я окончательно сбит с толку.

И вдруг: как молния! Ну точно. Я всё понял! Она говорит не о реальном месте работы, а о своей иной роли. Она осознанный сновидец, каким пытаюсь стать и я, но пока не получается в полной мере. Судя по тому, что она так легко перенаправила меня в собственный сон, то она довольно высокого уровня владения сновидческим искусством. О ней говорил мне прадед.

— Блин, прости дурака. Я понял. Просто сбила меня с толку собачонка. Или это и не собака?

— Забудь о ней. Это не должно тебя волновать. Главное, что ты на месте.

— И что это за место?

— Это библиотека, говорю же тебе. Ладно, не дуйся. Всё объясню: это библиотека снов. Здесь все сны, которые когда-либо видели люди.

— Вообще все люди на планете, во все времена?!

— Нет, что ты. Здесь только европейская часть континента. И то не вся. Тебе сейчас не нужны такие подробности. Тебе нужны вполне конкретные знания. Это обо мне говорил твой прадед, когда сказал, что понадобится тебе человек, который сможет обучить тому, что пока тебе не по силам.

— Управлять снами других людей?

— В определённом смысле. Управлять полностью нельзя. Это не ограничение, наложенное высшими силами, это, скажем так, один из законов мироздания. Сны — нерушимая территория. У каждого своя. Наводить иллюзии можно, если очень хочется, но и то — временные. Как я, например. Или ты думаешь, что я за тебя все твои сны вижу?

— Не думаю я так, но сейчас ведь я в твоём сне, так?

— Пробудешь ты в нём недолго. И чем дольше мы с тобой говорим о ерунде, тем меньше времени на то, чтобы сказать тебе то, что ты должен услышать. Я научу тебя вязать сонные узлы. Это знание пригодится тебе, когда придётся перенаправлять сон определённого человека на себя. Тот, кто в твой сон попасть хочет, будет думать, что всё под контролем и ты его присутствия не ощущаешь. Больше того — он переместит тебя в собственный сон, где и будет полноправным хозяином ситуации. Только ему не удастся это сделать, если ты будешь готов, вовремя услышишь и расшифруешь его код. Тогда сможешь взять ситуацию в свои руки — перевести в свой сон, если более точно. В общем, взломать его почту так, чтобы он не догадывался, что ты его письма читаешь.

— Не очень хорошее сравнение.

— Согласна. И не очень верное. Но более точное определение ты со временем сам подберёшь.

Она подошла к шкафчику, висевшему на стене, по правую сторону от дверного проёма, через который мы попали в здание.

Конечно же, это не настоящая ратуша в Гамбурге, а только проекция во сне. Не стоит искать библиотеку снов в ней на самом деле. Просто предупреждаю, если вдруг кто-то подумал, что я, как Дэн Браун, подбиваю на любительскую археологию. Индиана Джонс дремлет в каждом из нас, но пусть он и не просыпается, потому что настоящие сокровища во сне. По крайней мере, те, которые я сейчас вижу собственными глазами.

В это время Лина открыла шкафчик, внутри оказалась россыпь разноцветных кнопок, в несколько рядов. Она нажала на одну из них и обернулась через плечо:

— Смотри в зал. Что сейчас будет.

Я, само собой, смотрю, во все глаза. Помните эпизод из «Матрицы», где Нео и Тринити перед тем, как отправиться вызволять Морфеуса из лап агента Смита, заглядывают в оружейную лавку? Её не существует на самом деле, это всего лишь проекция из матрицы. Стеллажи с оружием появляются неожиданно из белого пространства и движутся с невероятной скоростью, при этом они бесконечны. Нечто подобное происходит сейчас — и я вижу это чудо собственными глазами. Ряды циклопических книжных шкафов, как спицы в колесах велосипеда, когда тот

мчится на полной скорости, начинают крутиться. Глазом не отметить скорости — и вдруг остановка. Такой же стеллаж, но куда более низкий, чем все остальные. Все тома — с зелёными корешками.

— Ты знаешь, что зелёный — это не только цвет ислама, но и цвет души? Лина решила блеснуть знаниями.

— Я даже больше тебе скажу, — отбиваю подачу, — я еще знаю, что зелёный — цвет гармонии, постоянства. Это цвет веры — и ислам здесь ни при чём, это просто аура веры и всё. В древних верованиях зелёный был цветом женского начала, а ещё — это цвет первоначального состояния чего бы то ни было. Так сказать, лучший оригинал. Так что я понимаю, к чему ты клонишь.

— Вот и прекрасно. Ещё ты должен знать, что зелёный — это цвет тайных знаний, за гранью жизни и смерти. Поэтому всё, что я тебе сейчас покажу, мы увидим на более глубоком уровне сна. Там нет никакой связи с внешним миром. Совсем. Это такие глубокие слои сновидений, откуда сам ты выход не найдёшь, поэтому держи меня за руку.

Мы, как восторженные дети, делаем шаг вперёд, навстречу приключениям...

Я просыпаюсь.

Теперь я знаю, что делать.

Он проснулся со странным ощущением: будто он ночью жевал какую-то ткань, и этот привкус теперь остался во рту. Он оглядел уголок подушки — не жевал ли во сне. Даже одеяло покрутил. Нет, нигде нет следов зубов. Тогда почему ему кажется, что он жевал чьи-то штаны?

Пока умывался, вода из старенького крана плеснула ему на ноги, и он от холодного мокрого прикосновения каплей встряхнулся всем телом, как собака. В этот момент сон, виденный ночью, стал меркнуть и совсем поблек к завтраку. Однако об антистрессовом шарике он не забыл: всегда носить с собой, не оставлять ни на минуту. Только тогда всё получится. Только тогда он сможет забыть о жизни, в которой чувствует себя, как бездомная собака.

Я написал Оле Бубненко. «Привет, нам надо поговорить. Помнишь, ты рассказывала мне о странном сне, который тебе снился?

Ты смогла его расшифровать? Мне нужна твоя помощь в расшифровке моего сна».

Она ответила только поздно вечером: «Прости, была занята по работе. Что за странные вопросы? Не ожидала такого от тебя услышать. Давай спленимся в Сети. Не хочу телефонным разговором будить родных».

Не проблема. Всё равно разговор предстоит такой, что лучше иметь потом принтскрины, чтобы доказать, что всё происходило на самом деле.

Захожу в свой профайл. Отправил смайлик. Пока жду ответа, расскажу немного об Оле. Я обратился к ней не просто так. Она не Лина Басс, но мне нужна её помощь не в составлении топографической карты сновидений. Она может помочь расшифровать мне звуковой код моей бабушки и ещё один, от которого зависит вся задуманная мной операция по спасению человека.

Оля Бубненкова. Родилась под созвездием Рака в год Тигра. Раки — натуры интересные. Их жизнь состоит из обманных движений: шаг вперёд, два шага назад. Они с радостью берутся за новые дела, но находятся под постоянным давлением сомнений: а что, если не получится? вдруг я что-то делаю не так, как надо, и люди меня осудят? Раки весьма ранимы, и Оля такая же, пусть и носит поверх уязвимого панциря шкуру отважного и сильного Тигра. Но есть положительная сторона в нерешительных Раках, которая перевешивает все их танцы с решимостью. Если Рака по-настоящему увлечёт чем-то, он в лепёшку расшибётся, но будет переть к цели, как паровоз. Ранимость — одна сторона, чуткость — другая. Эмоциональность — одна сторона, целеустремлённость — другая. То, что нужно мне.

Оля тоже видит вещие сны.

Как-то она рассказала мне, что в одном сне видела всю историю человечества. От зарождения жизни на Земле до периода правления императрицы Екатерины.

Горящая лава, извержения вулканов, наполненная ядовитыми газами атмосфера — первые дни планеты. С этого образа начался Олин сон. От взрывов и кипящих от подводных извержений океанов — к эре динозавров. Первобытные люди. Становление человеческой цивилизации: разные места, эпохи и народы. Ночь — короткая, но Оля успела рассмотреть в подробностях всё, о чём раньше могла читать лишь в учебниках по истории.

Финал сна настиг её в период правления императрицы Екатерины, всероссийской самодержицы. Оля помнит, как видела во сне, как наяву, старый Петербург, балы, указы, дворцы. Она не просто наблюдала за императрицей со стороны, в какой-то момент она ощутила, что она сама и есть Екатерина. Во сне она остро почувствовала момент, когда настало время возвращаться в реальность, поэтому тихо выскользнула из сознания императрицы и проснулась в своей постели.

Удивительное умение управлять снами. Она часто видит вещие сны, но не задумывается о своих способностях: слишком увлечена тем, что преподносит ей судьба в реальности. Её работа занимает всё её время, и ей не нужно ничего сверх этого. Так выглядит настоящее человеческое счастье.

Оля — яркая девушка. Её активность, несмотря на сложные стороны характера представителя знака Рака, помогла ей добиться впечатляющих результатов и в профессиональном, и творческом плане, и в личной жизни. По образованию она лингвист-переводчик. Специальность получила ещё в Санкт-Петербурге, где мы с ней и познакомились.

Сейчас она живёт в Москве, обожает этот город, живёт в его ритме, стала настоящей светской львицей со всеми вытекающими из этого статуса обстоятельствами. Только не обычной светской львицей, а профессионалом сразу в нескольких сферах: пиаре, организации концертов и модных показов, продвижении артистов в музыкальном шоу-бизе. Когда-то она подрабатывала репетитором и повышала навыки владения иностранным языком как гид-переводчик. Позже ощутила в себе интерес к слову и желание писать тексты, ушла в пиар и журналистику.

В какой-то момент, написав достаточное количество статей, интервью и прочего, поняла, что всю жизнь заниматься такой деятельностью ей не хочется: душа требовала большего полёта, больше возможностей и направлений для приложения усилий. Где всего этого можно достичь? В Москве.

Пять лет назад Оля переехала в столицу. Всё в её жизни очень быстро изменилось. Не ждите печальной исповеди: всё изменилось, конечно же, к лучшему. **Москва — город для сильных. Оля Бубненко точно не из числа слабых девочек.**

Сегодня она — арт-директор продюсерского центра «RINO LENS» и крупного медиаагентства «Кузьменков и партнёры». Она давно уже не просто пиарщик: её деятельность вышла за рамки обычного представления о человеке творческой профессии. «RINO LENS», как продюсерский центр полного цикла, занимается продвижением молодых артистов — и делает это по полному циклу. Пиар и широкомасштабное промо, запись песен, организация концертов, все виды продакшена — запись аудио и видео, фильмы и телепроекты, рекламные кампании — от локальных до охватывающих самую широкую территорию и аудиторию.

Помимо музыкальной индустрии и работы с артистами, Оля занимается продвижением различных брендов, причем занимается «от и до».

Я бы рассказал о тех удивительных вещах, которые рождаются благодаря Оле, более подробно и красочно, но временами они настолько за гранью моего понимания, что я теряюсь и не нахожу слов. Оля — большой молодец. Её работоспособность и энергичность всегда меня поражали, ещё со времени нашего знакомства в Петербурге.

Приведу одну аналогию. Я еду на конкурс «Европесня» с 2006 года. И именно в 2006 году Россию на нем представлял году Дима Талан. То выступление — с появлением из рояля и с прыжками, ставшими фирменными для Талана на многие годы, — пришлось как раз на первый год работы с Димой Яны Прутковской в качестве его продюсера. Она тогда доказала, что невозможное — возможно: Дима показал лучший результат для исполнителей из России, участвовавших когда-либо в «Европесне». Конечно, не первое место, но и второе — это было большим достижением для нашего артиста. Через пару лет, окончательно поверив в себя, Дима и Яна взяли первое место. В том же году Яну признали самым красивым и стильным продюсером отечественного шоу-биза. Вдобавок — ещё и самой стильной блондинкой.

Я всё это вспомнил не без причины. Смотрю на фотографию Оли, читаю о её достижениях — и вижу Яну Прутковскую такой, какой та была в золотые годы, в момент триумфа Димы Талана на «Европесне». Такие талантливые женщины, как Яна, как Оля, всегда добиваются лучших результатов для себя и для тех, кому обещают большую дорогу.

Кстати, желание заняться музыкой и стать частью музыкального шоу-бизнеса появилось у Бубненконой после нашей совместной поездки на «Европесню». Она призналась мне тогда, что и предположить не могла, насколько увлечёт её жизнь музыкальная. До того момента она смотрела «Европесню» по телевизору, болела за артистов, но исключительно ради развлечения. Когда она увидела, как всё происходит на самом деле, как кипит жизнь на сцене и за сценой, во время выступлений и между ними, то поняла, что больше всего хочет стать частью всего этого.

Та жизнь так увлекла её, что она и по сей день с огромной радостью погружается в музыку сердцем и разумом и не желает себе иного занятия.

«Столько эмоций я не испытывала никогда ранее», — говорила она мне, и глаза её сияли. Кого мне ещё просить о столь деликатном деле, связанном с музыкой, хоть и звучащей только в сердце, как не Олю? Она единственная сможет услышать меня правильно. Она понимает, что такое музыка: это не только и не столько бизнес, это — настоящая жизнь; то, с чем музыкально одарённые люди живут, то, как они чувствуют мир.

Я думал о том, кого мне попросить о помощи, и принять решение мне помогли два обстоятельства. Первое: музыка началась для Оли с поездки на «Европесню», а мне недавно приснился сон, в котором я опять слушал радио: отзвучала песня Сергея Глазарева, и знакомый голос, Лёши Данилина, обратился ко мне.

— Ты, кстати, послушай Сергея не только по радио, но и съезди с ним на «Европесню». Там тебя ждёт сюрприз. Уверен, ты и знать не знаешь, о чём тебе может спеть этот человек.

Я и так собирался в Швецию, поскольку всё ещё оставался в статусе официального фотографа конкурса в российской делегации. После вещего сна моё желание возросло многократно. Я и сам чувствовал, что именно в музыкальной среде я смогу найти ответ на ставший важным для меня с недавних пор вопрос.

И вот всё как-то сложилось, и мне захотелось, чтобы Оля поехала со мной. Тем более она сейчас активно продвигает одного весьма перспективного молодого певца Максима Бурматова. Вдруг ему через пару лет ехать защищать честь России на «Европесне». Пусть Оля оценит свои и его шансы, но, так сказать, на месте. Это — первая причина, по которой я понял, что в Швеции я и Оля будем хорошей командой.

Вторая — Оля как никто из моих знакомых в музыкальной среде восприимчива к звукам. Она — лингвист и музыкальный продюсер. При её знаниях и знакомствах у меня получится расшифровать музыкальный код.

«Ольга Бубненкова появилась в сети»

«Ольга Бубненкова набирает сообщение»

«Саша, привет. Как дела?»

«Оля, доброй ночи. Извини, что так поздно.»

извиняющийся смайл

«Мне нужно задать тебе вопрос один, важный очень. А дела — ОК. Ещё лучше могут стать. От тебя зависит.»

«На свидание меня зовёшь? Смотри, у тебя не получится.»

подмигивающий смайл

«Нет, что ты. Хотя, это как посмотреть. Слушай, ты чем в мае занята?»

«Надо в календарь посмотреть. А что?»

«Поехали со мной в Швецию.»

флаг Швеции и самолёт

«О как! Куда именно? К муми-троллям?»

смайл с высунутым языком

«Нет, на «Европесню». А муми-тролли — они в Финляндии.»

флаг Финляндии

«Что же ты сразу не сказал? Я и так буду на конкурсе. Присматриваю будущие плацдармы для Максима. Я тебе рассказывала о нём?»

«Конечно!»

удивлённый смайл

«Он прекрасен. У него большое будущее.»

«Оля, слушай, а ты всё время там будешь по делам Максима?»

«А что?»

«У меня к тебе просьба несколько личного характера. Сразу объясню. Нужно твоё образование лингвиста, хороший звукарь, кое-какое оборудование, и, уверен, что и Максим нам, то есть мне, пригодится.»

смайл с аплодирующими ладонями

«Заинтриговал».

удивлённый смайл

«Рассказывай, что нужно. Я в деле. Такого в Москве мне ещё никто не предлагал: чувствую, что-то интересное.»

«Спасибо, Оля. Только ещё один момент...»

«???»

«Я надеюсь на то, что это останется только между нами — все, о чём я тебе сейчас расскажу и о чём намерен просить.»

«Хм. Если ты не собираешься убрать кого-то из недругов по музыкальной тусовке, то обещаю тебе, что всё останется между нами.»

«Спасибо тебе большое!»

три смайлика в виде сердца

«Так, не томи. Рассказывай, какие тайны нам предстоит раскрыть. Зная тебя, могу предполагать, что просьба будет ну очень необычной.»

«Типа того. Слушай...»

Конечно, я ей всё рассказал. Вы же увидите всё сами буквально через несколько страниц.

Я никогда не понимал, зачем иногда в книгах герои разговаривают о каких-то трудностях, с которыми им предстоит столкнуться, или описывают нечто, что уже через несколько страниц осуществляют. Раз не понимал, то и не буду делать так сам. Я лучше буду знакомить вас с героями, которые мне помогают. Можете быть уверены в том, что все они — замечательные люди и достойны той миссии, которую я вознамерился на них возложить. Никто не откажет, но не потому, что я умею убеждать, хотя и это тоже немаловажно, а из-за живущей в каждом из них тяги к приключениям. Без приключений ведь что за жизнь?

ГЛАВА 15

Май

Швеция, конкурс «Европесня»

Вот я и в Швеции, в Стокгольме. Смотрю на шарообразный купол «Эрикссон-Глоб», самое большое сферическое сооружение в мире, где в этом году проходит конкурс, и на ум приходят снова «Звёздные войны». Арена напоминает снаружи корабли Торговой Федерации — те

самые, что окружили родную планету принцессы Амидалы, тем самым положив начало всегалактической войне.

Такое вот сравнение, хотя войну, конечно, никто не песенном конкурсе развязывать не будет. Борьба предстоит суровая: много сильных участников, но у нашего Сергея Глазарева шансы тоже весьма высоки. Ему приготовили отличную песню, и исполнять он её будет в весьма необычных декорациях.

Трудно найти сегодня человека, кто бы ничего не слышал о «Европесне». Можно сколько угодно говорить, что не посмотрел ни одной серии «Игры престолов», никогда даже в руки не брал книгу «Пятьдесят оттенков серого», но всё это самовосхваление от лукавого. Люди, как правило, всё равно знают, о чём идёт речь и знают, что то, от чего они демонстративно отрешиваются, — понятие глобального масштаба, увлечение миллионов.

«Европесня», как видно из названия, песенный конкурс не всемирный, и победить здесь не то же самое, что отхватить «Эмми». Но это — совершенно особенный мир. Попав в него раз, хочешь снова, а затем втягиваешься и уже не можешь бросить. Каждый год тянет в эту тусовку, хочется ещё. Хочется болеть вместе со своей командой за своего исполнителя и немножко тайком — за представителей других стран, если они нравятся.

Я езжу на «Европесню» уже больше десяти лет. И каждый год — что-то новое. Я в российской команде в роли штатного фотографа. Моя камера запечатлела за это время тысячи уникальных сцен, неповторимых моментов, невероятных мгновений, когда всё сразу — радость, слёзы, триумф, отчаяние, восторг, полёт, музыка, жизнь.

Я видел прыжок Димы Талана и ощущал энергетику «Тарановских бабушек», кому без проблем удалось раскатать зал. Я ездил на конкурс болеть за девочек из проекта Макса Молодеева «Zoloto» и за Марину Булгарину. Иногда мы были очень близки к победе, иногда выбирали не тех, и нам не удавалось поразить европейскую публику, хотя мы болели за своих изо всех сил, рвали футболки на груди, размахивали российскими флагами, орали, срывая голос, плакали, танцевали, целовались и пили — как за победу, так и от горечи поражений.

О «Европесне» я могу говорить бесконечно — и все равно не смогу передать словами даже сотой части того, как этот конкурс ощущается живую, изнутри.

Я столько говорил о нём — в интервью, в собственных пяти книгах, на телевидении в рубрике Путешественники и радио, — но всё равно каждый год меня спрашивают молодые фотографы только об одном: кого надо знать в российских музыкальных кругах, чтобы тебя пригласили на «Европесню» поснимать или даже просто поболеть за своих не

в общей толпе зрителей, а среди обладателей особого статуса — бейджа, дающего право прохода к сцене и за кулисы.

Каждый раз я советую не относиться к «Европесне» как к чему-то недостижимому, куда можно попасть только по блату, через особые знакомства и за особые заслуги. Надо просто работать, и тебя заметят, и тогда уже сам решишь, нужно ли тебе ещё ехать на «Европесню» или ты достиг такого уровня, что думаешь уже об американских музыкальных премиях. Кстати, на премии «MTV Music Awards» я тоже работал. Это отлично поставленное шоу, но у «Европесни» есть своя особая атмосфера.

Так как история, которую я вам рассказываю, имеет некоторое отношение к музыке, но музыкальная её часть не главное, я не буду ещё раз переживать все эмоции, какие я испытал в Стокгольме в мае, когда мы ездили болеть за Серёгу Глазарева, за нашу the only one надежду. Эмоций было очень много, сильных и искренних. Я помню, как я кричал «Россия!», на плечах у меня был наш флаг, а ведущие конкурса объявляли выход Сергея. Все три минуты с небольшим, пока он пел, я не дышал, я боялся спугнуть какое-то тонкое, трудно выразимое словами чувство. Как будто мне на ладонь села бабочка изо льда. Как ни старайся смотреть на неё, не дыша, тепло тела сделает своё дело: бабочка тает, так и не успев понять, что произошло. Я тоже так и не успел понять, почему песня о крымских татарах так запала в душу людям, которые пришли на песенный конкурс, а не на политический митинг за равные права для всех людей, вне зависимости от вероисповедания и цвета кожи. «Европесня» и есть такой конкурс, но здесь обычно побеждал задор, хорошая выдумка, креативность — и никому не было дела до политики.

Мир меняется, изменилась и «Европесня». Она повзрослела, но не так, как ожидалось.

В какой-то момент, в круговерти событий, я почему-то подумал о том, что буду без всего этого скучать, как будто я прощался с этим ощущением.

Чтобы снова не дать волю чувствам, давайте я расскажу вам, каким я видел «Европесню», когда был чуть моложе. Включайте свои внутренние диктофоны и заодно вспоминайте, а лучше слушайте, пока я рассказываю про тех, кто выступал на «Европесне» от России в разные годы.

Когда-то я думал, что получить аккредитацию на «Европесню» куда сложнее, чем получить, к примеру, место члена экипажа в первой экспедиции на Марс. Столько требований — так много достойных людей.

Начинающий журналист из Петербурга — города, который большинство москвичей воспринимают как провинцию, хотя, при этом, не-

мало известных москвичей, включая президента и премьер-министра, когда-то были петербуржцами. Тогда я только начинал в журналистике, потому был о себе не самого высокого мнения и с опаской и лёгкой завистью смотрел на то, как более опытные коллеги запросто общаются с большими звёздами, ведут себя надменно и хвалятся своими достижениями и тем, что имеют пропуск туда, куда я и не мечтал попасть.

Со временем я понял, что ничем особенным похвастаться все эти столичные журналисты, как правило, не могут. Вся их уверенность — это во многом только вид. Они такие же, как и остальные журналисты, за одним только исключением: у них больше возможностей. И возможности эти даёт им Москва. Впоследствии я не раз наблюдал, как столичная манера поведения, все эти понты на пустом месте, разбиваются о реальную жизнь. Вне Москвы всё видится по-другому и ценится там не видимость, а то, что ты на самом деле представляешь из себя. Можно сколько угодно строить из себя крутого профессионала, но обязательно придётся отвечать за то, что ты напридумывал о себе. Всё становится легко и доступно, когда ты работаешь, просто делаешь своё дело и стараешься, чтобы получалось у тебя чуть лучше каждый день. Когда я уяснил это, жить и работать стало намного проще. Поясню на примере другого человека, кого я очень уважаю и чьими достижениями безмерно горжусь, как гордился бы родным братом.

Сейчас скажу немного странную вещь: работать и добиваться результатов — это как учиться фехтовать. В детстве мальчишки, начитавшись книг Дюма, какое-то время хотят походить на Д'Артаньяна и трёх мушкетёров. По крайней мере, так было в моём детстве. Сейчас, наверное, хотят быть ситхами или джедаями, на новой волне увлечения «Звёздными войнами». Схватки на световых мечах — одни из самых эффектных эпизодов в фильмах серии, не уступающие по зрелищности сражениям в космосе. После такой демонстрации мастерства владения клинком хочется попробовать самому. Только не так это просто: просто сделать крутой вид, как если у тебя пистолет за поясом, будет недостаточно. Шпага, рапира, сабля — любой клинок требует долгих лет тренировки, прежде чем ты начнёшь владеть им так же легко, как книжные герои.

Мальчишки, пока живы ощущения от увиденного на экране или прочитанного, хватают первую палку, что попадётся под руки, или деревянный меч и делают вид, что они мастера. Конечно, без постоянных тренировок и хорошего тренера всё это не более чем баловство, игра в крутого героя, потому быстро наскучивает, когда нет никакого прогресса.

Фехтование — не для того, чтобы красоваться или делать вид. Это не просто спорт, это древнее искусство, о котором написаны десятки, если не сотни трактатов. Фехтованием надо заниматься — каждый день, долгие годы. Если оно однажды зацепило тебя чем-то, если ты захотел научиться, отступать, если вдруг не получается сразу, нельзя — иначе никогда не ощутить лёгкости в движениях и не поразить зрителей на международных соревнованиях совершенной простотой комбинаций, оставляющих противника без шанса на победу. Но таких мальчишек (и девчонок, конечно) единицы из сотен, если не из тысяч. Очень немногие, однажды почувствовав в себе тягу взять в руку клинок, продолжают держать его и десять лет спустя — держать уверенно и крепко и тонкими росчерками острия писать в залах, где проходят соревнования, прямо в воздухе, свою судьбу. Жизнь, посвящённая профессии, — это такое же фехтование. Я это осознал, когда познакомился с одним человеком, который для меня стал символом не только настоящего спортсмена, но и настоящего мужчины.

Георгий Бруев. Воспитанник опытного наставника, превосходного тренера Сергея Ивановича Солодка. Как все настоящие профессионалы, Георгий немногословен, но не в словах его сила, а в том, как он преображается, когда надевает снаряжение, опускает на лицо маску и выходит на дорожку, где ему предстоит сойтись в поединке на рапирах.

Вы можете сказать: какая связь между желанием попасть на «Европесню» и фехтованием? Как минимум, одна вещь: воля к победе, желание стать в чём-то лучшим, при этом не казаться и делать вид, а быть на самом деле тем, кем ты хочешь.

Георгий занимается фехтованием с 2005 года. Чуть более десяти лет: для настоящего искусства — большой этап, но не вся дорога.

У Бруева в копилке достижений за эти годы набралось достаточно наград, чтобы поразить любого Д'Артаньяна. Четыре последних года он в составе сборной России по фехтованию и приносит своей стране — прежде всего, своему тренеру, товарищам по команде и родителям — победу за победой. Многократный призёр российских соревнований, чемпион России и многократный призёр международных соревнований среди юниоров (значит, главные достижения ещё впереди, во взрослой лиге), чемпион Европы в молодёжном зачёте.

7 апреля, всего за месяц до «Европесни», Георгий стал чемпионом мира: завоевал золотую медаль на мировых соревнованиях по фехтованию среди юниоров во французском городе Бурже.

Я услышал эту радостную новость, находясь, как всегда, в дороге. Пока я с лёгкостью порхаю из страны в страну, мой друг Георгий завоевывает весь мир сразу.

Я укрепился в мысли, что только Георгий поможет мне обрести недостающую способность — фехтовать. Пусть не профессионально и всего один раз, но я должен научиться чувствовать клинок как продолжение моей руки и часть моего сердца.

Самое сложное в жизни — найти себя, собственное предназначение и, пока ищешь, быть благодарным судьбе за испытания, которые выпадают на твою долю, за все падения и уколы судьбы. Учись владеть ситуацией. Фехтуй с жизнью на равных. Найди себя, найди правильную цель, за которую ты будешь бороться, даже если эта цель — попасть на «Европесню».

Там, как и везде, важно, какой ты человек, и важно, кто тебя окружает, а всё остальное — видимость. Много искусственного ажиотажа и вокруг «Европесни», что не отменяет её эмоциональной стороны, её человеческого фактора.

На самом деле, журналисту попасть на «Европесню» довольно просто: нет никаких скрытых механизмов, которые надо задействовать. Всё начинается с заявки. Форму заявки можно найти на официальном сайте конкурса. Каждый, кто хоть раз заполнял какие-нибудь документы для получения визы, сможет разобраться, что в документе к чему. Всё просто: информация о себе, об издании, которое будешь представлять, фотография. Дальше — ожидание. Заявка попадает в Россию — на тот телевизионный канал, который будет транслировать конкурс в прямом эфире. В течение нескольких дней заявку рассматривают сразу несколько человек — глава российской делегации, затем пресс-служба телеканала. Если вы сделали ставку на правильное издание, с кем российской делегации на конкурсе будет интересно сотрудничать, ваша заявка, скорее всего, будет одобрена. Всё, вы на «Европесне».

Стоит туда попасть — ты пропал. Как только ты оказываешься на этой кухне, остальной мир перестаёт для тебя существовать. Ты живёшь и дышишь в ритме «Европесни». И каждое событие конкурса становится для тебя важным и значимым, пропустить же его — потом никогда себе не простить, поэтому готовьтесь почти совсем не спать. Именно таким Европесня стала для моего классного друга Сергея Артемова, который теперь каждый год на него ездит и погружается с головой в ежедневные репетиции, концерты, прогоны, пресс-конференции и вечеринки!

Мне всегда особенно нравилось присутствовать в зале во время прогона. Каждый раз, когда идут прогоны, наружу вылезают разные нестыковки, и всё зависит от реакции артиста. Кто-то нервничает и срывается, кто-то сохраняет невозмутимость, кто-то относится к ситуации

с юмором. Тех, кто легко воспринимает такого рода неприятности, видно сразу: они настоящие профессионалы и не играют роли музыкантов, а на самом деле живут музыкой.

За годы работы на конкурсе я научился угадывать, кто из артистов попадет в финал, а кто останется за бортом. И дело не только в удачной песне или ярком, запоминающемся номере, дело во внутренней уверенности и понимании, что всё будет так, как тебе хочется. Тот, у кого есть этот внутренний стержень, не нервничает по пустякам, те же, кто слишком волнуются во время прогона, как правило, вылетают во время голосования.

«Европесня» — это как фехтование. Это — как жизнь. Иногда — это сон. Прекрасный сон. Но каждый раз приходит время просыпаться и ехать домой, чтобы снова ждать целый год.

В этот раз я на «Европесне» с особой миссией. У меня будет свой прогон, и нельзя упустить ни единой ноты, нельзя сфальшивить. Поэтому, перед важным делом, необходимо хорошо выспаться: в этот раз, «Европесня», я займусь своими делами, прости. Но она оказалась ревнивой.

Я во сне.

Сергей Глазारेва на сцене.

Прогон.

Только технический персонал.

Зажигаются софиты, за спиной Глазарева на экране сцены начинается созданное компьютерами шоу: дверь в другую реальность.

Иллюзорный мир, но Сергей будто на самом деле взбегаёт по лестницам и раздвигает стены, хоть они и существуют лишь в памяти мощных компьютеров в виде нулей и единиц. Сон о том, как жизнь Сергея в поисках кого-то, кого он мог бы назвать единственным человеком в своей жизни, сама превратилась в сон.

Внезапно свет повсюду в зале гаснет, остаётся только на сцене. Луч софита протягивается из точки у меня за спиной к сцене, к ногам Сергея. Кажется, что он сейчас встанет на этот световой луч и пройдёт по нему, как по воздуху, прямо ко мне. Экран у него за спиной взрывается миллионом звёзд, и те разлетаются искрами по тёмному залу, где, кроме меня, больше никого нет.

— Мне надо поговорить с тобой, — говорит он в микрофон.

Его голос превращается в новые звёзды — разноцветные светлячки разлетаются по залу и гаснут, не долетая до пола.

Я чувствую себя при всей особенности и даже некоторой торжественности момента немного неловко.

— Привет, — машу я Сергею рукой и чувствую себя при этом глупо.

— Да виделись сегодня. Что, забыл? — он улыбается своей фирменной улыбкой, становясь похожим на Маленького Принца из книги Экзюпери. У того должна быть такая же улыбка — из неё рождаются самые настоящие звёзды, которые можно приручить.

— Просто всё это так неожиданно. Я не думал увидеть тебя в своём сне, — отвечаю я, зачарованно наблюдая за тем, как от каждого слова Сергея в темноту взлетают новые звёзды. Настоящий фейерверк.

— Ты ведь приехал сюда, чтобы раскрыть тайну голоса. Понять силу музыки. Пения.

— Да.

— Видишь мой голос?

— Вижу. Это... это очень красиво.

— Спасибо. Но таким видишь мой голос ты в своём сердце. Понимаешь, что я хочу этим сказать? — звёзды становятся голубыми, цвета морской волны и сине-зелёными.

— Да. Ты говоришь о том, что я просто должен сосредоточиться на голосе бабушки. Не пытаться вспомнить его, а услышать сердцем. Тогда я смогу увидеть.

— Правильно. Ты увидишь, а Оля поможет тебе расшифровать послание, переведёт. Лингвист из музыкальной среды — это то, что тебе нужно. Ты сделал правильный выбор.

Сергей протягивает в мою сторону руку ладонью вверх и сжимает её в кулак, притягивая к себе нечто, чего не могу увидеть. Он тянет на себя и резким, точно рассчитанным движением фокусника сдёргивает... темноту. Исчезает всё: зал, сцена, стены, едва различимые во мраке.

Мы оказываемся посреди бесконечности. Вокруг — вверху, внизу, во всех направлениях, куда ни кинь взгляд, и даже прямо перед глазами — множество разноцветных огоньков. Им нет числа, как нет числа их оттенкам. Это похоже на Млечный Путь. Мы, я и Сергей, находимся в самом его центре.

Дыхание перехватывает.

— Что это? Это звёзды? Ты — кто, бог? — я ошеломлён.

Сергей смеётся. Смех его — хрустальные прозрачные льдинки, крошечными фонтанчиками они разбрызгивают вокруг себя хрупкое сияние.

— Нет. И да. Спасибо, что считаешь меня божественным. Это — голоса. Все слова, что когда-либо были сказаны. Все песни. Стихи. Все невысказанные вслух мысли. Всё, что ещё только будет произнесено. Если души — это озёра под единым небом, то всё, что исходит от людей — от души, из сердца, разума, — это «звёзды» на небе. Где-то здесь, среди всех этих искорок, твои слова, мои, все мысли твоих

родных и друзей. Здесь же, как ты уже понял, те самые слова, которые ты ищешь. Тебе просто нужны правильные координаты. Они всё это время в тебе. Твоё сердце — огонёк на мачте корабля, который несёт тебя по водам души через время и пространство под бескрайним небом. Под звёздным небом слов. Корабль — это и ты, и твои друзья. Он сотворён из чувств, которые составляют твоё «я» в земном мире, мире снов, чувств. Ты ищешь не слова, тебе нужно увидеть свет маяка. Как ты видел свет, когда искал своего прадеда. Точно так же сделаешь и в этот раз.

Всё становится понятным и очень простым. Моё сердце. Правильный настрой. Моё умение запоминать все сны в точности. Моя открытость собственному дару, чего мне не хватало рядом. И понимание того, как связаны сны, люди, их память и всё, что они говорят, чувствуют, о чём думают. Так просто — так красиво.

Не это ли божий замысел? Не это ли ищут не только верующие люди, надеясь обрести благодать и весть о вечной жизни, но и физики, пытаясь создать единую теорию всего? Формула, в которой соединено всё — время, пространство, энергия. Жизнь и смерть. Всё это уже есть в каждом из нас. Мы просто не умеем или не хотим слушать. Боже мой, как всё просто.

— Представляю, что ты сейчас чувствуешь, — Сергей улыбается. — То ли ещё будет у тебя впереди. То, что ты понял сейчас, — это кажется великой истиной, но это только начало.

Мы снова в тёмном пустом зале.

Он смотрит куда-то поверх моей головы.

— Время у нас на исходе. Пора тебе просыпаться.

— Как? Уже? Мне кажется, я хотел ещё о чём-то тебя спросить...

Он щёлкает пальцами: экран за его спиной гаснет, луч света, лежавший у его ног, тускнеет.

— Внимательно слушай то, что я сейчас спою. Это то, что ты ищешь. Сможешь это повторить, проснувшись, хорошо. Нет — попробуй запомнить цветовое сочетание нот. Просто представь, что ноты — это цвета радуги: красный — нота «до», фиолетовый — нота «си». Из их сочетаний рождается мелодия оттенков.

Он закрывает глаза и медленно пропевает-проговаривает несколько нот. Они, вырываясь из его рта, превращаются в разноцветные искорки. Я стараюсь запомнить их порядок и оттенки. Завтра, как только проснусь, помчусь к Оле. Будем расшифровывать.

Сергей, пропев последнюю ноту, поворачивается, чтобы уйти со сцены в темноту. Что-то вспомнив, оборачивается через плечо:

Кстати, в этом году выиграем снова не мы. В этом году ставить надо на числа. На определённый год. И вот ещё что: не приезжай в

следующем году на конкурс: у тебя будет много других дел. Оставь «Европесню» другим, хорошо?

Я не успеваю ничего ответить, как он исчезает.

Вдруг кто-то тянет меня за рукав. Смотрю вниз: за левую руку меня держит маленькая девочка в цветочном венке с лентами и в национальном костюме — расшитой узорами белой рубашке и цветастой юбке.

— Дядь, а, дядь, а что ты здесь делаешь?

— Ты кто?

Девочка словно не слышит меня:

— Дядь, а зачем ваш Сталин моих бабушку и деда голодомором убил? Это что такое: как брызгалка от комаров? А твоих бабушку и дедушку тоже Сталин убил? А приходи послушать нашу Камалу? А что ты молчишь?

Её голос отвлекает меня от чего-то важного. Я обязательно должен запомнить что-то, пока образ не исчез из памяти. Точно: звуковой код. Девочка нарочно меня отвлекает болтовнёй, ещё и за руку тянет так, словно она — маленькая гиря.

Надо срочно просыпаться.

Чтобы вы знали: на будущий год я не поехал на «Европесню». Очень правильно сделал: достаточно вспомнить, какие сюрпризы для России приготовили на Украине. Раз победила Камала, то — милости просим в Киев, но не все. Только не москали. Нет, я не обиделся: я вообще не понимаю всех этих политических интриг, но решил не рисковать, и поставил, тем самым точку, на этом этапе своей жизни, отрезке длиной в десять лет. От Димы Талана до Сергея Глазарева: целая эпоха для российского шоу-биза, и одно мгновение в то же время. «Европесне» желаю всяческих успехов. В следующем году я болел за Болгарию, раз наш участник не смог попасть на конкурс. Буду болеть за хороших музыкантов и дальше, а поеду ли в 2018 году на конкурс — об этом как-нибудь в другой раз. Всё это — совсем иная история.

Пока же не поставлена ещё одна точка в моих поисках.

Утром я сразу же позвонил Оле. Она ждала моего звонка и предложила встретиться в общем месте сбора на завтрак для всех делегаций.

Когда я появился, то сразу потянул ее за собой, но Оля умерила мой порыв.

— Не спеши. Спешка ещё никому не принесла пользы. К тому же, сначала завтрак, чтобы силы появились, голова заработала, потом уже дела. В бизнесе быстрота реакций на неожиданные переменные крайне важна, но у тебя другая история. Ты всё запомнил?

Я кивнул, одновременно с этим накладывая себе фруктовую нарезку и обводя зал глазами в поисках горячей каши: мой нормальный завтрак. Даже в состоянии крайнего возбуждения я пораился спокойной сосредоточенности Оли. При этом она, при всей строгости голоса, была очень мягка, а исходящая от нее энергия — чувствовалось, что Оля с раннего утра полна сил и готова ко всему — позволила мне похвалить себя за выбор. Вот таким должен быть настоящий наставник — чутким, отзывчивым, всё слышащим и видящим. И не обязательно с идеальным музыкальным слухом, но при этом музыка не должна быть для него только набором звуков. Самое главное — он должен отдаваться своему делу полностью, но не в ущерб своей жизни. Оля, при всей её загруженности на работе, нашла время для меня, а я ей не родственник, не её протеже, нас просто связывает общая любовь к «Европесне». Я уверен, что и о семье она не забыла: как-то однажды, когда я порадовался за её новый статус и заметил, что теперь у неё там, в Москве, каждый день песенные конкурсы и звёздные вечеринки, она ответила, что всё, конечно, так, но нельзя давать работе из искреннего увлечения превращаться в замену жизни. На вечеринки она ходит, с радостью — новые знакомства, возможности и так далее, но если стоит выбор между каким-то торжеством или давно запланированным мероприятием, на котором семья ожидает видеть её, то выбор будет очевидным. Не в пользу звёзд и сияющих огней ночной Москвы, в которых столько возможностей и миллионы шансов.

Успех не на стороне того, кто хватается за любой шанс, а у того, кто однажды понимает, что именно он хочет услышать от мироздания, после чего следует внимательно слушать все мелодии, какие играет тебе мир, пока из общей какофонии настроенный на конкретное звучание слух не выделит то, что и было нужно, чего ждал. Так работает музыкальная индустрия, так Оля находит таланты, с которыми работает дальше, так она живёт: не засоряя эфир своего сердца всем подряд. Она даже плейлист музыкальный чистит примерно раз в год, чтобы там не оставались те мелодии, которые завладели её вниманием на некоторое время, но не нашли места в сердце. Так и надо, только так и может что-то получиться.

Во время завтрака я совершенно успокоился. В голове снова ясно и чётко зазвучала мелодия.

Дальнейшее было снова делом техники. Оля и её протеже, Максим Бурматов, очень приятный и действительно одарённый парень, момен-

тально сориентировались в увиденной мной во сне системе цветовых кодов, хоть и пошутили немного на мой счёт. Музыкальная синестезия? Да ты гений, Саша! Видеть звук в цвете — это особенный дар.

Вы хотите знать, какая она — ведьминская песня? Как-нибудь я обязательно вам расскажу об этом, когда буду уверен, что хочу и готов открыть всем то, что при определённых навыках открывает путь к бесконечным богатствам. Богатства — это хорошо, но вот бабушке моей нужна была нормальная жизнь, а слушать и слышать сразу все голоса мира — этого она не просила у судьбы.

Самые нетерпеливые могут попытаться найти Олю Бубненко или Максима и попытаться задавать им вопросы, но они ничего не расскажут. Более того, они, возможно, вспомнят, что я вместе с ними что-то такое выяснял, что-то мы слушали, но дело в том, что ведьминская песня слышна по-настоящему только тогда, когда открывается дверь из нашего мира в мир снов. Так что, сначала добро пожаловать в мой мир. Там мы встретимся, и, если вы готовы услышать песню Млечного Пути, и ваше сердце настроено только на эти ноты, тогда что-нибудь получится.

Самые интересные истории — это люди. Именно люди, которых я выбираю и которые выбирают меня, дают каждый день моей жизни нечто гораздо более важное, чем любое богатство. Если вы понимаете, что я имею в виду, вы такой же, как я, и уже богаты. Если нет, то вы кое-что очень важное упускаете из внимания всю свою жизнь. Возможно, сейчас лучший момент подумать об этом.

ГЛАВА 16

Июнь

Возвращаюсь домой. После непривычной для меня тренировки мышцы натянулись как канаты, и никак пока не удаётся их расслабить. Георгий загонял меня. Весь в тренера: требовательный, но по делу. Это я сам пожелал, чтобы он научил меня основным позициям и движениям за столь короткое время. А времени крайне мало, потому что у Георгия постоянно то тренировки, то сборы, то соревнования на выезде. Мне приходится последние недели подстраиваться под его график и каждую его свободную минуту использовать для собственных тренировок.

За то время, что я провёл среди профессиональных фехтовальщиков, моё восхищение киногероями со шпагой изрядно поблекло. Более того,

я теперь без смеха не могу смотреть на эти внешне эффектные пируэты и сальто через голову ради малоэффективного, но красивого удара.

Фехтование для непосвящённого — внешне весьма скупой спорт. На короткую дорожку друг напротив друга выходят двое. На них белые куртки-колеты, бриджи, носки до колен, специальная обувь. Вся эта экипировка довольно тяжёлая, и в них фигуры спортсменов выглядят так, будто они закованы в гипс. Довольно тяжёлая форма: я примерил и не представляю, как фехтовальщики могут так быстро двигаться и обмениваться молниеносными уколами. Мне было трудно даже просто ходить в полном облачении. А ведь ещё есть перчатка на руку, которой спортсмен держит рапиру, саблю или шпагу. И самое важное — маска, защищающая голову, с мелкой сеткой на лице, через которую я не видел дальше своего носа, хотя и носа не видел. Ещё ведь есть и сам клинок. Георгий — шпажист, и его спортивный снаряд длиной более метра и может весить до 770 грамм.

Наш первый разговор с Георгием по поводу моей просьбы, когда я вспомнил его уже после начала тренировок, напомнил мне танец, который исполняют фехтовальщики на дорожке. Оценка ситуации, молниеносный выпад, укол, выплеск энергии в коротком крике — тоже своеобразный звуковой код, уход от ответного удара, возвращение на исходную; всё это время глаз с соперника не спускаем. Кстати, так же, наверное, потряхивает, хотя костюмы спортсменов потому и такие неуклюжие внешне и толстые, чтобы случайно не ударило током. Фехтование — это чистое электричество. Укол арбитры засчитывают только после того, как срабатывают датчики.

Я вспоминал довольно простые и потому эффективные правила спортивного фехтования, пока наблюдал с трибун, как Георгий и его команда тренируются, выходя на дорожку один на один.

Соревнования проводятся в два этапа. Этап первый — групповой. Участников делят на группы в соответствии с их рейтингом, после чего участники каждой группы соревнуются друг с другом в состязании до пяти уколов. Победители с наибольшим числом очков формируют новый рейтинг, и это второй этап, где по жеребьёвке участники соревнуются в боях на 15 уколов по принципу «первый в рейтинге против последнего в рейтинге» и так далее.

Сами бои короткие. На бои по пять уколов даётся три минуты чистого времени. Победа достаётся тому, кто за это время нанёс все пять уколов или наибольшее количество уколов. При равном счёте даётся дополнительная минута или соревнования длятся до первого укола. Бои на 15 уколов разделяются на три периода по три минуты каждый.

Всё очень быстро. Дуэль интеллектов. Настоящие шахматы, моментальное просчитывание множества вариантов. Партии-блиц. Фехтова-

ние — не драка, это обмен стратегиями, где каждый жест и каждое движение подчинены строгому расчёту. Фехтовальщик отбрасывает всё лишнее, выходя на дорожку, и остаётся только то, что нужно в данный момент. Каждое движение — результат вычислений.

Примерно так и объяснял в первую нашу встречу Георгий. Я дождался окончания тренировки и подошёл к нему. Он разговаривал с тренером, вокруг стояли ещё несколько ребят и его команды. Увидев меня, он жестом попросил подождать, обменялся ещё несколькими короткими и тихими фразами с наставником и подошёл ко мне.

— Привет, хорошо поработал сегодня. Сергей Иванович хвалил?

— День добрый. Было дело.

— У меня просьба к тебе. Ты только не удивляйся.

— Не буду.

— Можешь меня тренировать?

— Не поздно ли?

— Не поздно — что?

— Фехтованием заниматься.

— Мне и не надо стать таким же профи, как ты. Мне нужно, чтобы кто-то показал и разъяснил основные принципы владения клинком, то есть шпагой, как твоя.

— Зачем?

— Я тебе чуть позже объясню. Без небольшой предыстории это может показаться бредом, хотя всё не так. Мне это нужно не для того, чтобы крутости себе добавить. Возможно, моё умение держать клинок спасёт жизнь человеку.

— Ты в кино снимаешься?

— Что? Нет! Это куда более запутанная история, но я обещаю тебе, что всё объясню. Если сочтёшь мой рассказ не заслуживающим твоего внимания, тогда я не буду тебя доставать. Понимаешь, как ни странно это звучит, но моё владение клинком, пусть даже абсолютно любительское, поможет человеку понять, кем он хочет быть, направит его.

Он задумался. Когда я уже решил, что он мысленно окрестил меня чудиком и просто пожелает мне сходить к врачу, он ответил:

— Как я.

— Прости?

— Говорю: как я. Мне было восемь, когда я пришёл к тренеру, и он стал учить меня фехтовать. Я не сразу понял, зачем мне это надо, просто нравилось. Сейчас, когда ты говорил, я вспомнил, как однажды понял: **тренер — это мой второй отец и хороший друг, фехтование — это мой второй дом. Сергей Иванович показал мне направление. На дорожке я понял, что я нашёл свою дорогу, нашёл себя. Я себя нашёл в этом спорте. Фехтование — это я, это то, что у меня здесь, —**

он коснулся рукой левой стороны груди. — Я чувствую, что я настоящий, что живу так, как хочу, когда семья дома и товарищи по команде в том, что для меня важно, поддерживают меня. Когда мне одинаково хорошо там и там, и не нужно выбирать.

Я не ошибся в Георгии. Он понял, что я хотел ему сказать, ещё не услышав всей истории.

— Так что, возьмёшься? — я протягиваю ему руку.

— Давай попробуем, — он пожимает мою ладонь: хватка твёрдая, но не жёсткая. — Если тренер не будет против.

— Хочешь, поговорю с ним?

— Не маленький. Всё равно однажды будут и у меня ученики. Я не хочу бросать это дело.

За это я выбрал Георгия — за его цельность, собранность и верность тому, что он делает. И за умение моментально принимать верное решение. Он занимается фехтованием не для того, чтобы выглядеть круто, не ради денег и призов — он даже не помнит свою первую победу: какое-то городское соревнование, да и какая разница, если каждый бой важен? У него нет кумиров, он не хочет стать, как кто-то, ему нравится быть собой. Он сказал мне позже: «Я никому не подражаю ни в спорте, ни в жизни. У меня есть свой путь. И он мне нравится».

Поначалу было тяжело. За короткий срок, каким я располагал, только и можно было обучиться, что правильной стойке и основным принципам ведения боя на шпагах. Правильно держать шпагу я научился быстро, стойке тоже обучился довольно легко: Георгий всё показывал сначала сам, потом предлагал мне повторить. Куда сложнее было достичь той степени концентрации, когда выстраивается общая схема: клинок — рука — сердце — голова. Почувствовать клинок не просто в руке или рукой, а ощутить себя в виде электрического импульса, который стремится в цель через острие шпаги.

Мы с Георгием в перерывах много говорили о друзьях, близких людях. Я рассказал ему, как мог, всю историю, и он поверил мне. Поверил, как он сказал, потому, что я уважаю своего соперника и хочу помочь ему сделать правильный выбор. Уважение очень важно в спорте. Нелзя стремиться доказать сопернику своё превосходство — тогда точно проиграешь.

Он рассказывал мне о родителях — Илье Юрьевиче и Юлии Викторовне, о своей бабушке Нине Фёдоровне. У Георгия прекрасные родственники. Они одинаково радуются любому результату, который он привозит с соревнований. Если бы им были важны только его победы,

он вряд ли одержал бы под таким давлением победу в Бурже, где он стал чемпионом мира среди юниоров.

Тренер, Сергей Иванович, Георгия не балует, но ему не нужны результаты любой ценой, ему не нужно ломать спортсмена, чтобы тот действовал на автомате. Солодко потому и такой хороший тренер, как рассказывал о нём Георгий, что он помогает спортсмену обрести осознанный путь. Пока не поймёшь, зачем ты выходишь на дорожку, ради чего все эти тренировки, результата не добьёшься. Результат начинается с понимания.

Сейчас у Сергея Ивановича тренируется 31 спортсмен: есть взрослые, 1971 года рождения, есть и дети, которые родились тогда, когда Георгий начал заниматься фехтованием.

Я смотрел на фотографии с соревнований, слушал фамилии товарищей Георгия по команде и тех, кого тренирует Солодко — Артём и Максим Вепревы, Богдан Власов, Владислав Воротников, Сергей Григорьев, Артём Дильмухаметов, Алина Никитина, Софья Молокова, Мария Божко — и думал о своей команде, о своих друзьях, и, называя их по именам, вспоминая о каждом какую-то важную для меня историю, понимал. Понимал, для чего мне результат. Вставал и начинал всё снова и снова, пока рука сама не совершала нужные мне движения.

И усталость, которая приходила после этого, давала знак: цель близко.

«Надо обязательно сходить к Саше», — думаю я, поднимаясь в квартиру, в которой я, из-за графика своих поездок и работы, бываю не так часто, как хотелось бы.

Саша — это Александр Богомолов, человек с божественными руками. Не подумайте ничего такого: его руки действительно творят чудеса, когда дело касается его профессиональных навыков. Он врач-остеопат и мануальный терапевт. И на таких, как он, молиться надо, ведь они ниспосланы самим небом.

Я много лет искал массажиста, который мог бы возвращать меня к жизни, когда я от перегрузок начинал загибаться. Просто в один ужасный день просыпаешься и понимаешь: ты не чувствуешь собственного тела.

Когда я пришёл к нему впервые на приём, то был, мягко говоря, сначала поражён, а затем сражён наповал, его методикой работы с пациентами. Ты попадаешь на настоящий концерт.

Обычно музыку выбирает сам Саша. Он мнёт, сжимает, растягивает, поглаживает и колотит твоё тело, и делает это под музыку, которую выбирает для тебя. Ещё и поёт.

Сначала от этого хочется смеяться, потом понимаешь, что всё неспроста. Александр — ещё один человек с необычными способностями в моей жизни. Только недавно я узнал об уровне, где слова и звуки суть музыка и цвет. Пение и музыка вместе с прикосновениями позволяет Александру подбирать ключ к человеку, который лежит перед ним на массажном столе. Он расшифровывает сигналы тела, чтобы понять, в каком состоянии находится душа человека. Он лечит не тело, а душу, он растирает и приводит в тонус не мышцы, но сами мысли.

Его пальцы — это пальцы музыканта. Он играет на теле человека, на выступающих позвонках, рёбрах, на каждой косточке — как на органе или фортепиано. Здесь нажать, там растереть, здесь добавить скорости — в какой-то момент ощущаешь, что его пальцы проникают в тело, сквозь кожу и мышцы они вытягивают чёрные сгустки стрессов, токсинов, накопившейся усталости, агрессии, разочарований.

После сеансов его массажа уходишь не с новыми силами, а с новым телом. «Родился заново». Это я говорю каждый раз, прощаясь с Богомоловым до следующего сеанса.

Конечно же, я сделал, как планировал. Записался на приём — и вот я готовлюсь к процедуре.

— Пока не лёг на стол, выбирай музыку, — говорит мне Саша.

— С чего такая щедрость? У тебя в кабинете ты решаешь, под какую музыку будешь избивать пациента, делая вид, что это у тебя массаж такой...

Он довольно щурится:

— Сейчас ты мне в руки попадёшь. Посмотрим, как заговоришь.

— Ладно-ладно, мне только посмотреть. Я не буду это покупать, — примирительно поднимаю обе руки вверх, показывая, что сдаюсь.

— Давай, ложись уже. У меня ж всё расписано, сам знаешь, — он подходит к музыкальному центру. — Так что слушаем?

У Саши в кабинете есть музыка на все случаи жизни, для любого пациента.

Я всё не могу придумать, и вдруг в голове возникает образ.

— Слушай, а есть Эдвард Григ? Можно поставить, что есть, но хочется «В пещере горного короля».

— На мистику-то тебя с чего потянуло? — он перебирает диски.

— Не на мистику. Что-то вспомнилось вдруг: я ж люблю норвежские фьорды. Вспоминание у меня одно детское есть, как раз эта музыка подходит.

— Детское — это хорошо. Значит, ничего плохого тут думать не будешь, пока я тобой занимаюсь. У меня очищаться надо и физиче-

ски, и духовно, иначе ничего не выйдет. Как в прямом, так и в переносном смысле.

С первыми аккордами он берётся за меня. Сначала его пальцы как бы в лёгкой задумчивости изучают. Касаются в разных точках, слегка сжимают или надавливают.

Вдруг он говорит:

— Э, а откуда у тебя узелки эти?

— Какие узелки? — я пытаюсь приподняться на локтях и посмотреть через плечо.

— Давай лежи, не шевелись. Только ведь настроился, — он постукивает по моим лодыжкам, переходит к запястьям.

— Ты у меня когда последний раз был?

— В апреле. Ещё до «Европесни».

— Понятно. Я тогда, кстати, уже заметил, что у тебя к ноге как будто что-то привязано. Как мог, снял ту пакость с тебя. Сейчас вижу, что след не пропал, а как будто снова пророс. Не пойму, в чём дело.

Он начинает свою магию. Я ощущаю, как его пальцы медленно, но уверенно, оставляя на коже ощущения, как от электрического покалывания, аккуратно проникают под кожу. Конечно, на самом деле, ничего похожего на хилерство в кабинете у Саши не происходит, но ощущаешь ты это, пока он колдует над тобой, именно так.

Я ощущаю, как подёргивается сначала левая нога, потом правая, наступает очередь левой руки.

— Что чувствуешь? — спрашивает Саша.

— Странное чувство: будто руки и ноги кто-то дергает за ниточки.

— Ниточки, говоришь? А ведь так и есть!

— Что есть?

— Нити. Не глухой ведь вроде был, когда пришёл.

Я чувствую, как он прилагает усилия к чему-то, что я не могу видеть. Даже слегка пыхтит от натуги.

— Что там?

— Вы... тягиваю, — с натугой произносит он.

Через несколько минут я ощущаю, как во всём теле будто открываются какие-то внутренние шлюзы, меня заполняет чистой энергией.

— Ты бы это... В путешествиях-то смотрел бы, куда едешь, — говорит он.

— В смысле?

— Откуда-то ты пакость приволок. Тебя нечто по рукам и ногам пыталось связать. Еле оторвал. Не перешёл там дорогу колдуну какому-нибудь в Африке, или куда ты ездил последнее время?

— Нет, колдун здесь ни при чём. Здесь немного другое. Но я справлюсь. С твоей помощью, кстати.

Оставшееся время сеанса Александр приводит меня в порядок, восстанавливает мой жизненный тонус и привычно объясняет мне по ходу дела, где и что у меня подправил.

Мой ментальный защитник.

После визита к Александру я ощущаю в себе такой прилив сил, что, если бы надо было прямо сейчас, не сходя с места, создал бы самую прочную в этом мире и мире снов лодку. Жаль, что пока рано плыть: Басс дала чёткие рекомендации, как распознать правильный момент и что нужно будет предпринять.

Кольчугу я только что получил: её хватит мне как раз до той поры, когда всё уже, надеюсь, разрешится. Рука моя снова тверда, и, закрыв глаза, я мысленно повторяю то, чему научился у Георгия. Здесь тоже не подведу сам себя. Остался один элемент: дом. Вот с ним пока не всё ладится. Если по правде, ничего не ладится. Нужно принимать экстренные меры. Я знаю, кто умеет читать мысли и из того, что узнал, создавать идеальный дом. Это последняя и крайне важная остановка.

ГЛАВА 17

Июнь

Я видел сон.

Я нахожусь посреди белой комнаты. Не вижу ни стен, ни потолка, только равномерное белое сияние.

Я ребёнок.

Вокруг меня в бесконечном разнообразии рассыпаны детали конструктора лего. Я не помню, чтобы у меня в детстве был такой.

Я раз за разом пытаюсь что-то построить из конструктора. Пробую разные цвета, формы, в голове возникают всё новые идеи. Мои постройки похожи то на буддийский храм, то на традиционное японское жилище, то на высокую гору. Космический корабль. Пещера Бэтмена. Концертный зал. Я строю, строю, строю. Каждый раз, как моя постройка закончена, невидимая рука всё разрушает.

Отовсюду и ниоткуда я слышу бесплотный голос: «Не то, это не то».

Я терпеливо собираю разбросанные кубики и начинаю всё с самого начала.

Мне кажется, что это никогда не кончится. У меня болят руки и слезятся глаза.

Я строю, невидимка разрушает.

С каждой моей неудачей голос становится всё более требовательным. В какой-то момент невидимая рука начинает дёргать меня за правый рукав. Моя белоснежная одежда, похожая на тунику пилота космического корабля из сериала, вроде старого «Звёздного пути», покрывается следами грязных пальцев. Особенно много их на плече и руке с правой стороны.

Голос настойчив. Голос громок. Он врывается мне в голову.

«Почему ты не понимаешь? Ведь так просто! Сделай же, сделай. Построй мне дом».

Утром у меня болит правое плечо, будто на нём всю ночь лежал мешок с мокрым песком.

Я вспоминаю сон.

Я понимаю, почему мне приснилось, как я строю дом, но не знаю, каким он должен быть. Знаю, для кого будет этот дом. Эта дверь.

Я так близко подошёл к финальной точке моего пути, что, при желании, могу прикоснуться к двери, которую я должен помочь открыть одному человеку. Я только не вижу пока этой двери, не знаю, какой она должна быть. Мне нужна помощь Семёна.

Семён Ардель — отличный дизайнер. О нём мало информации в интернете, но его знают многие люди, чьим мнением я дорожу, а я, как мне кажется, умею разбираться в людях. О нём я узнал от Лины Волчёнок, а её мнение для меня — закон. Достаточно вспомнить, какое спокойствие я ощущаю в её домике в Нарве, куда приезжаю, когда начинает казаться, что мир слишком уж давит. Дом — это последняя, но самая крепкая линия защиты. Я верю каждому слову Лины, когда она говорит: обратиться к этому дизайнеру, он дело знает, как знает и то, что такое для человека чувствовать себя, как дома.

Поэтому, когда мне понадобилось сделать ремонт в квартире, я обратился к Семёну. Вместе с волшебной Мариной Герасимовой он создал чудесную студию дизайна «**Новое Пространство**» — в которую я и направился!

До него я обращался к нескольким дизайнерам, и они разочаровывали сразу же. Я ждал, что они начнут спрашивать меня, что для меня мой дом, каким я его вижу, а они приходили и — здесь надо всё менять, это никуда не годится, кстати, я приступаю к работе только после предоплаты, безнал нежелателен, и у вас какой пароль от вайфая? До свидания. Следующий.

Пока я, как капризный лорд, перебирал дизайнеров, надеясь встретить того единственного, кто заглянет мне в душу и вытащит оттуда готовый

проект интерьера, мои строительные подрядчики скучали. Они не могли приступить к работе, пока им не станет понятно, где пилить, где откос, где обои. Людей я нанял, но объяснить им, что я хочу, толком не мог.

Лина действительно меня спасла. Я в тот момент уже был готов на любой проект. Типа того: кто первым рассмешит принцессу, тому и отдам её в жены, и полцарства в придачу. Но добрая подруга уберегла меня от союза с нелюбимым проектом: сделал бы невесть что, а как потом домой приходить, если там всё кажется чужим?

Семён мне понравился сразу. Он не сказал ничего лишнего, но те слова, что он произнёс, войдя в мою безликую квартиру, ждущую своё идеальное воплощение, моментально расположили к себе.

— Так, всё понятно. Лина мне о вас уже немного рассказала, я, пока добирался к вам, подумал, пару идей пришло в голову. Я вам их набросаю, а потом вместе решим, что вам больше всего подойдёт. Вы только одно мне скажите: где хотите розетки видеть?

Видя молчаливый вопрос в моих округлившись глазах, он продолжил:

— Не волнуйтесь: я не возьму с вас денег за те проекты, что вы не одобрите. Они помогут мне в другой раз, с другим человеком сработают. О предоплате тоже не беспокойтесь. У меня пока затрат на вас никаких. Я пока только моделирую варианты того пространства, в котором вам захочется жить, куда захочется возвращаться.

— Господи, где вы были раньше? — я не мог скрыть восторга. — Кто вас прятал всё это время?

— Всё происходит вовремя. Зато у вас было время подумать над тем, каким хотите видеть свой дом, — он прошёлся по комнатам, что-то отмерил на глаз, прошёлся от стены к стене, считая шаги, посмотрел на потолок, выглянул из окон и снова вернулся ко мне. — Вот давайте меня и вас проверим прямо сейчас?

— Как?

— Ответьте мне... нет, ответьте себе, но, чтобы я услышал: что для вас идеальный дом?

— Это просто. Это место, где мне хорошо, где я могу отдохнуть от внешнего мира, но, при этом, не закрыться от него. Это не просто место, где я валяюсь на диване и смотрю телик, я говорю об исцеляющей силе стен моего дома. Дома я отдыхаю душой, телом, разумом, сердцем. Обретаю себя, восполняю силы. Дом — это моя защита, но не крепость, а дружеские надёжные объятия.

— Хорошо, что вы это понимаете. Вижу, что найду в вашем лице идеального клиента. Дело в том, что вы произнесли два ключевых слова: отдых и защита. И вы нашли очень точные определения этим словам, вложили в них именно тот смысл, какой вписывается в тот образ, который я себе о вас составил.

Он настоящий Шерлок Холмс. На основании выводов, которые он делает, общаясь с заказчиками, он в исключительном числе случаев находит или сразу, или почти сразу единственно верное решение, правильную интонацию, идеальное воплощение интерьера мечты. У каждого мечта своя — и задача Семёна расшифровать ожидания, нарисовать план, а затем превратить его в трёхмерную модель; понять, чего хотят люди, по их жестам, манерам, повадкам, по тому, как они говорят о собственном доме. Он живёт своей работой. Лучшее для него в выбранной профессии — сам процесс. Многие ли из нас ценят то, чем мы заняты, только за процесс? Обычно людям нужны сразу результаты, а так не бывает. Если не полюбить то, что ты делаешь, никогда не будешь доволен тем, что ты в итоге получаешь.

Интерьеры, созданные им, при всём разнообразии идей, воплощённых в проектах, несут отпечаток его личности. Спокойствие, практичность, открытость. Жилища, которые он проектирует, добры к людям, они отзываются на любое их эмоциональное состояние, окружают заботой.

Семён Ардель создаёт не интерьеры, а музыкальные произведения, каждая нота в которых наполняет душу покоем.

Вот ты и дома. Вот ты и под защитой родных стен. Тебе хорошо. Ты можешь сбросить с себя груз и стать собой.

Дизайнеры интерьеров — люди не публичные. За них говорят их работы. В интернете непросто найти подробную информацию о Семёне. Но его фирму «Новое Пространство» вместе с Мариной Герасимовой — действительно знают и любят люди. Люди ценят то, что дизайнер для них сделал, потому его имя передают друг другу, как неожиданный дар. Я дарю это имя вам. Однажды вам может понадобиться человек, который видит ваши мечты воплощёнными в квадратных метрах.

Мне больше не надо было гадать, как сложить кубики. Я пришёл к Семёну и сказал:

— Послушай, только ты можешь помочь. Мне нужно построить дом. Только это не обычный дом. Он должен быть храмом. Но не местом, где молятся, а местом, где человек находит вход и выход одновременно. Это должна быть дверь, которая ведёт не просто в другую комнату, а в место, где ты находишь себя. Только за этой дверью сможешь, наконец, сказать: «Вот теперь я понимаю, кто я есть». Я знаю человека, кому нужен такой дом, но не могу увидеть картинку самого дома. Я не знаю, с чего начать и что должно получиться. Если я ошибусь в расчётах, человек никогда не сможет чувствовать себя в безопасности, никогда не узнает, что такое настоящие покой и безмятежность.

Он, пока я говорил, запустил программу на огромном экране своего компьютера, сдвинул в сторону бумаги с какими-то планами, макетами, и пригласил меня присоединиться к нему:

— Сможешь мне рассказывать о человеке, пока я буду рисовать?

И мы построили дом.

Мы построили башни.

Мы создали мост.

Мы объединили небесную высь и земную бездну. Мы примирили чёрное и белое. Мы нашли ключ и создали для него дверь. Мы нарисовали человека, хотя строили дом.

Вечером, придя в свой дом, я включил песню Дианы Арбениной «Разбуди меня»:

«Разбуди меня, искупай в самой чистой воде.

Глаза и ладони, нет лучше нигде.

И качается мост между мной и тобой.

Разбуди меня поцелуем полыни из звёзд.

Я парю в этом танце пленительно в рост.

И взрывается мост между мной и тобой.»

Теперь всё готово. Мне хватит сил, чтобы всё сделать правильно. Со мной и за меня люди, рядом с которыми я вижу, как прекрасен наш мир.

ГЛАВА 18

Место действия: сон

Статус: решающая битва

— Как? Почему? Не верю! Ты сделал всё это ради меня?

Он сражён тем, что узнал. Я отпускаю его плечо: связь между нами пропадает. Он отшатывается от меня, едва не падает, но отбрасывает в сторону мою руку, когда я пытаюсь его поддержать.

Он только что всё узнал. Я ему показал. Чуть ранее он понял, что я перехватил инициативу во сне — я не просто позволил ему попасть в мой сон, но он попал туда, куда мне и было нужно.

Он только что узнал за какую-то долю секунды то, о чём вы читали всё это время, пока мы не встретились все вместе в настоящем моменте. Прелесть снов в том, что можно мгновенно передавать и усваивать большие объёмы информации. При этом ни капли живых эмоций не теряется.

Я не собираюсь играть в героя, но, надо признать, я совершил ради него небольшой подвиг, и я отвечаю:

— Да, теперь больше не надо бояться. Всё позади.

Он не падает, но долгое время стоит с видом человека, который только что прошёл не одну тысячу километров, а в конце пути ему сказали, что результата его поисков просто не существует: обычный миф. Опустив голову и тяжело дыша, наклонился корпусом вперёд, руки на бёдрах — как у бегуна-марафонца на финише. Садиться на землю нельзя, надо продолжать стоять, хоть ноги не держат.

Я понимаю, что вот сейчас, именно в этот момент, всё кончилось. Кончилась наша битва, которую мы вели пять последних месяцев. Именно вся предыстория, всё, что происходило до этого момента, было битвой, а не то, что происходит сейчас. Сейчас момент прозрения, полного понимания. Поэтому не ждите, что я расскажу вам о том, как он напускал на меня монстров, а я сражался с теневыми порождениями его разума световым мечом, владеть которым научил меня Георгий. Это он настоящий Победоносец — это он каждый раз, как выходит на площадку на соревнованиях и становится лицом к лицу с соперником, сражается не только за себя, за страну, за тренера, за родителей и друзей, за награды. Нет, он сражается с тенями — сомнений, страха перед проигрышем. Со всеми чудовищами, которые плохих спортсменов ломают, а хороших делают ещё сильнее.

Так и мы — сражение происходило внутри, в моём сердце и сердце моего соперника. Мы сражались не друг с другом. Он сражался с собой, а я — за него. Победа досталась мне без боя, но не по причине того, что противник испугался и сдался. Он всё понял до того, как стало слишком поздно. Я увидел это только что, его взгляд постепенно светлел. Он поднял голову:

— Вот оно что. Ты не просто знал всё с самого начала, ты решил помочь мне. Ни словом не выразил свою обиду, столько времени ждал, готовился. Я... я не знаю, что сказать.

Ничего не надо говорить. Решающая битва состоялась. Счёт: ничья, и одновременно — общая победа.

Я был уверен, что всё пройдёт гладко. Столько времени ушло на подготовку. В сон я отправлялся с полной уверенностью, что вся моя команда со мной. Надёжная защита Лины Волчёнок, путеводный голос Алексея Данилина, данная мне Александром Богомоловым в виде незримых доспехов сила в теле, мыслях и в моей душе, улыбка Кати Бурской. Мои учителя тоже со мной. Умение управлять снами и контакты с другими сновидцами на новом уровне — от Лины Басс.

Умение видеть голоса и способность расшифровать звуковой код бабушки Анны и код, с помощью которого попадал в мои сны человек, ради кого я всё это затеял, — в этом мне помогла разобраться Оля Бубненкова.

Георгий Бруев научил владеть клинком. Я вот-вот нанесу решающий удар, и у моего соперника начнётся новая жизнь.

Семён Ардель. Он обучил меня едва ли не самому важному навыку. Я теперь умею, как мой прадед, создавать двери, ведущие к озеру души человека, если он сам потерял дорогу и не может найти выход. Я построю храм.

Такой была подготовка.

Я вошёл в сновидение, где сразу же отправился на тот уровень, где можно увидеть все произнесённые слова и невысказанные мысли. Зная точные координаты, я направил всё внимание на то, чтобы уловить слова, которые помогают моему сопернику попадать в мои сны. Когда услышал, не смог сдержать смех. Надо же, «31-я весна». С чувством юмора у него всё в порядке.

Дальше — дело сновидческой техники. Перекидываем линию его сна на свою, как раньше телефонистки соединяли абонентов, переключая провода. Он ничего не почувствовал. Далее — опускаюсь на собственную линию, нахожу дверь и выхожу из маленькой часовенки, которая за последние месяцы полностью обновилась и сверкает свежей краской на деревянных стенах. Я на берегу озера, на берегу собственной души. Иду к причалу, останавливаюсь над водой и зову Лину, Сашу, Лёшу. Они — свет моего сердца сейчас, моя лодка, чтобы переправиться через озеро на тот берег, где меня, я знаю, не будут ждать.

Лодка передо мной. Появилась в тот момент, как я отправил призыв команде моих ментальных защитников. Всё чётко — как в лучшем фэнтези о могущественном волшебнике. Раз — и готово.

Спрыгиваю с причала на борт, становлюсь на носу лодки и даю мысленно команду плыть на другой берег, ориентируясь на сигнал звукового маячка.

Лодка мягко и неслышно пристаёт к берегу. Я оказываюсь среди тёмных деревьев, но они не зловеще нависают надо мной, как обычно ощущается в ночном лесу, а как будто танцуют вокруг меня, защищая.

Из-за деревьев показывается тёмный силуэт. Это тот, кого я жду. Кого ожидаю.

Он подходит к воде и смотрит в неё — долго-долго. Затем решается на что-то. Не даю ему ничего предпринять, подхожу к нему неслышно и окликаю по имени:

— Саша, привет.

Он оборачивается: в глазах плещется страх и ещё что-то — досада, кажется. Но это только кажется: тучка пробежала по небу, спрятав на

мгновение лунный лик. И тени прошли по его лицу, затемнили взгляд. Через секунду он обмякает: я чувствую, как на него накатывает волнами облегчение и усталость.

После этого — финальный штрих нашей битвы. Я подхожу к нему... и не собираюсь нанести последний удар из милосердия. Я кладу ему руку на плечо, мягко и по-дружески. Я рассказываю ему всё, что происходило последние пять месяцев со мной и отчасти — с ним. Я не произношу пафосные речи, которыми привычно грешат герои в фильмах и книгах. Я просто показываю ему, передаю сигнал своего маяка, предлагаю ему напиться чистой воды абсолютного знания из озера.

Сначала он сопротивляется. Он не может поверить в то, что кто-то может ради него вот так расшибиться в лепёшку. Особенно человек, которого ему хотелось по собственной прихоти стереть из реальности.

Через какое-то время, пока я даю ему привыкнуть к новым ощущениям, он принимает правду.

— Теперь я всё понял. Спасибо тебе, Саша.

Я улыбаюсь ему.

Над нашими головами раздаются хлопки в ладоши. Кто-то аплодирует. Мы поднимаем головы.

Там, ясное дело, никого. Источник звука теперь позади нас. Очень знакомый голос.

Поздравляю вас, дорогие мои. Вы оба прошли испытание. У каждого оно было своим, но оба вы справились.

Лина? Лина Басс? Оборачиваюсь: так и есть. В этот раз в естественном облики, никаких наведённых образов. Элегантная взрослая женщина в деловом костюме, очень светлая кожа, ослепительно голубые глаза, длинные тёмные волосы. Немецкая принцесса. Родилась под знаком Рыб. Предпринимательница, прекрасная жена, хороший друг. И ещё — осознанный сновидец высокого уровня. Много сильнее меня.

Она позволяет нам насладиться эффектом и протягивает руку Саше. Я смотрю на него и замечаю, как его фигура начинает светиться изнутри, но не ярким жемчужным сиянием, исходящим от Лины, а излучением чёрной дыры.

Плотный, тяжёлый и неприятный свет, от которого тотчас хочется отвести взгляд, но не получается: он притягивает к себе, приглашает заглянуть внутрь, упасть и пропасть в этой черноте. Темнота клубится и начинает стягиваться в груди у Саши, в области сердца. Чёрный свет закручивается стремительными протуберанцами и внезапно выстреливает лучом в Лину.

Я замираю: неужели ничего не кончилось, а всё начинается только сейчас? Неужели мой соперник оказался не тем, за кого себя выдавал? Я моментально концентрируюсь и вытаскиваю из своей груди луч света и хватаю его двумя руками как настоящий меч. Меч из света. Мечта побыть джедаем осуществилась.

Слышу тихий смех. Это Лина. В её руке в виде колючего клубка та чернота, что только что вылетела у Саши из груди. Он в полном ошеломлении трогает себя руками, словно только что ощутил своё тело.

— У меня... у меня больше ничего не болит. В голове и вот здесь, — он прикладывает ладонь к левой стороне груди, — так легко. Я даже вижу иначе. Всё вокруг такое яркое и светлое.

— Это хорошо, — Лина сжимает ладонь, и между пальцев у неё стекает чёрный свет, вытягиваясь в длинные нити, сверкающие в лунном свете паутинками. Нити касаются земли и вдруг вспыхивают алым сиянием.

Лина разжимает руку. У неё на ладони — чёрная соломенная кукла. Красные ленточки обвязаны вокруг рук и ног куклы, похожей на один из предметов из ритуала вуду. Такие куклы я встречал на лотках торговцев с рынка в Того, где совершенно открыто продавали чёрную магию.

— Так ты была Адской девочкой? — Саша так называет Лину, и я, чёрт возьми, не понимаю о чём они, что выражают взглядом.

— За девочку спасибо, но ты прав. Встречался в феврале ты со мной. Я не могла позволить человеку с такими скрытыми способностями, как у тебя, попасть в руки шарлатанов. Ничем бы они тебе не помогли, они только туман наводить горазды, но вот тебе бы голову задурили. Более того, тупик, в который ты сам себя завёл, им только на руку. В нём бы и остался, но выпили бы тебя досуха, так что, как я тебе зимой и рассказывала, единственным вариантом для тебя стал бы суицид. Только с одним отличием: не тело исчезло бы, а ты сам, так и не получив того, к чему стремился. Синий кит из мира сновидений, короче.

Она показывает ему куклу:

— Видишь это? Я давала тебе её не для того, чтобы ты Сашу, — она показывает на меня, — лишил жизненных сил. Иллюзия такая у тебя сохранялась...

— Что значит иллюзия? — я прерываю монолог сновидицы. — У меня столько недель руки и ноги болели, к ним словно гири были привязаны. Мне только мой массажист и помог, да пребудет с ним сила.

— Вот как? — Лина оглядывает нас обоих с ног до головы. Сначала меня, потом — Сашу. — Не думала я, что таким сильным эффект наведённой иллюзии окажется. Прости, Жданов. Я тогда, в Гамбурге, в Ратуше, думала, что зверюшка, что за тобой гналась, — это так, шутка. А она на самом деле тебя пожевать могла. Хорошо, что всё обошлось. Теперь ты всё знаешь, я тебя хорошо обучила.

— Вот тебе точно ничто не должно было вред причинить, за тебя я ручалась, хотя, как оказалось, и не знала всего, — это она Саше. — Так поверил в то, что амулет получил, что сам начал его использовать по назначению.

— Куклу эту ты получил, чтобы на неё собрать за пять лунных циклов всю тёмную силу, с которой ты справиться не мог. Сделать это было возможно лишь в том случае, если научиться энергию с себя на внешний источник переключать. Ты так хотел жить жизнью Жданова, что про себя совсем не думал, не закикливался на себе целых пять месяцев. Боль терпел, неприятности с тобой случались, здоровье твоё было ни к чёрту, тело отказывало, но ты не обращал на происходящее с тобой внимание. Такой концентрации достиг, что сам для себя стал как выпуклая линза,. Собрал весь негатив, что за жизнь накопил, и едва не пробил им все мои защитные барьеры, едва на самом деле не добрался до Жданова. Хотя он сильный, у него двойной дар — тёмный и светлый источники в гармонии. А что было выпуклым и вбирало в себя, мы теперь сделаем вогнутым — и рассеем.

Она покачала головой.

— Как мне повезло. Вместо двух добрых дел — три сразу сделала. Пересохшую душу спасла, душе, что как полная чаша, помогла на новый уровень владения силой перейти. Да ещё того, кто погибели себе искал, даром такой силы наделила, сама того не почувствовав. Да что там сила: такой дар самоконтроля.

Посмотрела на меня и сделала круглые глаза в притворном испуге:

— Представляешь, что бы он натворить мог, если бы ты сейчас не был достаточно убедительным? В тебе сила света огромная, а в нём — предохранитель очень тугоплавкий. Не выбило ему пробки. Чудеса!

Она подняла куклу над головой и обратилась к нам двоим:

— Итак, последнюю ноту надо сыграть. Сейчас вы сможете оба сделать это как надо, не сфальшивить. Пять месяцев кукла копила в себе тёмную силу, в нужный момент я её вернула себе, пока она владельца не разорвала. Да, ты, Саша, потерял её, когда ловил покемонов в телефоне, стараясь во всём походить на Жданова. Су-джок твой, вторую форму амулета, не ветром унесло, не под машину он закатился, не ногой кто-то поддел — я его забрала. Время настало. В тот момент ты решил, что всё пропало, но всё, наоборот, случилось, в чём ты, собственно, сам уже и убедился.

Саша улыбнулся.

— Хитро вы всё придумали.

— Не хитро, но разумно. Мудро. Добра тебе желая. Ум без доброты — хитрость, никогда не стать ему мудростью. Мудрость же в том, что ты пришёл сегодня в этот сон не по собственному зову, а на зов амулета.

Именно сегодня ты был готов поставить всё на кон, потеряв то, что тебя связывало со Ждановым. Ты сконцентрировал в себе всё, что собирал в течение пяти месяцев для того, чтобы за всю свою жизнь расплатиться — раз и навсегда. Ноги вели тебя к цели. Руки сжимали амулет. Тебя направляло к этому моменту. Только голову я не могла позволить тебе потерять. Потому последней ленточки на кукле ты не видишь. Четырёх лент достаточно, чтобы запечатать в амулете то, что с этого момента больше не будет отравлять тебе жизнь.

Она подождала меня взмахом руки. Я подошёл, и только тогда увидел, что всё это время сжимал световой меч. Начал концентрироваться, чтобы вернуть его обратно, в исходную энергетическую форму намерения, но Лина остановила меня жестом руки: подожди, не надо.

— Сейчас твоё время, сновидец. Помоги человеку, ради кого ты столько работал, избавиться от тяжёлой ноши, помоги ему очиститься и переродиться. Не зря ты учился владеть клинком с хирургической точностью, хороший у тебя учитель был: я наблюдала за тем, как ты, во сне и наяву, много дней отрабатывал движение, каким можно с летящей мухи привязанную к её брюшку ленточку снять, но саму муху не задеть. Освободи Сашу.

— Что я должен сделать?

Разруби ленточки, по одной, но так, чтобы не задеть куклу.

Я кивнул, показав, что услышал. Встал в стойку, которой научил меня Георгий, закрыл глаза и в несколько размеренных вдохов собрал волю в одну точку — на острие клинка. Когда ощутил, что клинок рука держит твёрдо, мышцы не дрожат, открыл глаза и мягко взмахнул мечом, целясь в ногу кукле. Лёгкое движение воздуха, мягкая отдача клинка — первая ленточка распалась на части и растворилась в воздухе. Ещё три лёгких взмаха: всё получилось!

Лина кивнула мне, явно удовлетворённая результатом. Она подбросила куклу вверх и жестом показала нам отойти чуть дальше, образовав широкий круг.

Чёрный соломенный человечек, теперь без ярких ленточек на руках и ногах, завертелся волчком, из конечностей куклы, как пар из носика чайника, стали вырываться клубы чёрного дыма.

Дым собрался в бесформенное облако, в котором вдруг проявилось жуткое безглазое лицо. Дымное чудовище открыло рот и издало бесшумный крик, но уши у нас заложило. Я присел от неожиданности, зажав одной рукой ухо, но клинок продолжил сжимать второй рукой. Саша упал на колени, зажав голову руками. Лина стояла молча, она даже не пошевелилась.

Лицо всё шире раскрывало рот, пока не осталась только пасть, из этого чёрного зева всё лился и лился неслышный, но причиняющий

боль крик. Когда стало казаться, что барабанные перепонки вот-вот лопнут, а с деревьев начнут опадать листья и даже ветки, крик исчез.

Я поднял голову: тёмное облако исчезло. Вокруг было тихо. У Лины на лице промелькнула тень усталости и облегчения: всё же и её задело.

Кукла всё ещё висела в воздухе, но теперь её окружало лунное сияние — чистое и спокойное.

Саша медленно поднялся с земли. Его немного качало. Я всё же развоплотил меч, превратил его обратно в намерение и закрыл в собственном сердце, после чего подбежал к Саше и поддержал его. В этот раз он не стал отмахиваться от помощи.

— Главное сделано. Как говорят в сказках: долго сказывается да быстро делается. Теперь вы оба свободны. Ты, Жданов, был, впрочем, свободен и до этого, а теперь освободился и от обязательств перед своим другом. Дальше он сможет идти сам. Осталась только одна деталь.

— Дверь, — это я знал сам.

— Да, дверь. Сумеешь построить дверь для Саши, чтобы он смог возвращаться в сны и находить обратно дорогу в реальность без того, чтобы каждый раз создавать всё с нуля? Построишь ему храм в мире снов, его личные хоромы, где он сможет ощущать, что не один, что всё в мире реальности и снов, в мире фантазий и слов связано, что все мы под одним небом?

— Смогу, — я был готов к последнему заданию. — Я уже построил всё, что нужно. Если Саша готов, он может найти свою дверь прямо сейчас. Ты как? — я обернулся к нему.

— Нормально, — он выпрямился и посмотрел на меня. — Я готов. Простите, что не могу вас сейчас как следует поблагодарить, но почему-то уверен, что возможность мне ещё представится. Сейчас у меня просто нет слов.

— Обязательно.

Мы с Линой произнесли это хором. Она снова засмеялась, после чего решительным взмахом руки обрубила себя: хватит отвлекаться, пора трубить зорьку.

Она сделала царственный жест рукой в сторону куклы, о которой все забыли:

— Не уходи без неё.

Саша посмотрел на соломенного человечка, хоть тот теперь и был светлым, со смешанным чувством презрения и разочарования.

— Зачем он мне нужен? Я больше в этом глупом амулете не нуждаюсь. Он мне чуть всё не испортил, — отмахнулся он от слов Лины.

— Эх, ну кому я всё это только что почти целую вечность объяснял? — она досадливо топнула ногой. — Это теперь не тот амулет, с которого всё начиналось, как, впрочем, с самого начала им не был.

— Не понимаю.

— Понимаешь. Просто устал слегка. Мы использовали куклу, чтобы собрать из тебя всё тёмное, теперь она, так сказать, отмыта, но не как грязные деньги. Мы счистили всё, что мешало тебе жить и ясно видеть. Но кукла тебе пока ещё может пригодиться. Она долгое время была с тобой, помнит тебя, знает твой код и может помочь тебе попадать в сны, как ты это делал до настоящего момента по ключу, настроенному на Жданова. Дальше, как ты понимаешь, делать тебе этого не стоит и не получится. Свой код ты пока не обрёл, потому что тебе нужно многому учиться. Поэтому возьми куклу: она приведёт тебя туда, где ты захочешь побывать. Если захочешь. Решишь больше не связываться со снами на таком уровне — просто оставь где-нибудь куклу, которая в реальном мире так и останется шариком су-джок. Разорви с ней физический контакт и ментальную связь на некоторое время. Когда связь ослабнет, шарик развалится и исчезнет. Ты будешь свободен жить жизнью без всяких ночных вылазок в Ультар, Заковию или Нетландию.

Саша некоторое время смотрел на куклу. Она висела совершенно неподвижно примерно на уровне его лица. Подойдя к амулету, он аккуратно взял его и сунул в карман.

— Понял. Возьму, чтобы она чужой сон не портила. Потом решу, что с ней делать.

Лина кивнула, явно довольная решением.

— Всё, что я могла здесь для вас сделать, я сделала. Мне пора. С тобой, Саша, надеюсь ещё увидеться, а с тобой, Саша Жданов, мы обязательно увидимся в самом скором времени. У меня для тебя есть сюрприз. Награда, которую ты заслужил. Прекрасно подойдёт твоему дару. Пока не скажу: скоро сам всё увидишь и поймёшь. До встречи во снах.

Она хлопнула в ладоши, и не успело умолкнуть эхо, как она исчезла, словно её и не было всё это время с нами. Кстати, она вполне могла всего лишь присниться нам, тогда как на самом деле в это время она занималась какими-нибудь важными делами совсем в другом месте.

— Ну что, готов? — я посмотрел выжидающе на Сашу, внутренне готовясь к отказу.

— Да, готов, — он выпрямился. — Куда надо идти?

— Смотри, не надо заставлять себя делать всё сразу. Если ты сейчас не в состоянии, после того, что произошло, совершать ещё один подвиг и проявлять чудеса самоконтроля, то давай в другой раз. Я тебе приисню, когда настанет время, и всё покажу.

— Нет, не вижу причин откладывать. Ты столько для меня сделал. Я не могу сейчас сказать: ну всё, пока, увидимся. Сделать вид, что ничего не было, и постараться забыть произошедшее. Надо пройти весь путь, который я заслужил, до конца.

— Хорошо, тогда хочу, чтобы ты знал одну вещь, прежде чем отправишься к двери. Ничего не бойся. Если вдруг испугаешься, значит, не готов. Если станет страшно, посмотри вверх и вспомни, о чём только что сказала Лина. Мне эти же слова недавно сказал один важный для меня человек, кого я, к сожалению, лично не успел узнать, но он мне очень дорог.

— Прости меня, что и я тебя не успел узнать с правильной стороны. Я старался тебя копировать, но только внешне. Я и представить не мог, какой ты на самом деле, за этим образом лёгкого человека.

— Ещё узнаешь. Мы теперь сможем видеться чаще, и при этом не бросаться друг на друга с мечами.

— Да уж, — он улыбнулся. — Если не принимать во внимание, что с мечом как раз был готов броситься на меня ты.

Он протянул мне руку. Я понял его жест и пожал её.

— Теперь дружба по-настоящему?

— Да, Санька, теперь всё будет взаправду.

— Так что мне надо делать?

— Просто иди к озеру и ступай на воду.

— Как Иисус?

— Как канатоходец, скорее. Представь, что ты стоишь на канате, натянутом над ареной цирка. Сосредоточься на точке соприкосновения ноги с канатом. Смотрел фильм о канатоходце, который в 1978 году прошёл по канату между башнями Всемирного торгового центра?

— Да. Это «Прогулка». О Филиппе Пети. Очень понравился фильм.

— Вот и здорово. Сейчас тебе придётся побыть немножко Пети. Ну, давай, иди.

Он подходит к озеру, оборачивается, смотрит на меня, потом кивает, будто в чём-то согласился с собой, и делает шаг на водную гладь.

— До встречи, — только и успеваю сказать я вслед, как он исчезает.

Я очень надеюсь, что я всё сделал правильно, всё, как успел мне за короткое время рассказать и показать на примерах Семён Ардель. Он очень хороший дизайнер, но я — я Саша Жданов, и до этого дня никогда не пробовал себя в роли, привычной Семёну.

Я очень старался поставить себя на место клиента, то есть Саши, которого я только что отправил или на смерть, или к новому перерождению.

Что, если он не поймёт моих ухищрений показать ему с помощью капельки сновидческой магии, каким может быть идеальный храм, то есть хоромы, единственный дом для человека, который долгое время скитался, заглядывая в чужие окна, но не стремился ощутить уют собственного жилища?

Когда я проходил краткий курс интерьерного дизайна у Семёна, я пытался понять, как ему удаётся, видя только ключ, то есть клиента, за самый

короткий срок находить единственно подходящую этому «ключу» дверь, а помимо этого, ещё и представлять себе в мельчайших подробностях пространство, которое будет за этой дверью. Такое пространство, чтобы человек, после долгого рабочего дня или ещё более продолжительных странствий, заходил в дверь и с порога ощущал: вот он, вот мой единственный, родной дом, место, где я могу быть самим собой, место, похожее на меня.

Семён это умеет прекрасно. Смогу ли я повторить его успех всего один-единственный раз?

Он чувствует кожей прохладный воздух, как бывает ранним утром. Под ногами пружинит узкая металлическая балка. Он замечает, что она ярко-зелёная. Это первое, что он видит после того, как, сделав шаг на поверхность озера, оказывается в новом месте. Здесь светло, очень свежо, вокруг его тела танцуют султанчики озорного ветра. Здесь балка — она уходит на много метров вперёд. И находится на огромной высоте.

Он оказался, как и говорил ему Саша Жданов, в роли канатоходца. Только Жданов не говорил, что придётся в буквальном смысле слова ощутить себя Филиппом Пети. В первую секунду он ощущает приступ паники, глянув вниз. Там, метрах, кажется, в двухстах под ним — тоненькие ниточки улиц, вроде бы парк с фонтаном, какая-то площадь, люди, машины — как знаки препинания в тексте.

«Боже мой», — успевает он подумать, прежде чем выставить руки в стороны, чтобы удержать равновесие: голова zakружилась моментально.

Так он стоял несколько минут с закрытыми глазами. Наконец решился и медленно открыл один глаз, за ним — другой. Несколько раз глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Сердце перестало колотиться, руки — потеть, а ноги — дрожать. Успокоившись, осторожно оглянулся через плечо: там клубились чёрные тучи и возвышалась, уходя в небеса, настоящая Тёмная башня. У её подножия — алыми покрывалами раскинулись шпалеры розовых кустов.

«Стрелок, где же ты? Спаси меня», — подумал он и вдруг всё понял.

Да, блинский блин! Долг. Защищать других. Побороть страх в сердце. Избавиться от сомнений. Продолжать свой путь, как бы сложно ни было. Ему предложили ощутить себя Стрелком Роландом. В этот же миг он понял, что ждёт его в конце пути. Надеялся, что понял. Это ощущение придало ему сил и вселило уверенность.

Так, назад идти нельзя. Там всё начнётся сначала. Значит — только вперёд!

Теперь он смог рассмотреть, куда ему предстоит идти. В тысяче световых лет от того места, где он стоял на металлической балке яркого

травяного оттенка, возвышалась другая Тёмная башня. По внешнему виду — обычный небоскрёб, только весь из чёрных зеркальных окон. Впрочем, в этих окнах ничего не отражалось.

Балка тянулась к одному из окон у самой крыши. Вниз этажей 80-90. Лучше не считать.

Итак, придётся идти от того, что ты есть, от связывающего по рукам и ногам чувства долга, в который сам не веришь, к себе, каким ты станешь. Предстоит выбрать одну из множества возможностей. Но прежде нужно победить страх и смело взглянуть на себя со стороны. Познать себя таким, какой есть. Принять и примириться.

Что ж, надо идти вперёд. Не спешить. Как раз будет время, пока дойдёшь до небоскрёба, избавиться от всех лишних мыслей и иллюзий, очистить разум, скинуть весь лишний груз вниз.

«Только бы мой груз, упав с моих плеч, никого не пришиб», — сказал он вслух. Прислушался к тишине вокруг: ни отдалённых раскатов грома от туч, льнущих за его спиной к Тёмной башне прошлого, ни шума городских улиц снизу, ни птичьих криков. Совершенная тишина. Благодать полная: только человек и всё, что ему мешает жить. И между одним и вторым — единственная дорога. Узкая, но, к счастью, прямая. Никаких более посредников: всё зависит от личных решений.

Он улыбнулся и сделал первый шаг.

Шёл медленно, осторожно ступая с пятки на носок, стараясь ощутить малейшую вибрацию балки всем телом, услышать сердцем её настроение и готовность принять его вес.

Чем дальше, тем легче было идти. Он ощущал, как с каждым шагом с него спадает тяжесть. Это как избавиться от оков, которые носил всю жизнь, и впервые ощутить настоящую лёгкость в теле.

Шаг — долой чувство фальшивой вины. Другой — прочь чувство ложной скромности. Третий — больше нет желания держаться в тени и не высовываться. Ещё — пропала зависть к чужим успехам. Ещё — отпали сомнения в собственных силах.

Если бы мог — побежал, только бы побыстрее ощутить, как с него спали все его незримые доспехи, которые столько лет не защищали его, а скрывали от него настоящий мир, реальную жизнь. Но спешить нельзя. Нужно успокоиться, достичь полной сосредоточенности, иначе всё окажется зря. Столько усилий ради него: нельзя дать им пропасть.

Он останавливается. Поднимает голову к небу. Над ним огромным звёздным покрывалом Млечный Путь. Где-то там всё, что он сделал и только собирается сделать, все его слова — высказанные и ещё не рождённые, каждая мысль, каждая ниточка, тянущаяся к близким людям, от них к другим, и так вся вселенная — в тонкой связи.

Небо даёт ему чувство столь необходимого в данный момент покоя. Он уже совсем перестал думать о высоте, о бездне под ногами. Теперь же он избавился и от суеты. Достиг совершенного покоя. Самое время открыть дверь.

Чёрные зеркала небоскрёба всё ближе. В них по-прежнему никаких отражений. Только в том окне, в которое уходит зелёная балка, он видит себя. Фигурка всё приближается, становится всё ближе.

Он у самого окна. Прошёл! Смог! Получилось!

Так, а что делать дальше? Никакой двери не появляется.

Он решает прикоснуться к чёрной зеркальной поверхности. Рука отражается в стекле и проходит сквозь него.

Прекрасно, вот и дверь. Она просто скрыта. Или ещё не открылась, потому что не пройден обряд инициации с дверью.

Он протягивает вторую руку. Она уходит в чёрное зеркало почти по локоть.

Надо сделать ещё один шаг. Вряд ли там снова зелёная балка и ещё километр пути до следующей башни.

Он делает шаг вперёд.

Он стоит посреди круглой комнаты. Со всех сторон зеркала, в которых он видит свои бесчисленные отражения. Эти отражения окружают его. В каждом из них его что-то смущает. Вроде бы это он сам, но какие-то детали мешают рассмотреть ясно, в чём причина его смущения. Стоит ему подойти поближе к отражению, чтобы всмотреться, как оно вдруг начинает рябить или просто становится мутным.

Понятно, это как в сказке. Вот тебе твоя принцесса, если сможешь найти её среди фантомов. Опознаешь, кто твоя Настенька, отпущу тебя и её, ошибёшься: тебя съем, а она женой мне будет.

Он закрывает глаза и вслушивается. В голове через какое-то время начинает звучать музыкальная нота. Он не ходил на сольфеджио и нот не учил, потому не может определить, что именно он слышит. Зато он знает, что слышит: это его ключ. До сих пор он попадал в сны по чужим ключам. Последние пять месяцев его вёл голос куклы. Теперь он, кажется, впервые услышал свой ключ. Музыка, что звучит у него в голове, ему нравится. Она по звучанию немного азиатская, что ожидаемо.

Ноты повторяются снова и снова, как радиосигнал. Как маяк. Чем ближе к маяку, тем сильнее светит луч. Тем сильнее чувство приближения невидимой пока земли.

Он понял, что нужно делать. Его дверь — зеркало. Но зеркало не должно искажать его отражения. Он много лет избегал смотреть на собственное отражение, потому что всегда находил в нём изъяны: чем дольше жил, тем сильнее сам себе не нравился. Пора заканчивать с самоуничтожением: не полюбишь себя — кому ты вообще тогда нужен?

Ему всего-то надо увидеть себя настоящим, принять себя таким, какой он есть. Не желая быть на кого-то похожим. Только на себя.

Не открывая глаз, он начинает двигаться по кругу. Три шага, касание, нет отклика. Следующее отражение. Три шага, касание. Три шага, три ша... Пойдите, вот, кажется, отклик. Музыка зазвучала в голове чисто, ясно и громко.

Он открывает глаза.

Ну, здравствуй, Саша. Приятно с тобой познакомиться. Будем друзьями. Нам с тобой долго теперь быть вместе.

«Я нашёл себя», — думает он и делает шаг вперёд, в зеркало.

Он просыпается в своей кровати. Первый раз за много лет он ощущает себя отдохнувшим, полным сил и радостного ожидания того, что принесёт ему день. Он дома. Он теперь совершенно в себе. Конец поисков — начало пути.

Он встаёт, выходит из спальни. Каждый шаг он ощущает упругим, как будто он — мячик, и может взлететь, стоит ему подпрыгнуть.

Он подходит к окну, раздвигает шторы, впуская свет утра. За окном он видит город будущего. Его город, в котором он живёт. Город, который ещё вчера он ненавидел. Город, который предлагает ему столько возможностей. Город, который его ждал.

Он открывает окно, протягивает руку к небу и подпрыгивает, как птица, которая нашла выход из клетки.

Занавес.

ГЛАВА 19

Чуть больше года спустя

Петербург, студия нового городского телеканала

Моя душа больше не озеро. Она — огромный океан. Я стал единым целым со всеми поколениями светлых и тёмных в моей семье, наши источники силы слились, и мой дар теперь много больше, чем все совместные усилия героев фильма Кристофера Нолана «Начало».

У меня собственный Дозор — я не делю тех, кто хочет отправиться со мной на поиски приключений, на добрых и запутавшихся, потому что давать человеку определение, ставить клеймо на его судьбе — не мне. Я показываю тем, кто готов, что они могут. У меня в запасе сотни удивительных историй о том, что я видел во сне, где побывал, но я расскажу вам напоследок только одну, а остальное приберегу на потом. Вдруг эти

истории захочется рассказать кому-то, кто стал свидетелем различных необыкновенных событий вместе со мной. Закон мира сновидений гласит: в снах возможно всё, можно создавать всё, на что способна твоя фантазия, но ничем из того, что ты создаёшь, владеть нельзя, как невозможно и заявлять права на всё, что создано во мне другими сновидцами.

Моя команда. Возможно, среди них есть и вы — те, кто читает сейчас эти строки. Мы вместе становились много раз свидетелями удивительных явлений.

Люди приходили ко мне — каждый со своими надеждами, лелея мечту изменить свою реальность через сны. Однажды — рано или поздно, но каждый из них — понимает, что в том мире, где я теперь, как дома, обычные человеческие страсти подобны ряби на поверхности стакана с водой, появившиеся, когда где-то очень далеко пролетел большой самолёт и оставил о себе воспоминание в виде звуковой волны. Тихий писк — всё, что остаётся в этом мире от игры во власть, влияние, в захват территорий. Волна, которую не видно.

В снах нет территорий, которыми можно завладеть, потому что там нет ничего помимо человеческой воли, фантазии и разума. Там есть любые возможности, но все они длятся лишь мгновение. Сны можно создавать, в сны друг к другу можно ходить в гости, сны связывают временные линии и открывают возможность для общения с любым человеком, когда-либо жившим на Земле. Возможно всё, но нельзя владеть чужими снами, можно только становиться их частью, но на добровольных началах: любая из сторон может аннулировать желание видеть кого-то не из своего сна в любой момент.

Переходить с уровня на уровень осознанных сновидений, создавать иллюзии реальности на любом расстоянии, даже если человек, для кого я навожу мост из яви в мой сон, находится на другом континенте или летит к Марсу. Путешествовать во времени: без «ДеЛореана» и Дока, замечу. Я создал себя заново. На совершенно ином уровне.

До сих пор, спустя год и пару месяцев после памятных событий, меня, в хорошем смысле слова, штормит.словно мне покорились две стороны вселенной: явь и сон. Любые путешествия доступны. Только выбирай. Есть в этом немного гордыни, но я предпочитаю называть чувство, от которого меня распирает, общей гордостью всех, кто был со мной, кто остаются моими друзьями, и всех, кто только ими станут.

Главы отделения по Центральной России и Северной Европы Всемирного министерства сновидений посвятили меня в до сих пор непривычное звание Магистра снов. Да, не высшая ступень, но я и не стремлюсь занять место среди высших иерархов: достаточно вспомнить несчастного Гесера, из московского Ночного Дозора. Мне пока с головой хватает тех возможностей, что открыл я сам и что были даны

мне свыше. Очень рад тому, что среди иерархов оказалась моя хорошая знакомая Лина Басс. Она давно искала повод проверить меня, и ей предоставился замечательный шанс. Я рад всему, что со мной произошло в прошлом году. Я сделал даже больше того, о чём говорил мой прадед.

Сегодня я буду говорить о книге, которая родилась в моих снах за минувший год. Впервые говорить о ней как о состоявшемся факте, как о реальном явлении. Также расскажу о новом телеканале, который только начал работу. «78», как планируется, станет окном в городскую жизнь. Не просто новости, не просто прямые эфиры и интересные гости в студии. Это возможность посмотреть на город в прямом эфире, выглянуть прямо из окна, то есть из телеэкрана или монитора, и услышать настоящий голос Петербурга. Сегодня город и эфир говорит голосами и радуется улыбками моих друзей — ведущих «Полезного Утра» Ольги Марами и Ильи Михайлова-Соболевского, Дмитрия Пустового и Елены Маевской-Чирицкой!

Приятно и то, что телеканал время от времени будет обращаться к горожанам моим голосом и с моей эксклюзивной подачей: я теперь ведущий рубрики и рассказываю о своих путешествиях по планете. В этой новой для себя роли я чувствую себя прекрасно. Озеро моей души, океан моих чувств становится огромным, как Млечный Путь. Я с каждым из вас, петербуржцы. А пока в перерыве между работой на ТВ и поездками — я мчу на любимую радиостанцию и говорю просто: «здравствуйте».

— Здравствуй, Петербург. В эфире программа «Наш человек». С вами ведущие Алексей Данилин и Юлия Красикова.

Вступает Алексей.

— Сегодня у нас в гостях наш человек во всех смыслах: Александр Жданов. Здравствуй.

— Добрый день, Леша и Юлия. Здравствуй, Петербург.

— Наш сегодняшний гость не только коренной петербуржец и интересный человек, кому есть, о чём нам всем рассказать. Он теперь еще и ведущий рубрики на ТВ. Впрочем, это был до настоящего момента секрет, который раскрыт. Прости, Саша.

— Ничего, Алексей. Мне есть чем ответить тебе на это.

Подключается Юлия.

— Мальчики, не ссорьтесь. Помиритесь друг с другом прежде, чем придёт время ложиться спать. Нельзя засыпать, не помирившись.

Мыжимаем друг другу руки. Демонстративно. И улыбаемся при этом.

Снова Юля:

— Вот и прекрасно. Можем перейти к главной теме нашей программы.

Черёд Алексея:

— Да, сегодня мы собрались по особому поводу. Саша, объяви сам, воспользуйся шансом.

— Спасибо, Алексей. Действительно, сегодня весьма волнительный повод: друзья, из типографии на днях приедут сигнальные экземпляры моей новой книги. Она называется «Игра в себя».

Алексей:

— О чём же она?

Юля уже намекнула: она о снах и о том, как они влияют на человека наяву.

— Путешественник начал писать мистику. Пережил духовное откровение где-нибудь в Индии или Африке? Сейчас модно писать книги, в которых человек, сбегая от бытовых проблем, отправляется куда-нибудь в поисках Шамбалы.

— Думаю, всё не так просто. Саша сейчас сам всё расскажет. Санька, жги!!.

— Прочитать книгу совсем скоро смогут все желающие. Она свет-вот появится в продаже в каждом книжном магазине. О чём книга? Если в двух словах, она о том, как важно в современном мире, где столько возможностей, не придумывать себе никакие образы, а, по возможности, оставаться собой, потому что настоящая жизнь прекрасна и удивительна: надо лишь перестать хотеть походить на кого-то и раскрыть собственный потенциал. Потенциал есть у всех. Вот я теперь умею путешествовать ещё и во снах, так что ко всем странам, что я посетил на Земле, скоро добавится немалое количество территорий из сновидений. Там, как вы понимаете, пределов фантазии нет.

— Ты хочешь сказать, что сны так же реальны, как вот наша студия, к примеру?

— В каком-то смысле да, Юля. Только во снах я из этой студии за одно мгновение мог сделать, например, восточный базар, или засадить полстудии невиданными цветами. Или мы все, включая операторов в студии, оказались бы в лесу, на берегу озера.

— Было бы неплохо, — Алексей делает мне знак, что надо ускориться перед рекламой. — Показать ты нам это, к сожалению, не сможешь, потому что нам нельзя спать на работе. Можешь как-то доказать, что ты способен путешествовать во снах?

— Да, конечно. Я могу рассказать вам и всем нашим зрителям, что человечество ожидает в ближайшем будущем, но тогда я нарушу одно из правил мира сновидений: твои сны — твои варианты. Ты можешь делиться тем, что пережил во сне, теми эмоциями, которые ощутил,

даже тем, что ты понял о себе и твоих отношениях с близкими тебе людьми, но прогнозы лучше не делать. Сны — явление момента. Вот я могу сказать вам, что в будущем доллар снова будет по 80 копеек и посоветую не хранить сбережения в валюте, а вы меня послушаете — и совершите ошибку. Всё, что я видел в будущем, — это совершенная правда, но только будущее это — в моей версии. У каждого из нас будущее своё — и только вместе мы создаём его таким, каким будем видеть наяву, а не во сне

— Немного похоже на страшилку из «Чёрного зеркала», — Юля демонстративно подёргивает плечами, будто ей холодно. — Как будто люди — части одной большой машины, и она, подпитываясь их снами, что-то там такое создаёт.

— Ну, это точно не «Скайнет», если ты говоришь о таком машинном разуме.

— Как никто из нас не Арни-Терминатор, даже уже сам Шварценеггер, — вставляет реплику Алексей.

— Хорошо, тогда скажи вот что: зачем люди видят сны? — Алексей задает отличный вопрос.

В этот момент в его голосе я слышу знакомые интонации, те самые нотки, что вели меня, как путеводная нить Ариадны вела «Калипсо» через бурные воды полусна-полуяви. Я так же, слыша в голове голос Алексея, понимал, когда начинается сон и какая она — граница между этим миром, в котором я сейчас сижу в студии, и тем, где я разговаривал с собственным прадедом.

— Это прекрасный вопрос, Алексей, — я, надеюсь, что мои слова услышит каждый, кто сейчас слушает эфир, а после и те, кто увидит его в записи в интернете. — Сны люди видят, что быть самими собой, чтобы не играть наяву роли, забывая о том, кто есть они сами. Сны нам даны для того, чтобы нам никто не мешал научиться одной простой вещи: любить себя таким, какой есть, со всеми мыслями и фантазиями. Сны никогда не обманывают, сны говорят нам о том, где мы ошибаемся и что надо сделать, чтобы найти свою дорогу или вернуться на неё, сбившись за годы жизни с пути. Сны — это то, без чего не понять, как же прекрасна настоящая жизнь. Чем удивительнее ваши сны, тем интереснее может быть ваша жизнь. Сны — это сигналы. Я их только начал расшифровывать, только начал понимать, что это такое — по-настоящему быть, а не казаться. Теперь готов поделиться всем, что узнал, с вами. Давайте учиться понимать себя, и тогда наше будущее будет таким, что его не нужно будет бояться.

ЭПИЛОГ

Вот и всё. Точки расставлены, игрушки разложены по местам, свет зажегся, а зал опустел. Никто не погиб и даже серьёзно не пострадал, потому что с самого начала так и было задумано. Если вам хотелось более острых ощущений, не стоило и начинать книгу, в которой автор позволил себе очень много личного, но при этом в душе его — мир и покой, значит, там нет места чьим-то страданиям.

Книга создавалась для конкретной цели: помочь кому-то, кто в этом нуждается, понять, что, даже если в жизни иногда бывает всё плохо, хочется не просто изменить что-то или изменить себя, а начать всё сначала, поставив крест на нынешней попытке, это хорошо. Да, всё так: плохо — значит хорошо. Ваше состояние обязательно станет сигналом для кого-то, потому что никто не одинок, никто не приходит в этот мир для того, чтобы пропасть в одиночку. Всё зависит от нас самих. Мы решаем, закрыться ли от всего мира или всё же оставить тропинку — для себя и для тех, от кого мы втайне ожидаем помощи и поддержки. Эта тропинка — наши сны, и они здесь главные. Они — настоящие, а не книжные фантазии о чужой жизни. Я был с вами предельно честен, и надеюсь, что, прочитав эту книгу, те из вас, кто предпочитал играть в себя, вместо того, чтобы жить настоящей жизнью, перестанут себя обманывать. Всё в нашем сердце.

Для финала я выбрал не свои слова, потому что сказал уже и так много. Я хочу, чтобы вы поняли важные вещи о своей жизни. Даже если я для вас не авторитет, то вот Джим Керри — точно человек с именем. Он умеет быть смешным, но при этом умеет говорить вполне серьёзные вещи. Правдивые вещи. Давайте расстанемся на том, что и вы, и я с этого момента не будем терять ни секунды из отпущенного нам времени. Перестанем завидовать другим и ждать у моря погоды: пора жить, а не играть в жизнь. Потому что...

...всё, что мы сделаем в этой жизни и получим от неё, сгниёт и распадётся на мелкие кусочки. От нас останется только то, что было в нашем сердце! Станьте свободным от любого беспокойства человеком. Что вам дадут деньги и слава, к чему стремятся столь многие? Что такие люди, скрывающие себя за внешним блеском, значат сами

по себе? Что, если они однажды всё потеряют? Что останется? Никакое богатство не заменит того, что чувствует человек, проживая свою жизнь с вдохновением, когда он живёт не ради игры в кого-то, кого он считает своим «я», а ради того, чтобы признать себя настоящего, принять, полюбить и дать себе шанс.

То, как мы влияем на других людей, — самое ценное, что у нас есть! Сколько добра мы можем делать каждый день, уделяя внимание мелочам и чувствам тех, кто нас окружает... Наши сиюминутные решения — результат выбора. Нам каждый день приходится выбирать между любовью и страхом, между тем, что нам хочется делать на самом деле, и тем, что нужно. Но жизнь у нас одна, и нельзя тратить её на то, чтобы угодить кому-то!

Многие выбирают путь страха: боясь показаться странными, непохожими на других, отказываются от своей мечты. Я выбрал путь любви и ни разу не пожалел об этом. То, о чём мы мечтаем, кажется недостижимым. Кажется, будто мечта никогда не сбудется, и мы боимся просить помощи у мира. Я — живое подтверждение тому, что у Вселенной можно это попросить... И если просьба не исполняется тотчас, я всё равно уверен, что Вселенная в данный момент уже занята воплощением в реальность моего заказа.

Выбирая то, что ты любишь, ты никогда не проиграешь. Нужно понимать: выбирая более практичное занятие, ты всё равно не застрахован от неудач! Так почему бы не попробовать рискнуть и сделать то, к чему тянется душа? Не нужно бояться. Мы боимся, что о нас подумают другие, боимся поступить так, как считаем нужным. Обществу выгодно, чтобы все играли в эту игру. Но, зная правила, можно их нарушать время от времени! Только нам предстоит решать, насколько сильно страх управляет тем, что мы делаем. Жизнь слишком быстротечна, чтобы жертвовать любовью — к своему делу, людям, путешествиям и мечтам. Любовь может изменить мир к лучшему, страх на это неспособен!

Жизнь не случается с нами, она происходит для нас. Почему бы не рискнуть? Дай шанс вере. Я не говорю о религии, я имею в виду веру в себя и свою жизнь, веру во всё самое лучшее.

Я больше не надеюсь. Надежда — это очень сомнительная субстанция. Это прогулка по полю, охваченному огнем. Вера — то, что парит над ним! Вера — то, что даёт возможность летать.

Я верю в то, что все мы — хозяева собственной жизни и своих снов. Я верю в силу снов. Верю в то, что добрыми намерениями можно исправить даже то, что кажется безвозвратно разрушенным. Вера —

это терпение. Вера — это свет. Вера — это часть снов и часть жизни наяву, а вместе — целое «я». Вера — это свет, что может быть мечом, но чаще — лучом, который найдёт даже самую незаметную тропинку к выходу.

Когда окажетесь в своём любимом сне, присмотритесь внимательно к окружающей обстановке: где-то за вашим сном вполне могу наблюдать я, признанный Высшими Сновидцами Магистр снов I ступени, обладатель светового меча, разбивающего оковы кошмаров, обычный человек и счастливчик, у кого множество прекрасных друзей. С вами буду я, Саша Жданов. Не волнуйтесь: ваши сны — только ваши. Я, по мере сил, постараюсь, чтобы так оставалось всегда, и никто не посягал на ваши сновидения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сцена после титров

Именно эта часть должна быть настоящим эпилогом, но, выбирая между возможностью немного пофилософствовать и желанием показать ещё раз вместе главных героев книги, из соперников доросших до союзников, пришлось дать шанс и тому, и другому.

Сентябрь, год 2017. Лучший месяц в городе. Тепло и солнечно. Бабье лето. Английская набережная, любимый ресторан «Миндаль». Заведение в котором работает мой друг Маруся. Недалеко от него самый известный дворец бракосочетаний Петербурга. Марина Наумова, или шеф-повар Маруся, как её называют друзья и иногда строгие кулинарные критики. Им, правда, недостаёт строгости, и они тают, преломив с Марусей хлеб. Самый известный в Петербурге критик Борис написал о заведении Маруси и о её хлебосольности, что от неё люди выкатываются, как колобки — такие же круглые и довольные. Лично меня визиты в «Миндаль» приводят в особенное ангельское состояние: я ощущаю необыкновенную лёгкость, даже если Наумова, по обыкновению, увлекается, и я пробую у неё всё меню — иначе не отпустит. «Миндаль» — лучшее место, для встреч с друзьями, если вам столько хочется рассказать: как раз хватит времени, чтобы, по обыкновению, попробовать всё, чем Маруся будет угощать.

Я несу с собой букет ромашек: она их очень любит. Она вообще обожает цветы, как и я сам — в этом мы очень похожи! Мы собрались вместе как-нибудь побывать в Японии или Тайланде — и обязательно это сделаем.

Я иду и думаю о том, что все наши путешествия, встречи и адреса, где мы встречаем важных для нас людей, — всё это части одного большого замысла. Замысла высших сил на наш счет. Сны и реальность — две стороны одного и того же. Если смотреть широко открытыми глазами, то каждый день ожидают сюрпризы.

У меня с собой совсем новая книга из серии Сергея Лукьяненко о Дозорах. История о светлом маге Антоне Городецком, волшебнице Ольге, их начальнике Гесере, о Ночном и Дневном Дозорах давно стала частью городского фольклора. Эта реальность, хоть и придумана она была одним человеком, уже много лет не его собственная фантазия, а новая иная реальность, к которой каждый день присоединяются люди — обычные и иные. Первые читают взахлёб, как я, книги о Дозорах, вторые, как, например, Аркадий Шушпанов, пишут книги, развивая вселенную. Если вселенная Дозоров продолжит жить, к ней со временем присоединятся все большие и малые города и страны, но самое интересное в другом. У каждого есть шанс стать частью этой вселенной: силы есть в каждом из нас, мы все способны творить собственные миры и становиться частью миров, созданных другими.

Петербург — это моё. Я всегда хотел ощутить его энергетические потоки на каком-нибудь новом уровне, на ином. Хотел стать одним из Иных в Дозоре. Стать частью современного мифа о другой стороне жизни города — это здорово! С Аркадием Шушпановым я общался в Сети время от времени. Как только я узнал, что он пишет книгу о Дозорах, предложил себя в качестве персонажа. Был готов принять любую сторону... и он мог мне дать эпизод, где-нибудь в начале, чтобы меня сразу переехал трамвай, пока Аннушка ещё только думала пролить масло. Аркадий даже примерно пригрозил сказав: что напишет, без проблем, но героя в расход пустит.

В его книге «Книжный дозор», я обнаружил героя с такой же фамилией, как у меня. Тёмный дозорный Жданов. Можно иногда, ради шутки, представляться так. Этим обязательно надо поделиться с тем, к кому я спешу на встречу.

— Санька, привет, давно ждёшь?

Он с широкой улыбкой выбирается из-за столика, чтобы пожать мне руку.

— Нет, минут десять от силы. Так-то, конечно, давно: почти год тебя лично не поймать было.

— Чтобы фотокарточку отдать?

— Чего? — он смотрит на меня с непониманием.

— Шутку из мультика о Простоквашино вспомнил. Фоторужьё, помнишь? Ты меня как раз «щёлкнул» где-то год назад, потом сам взял большую паузу в нашем общении. Только в январе написал мне, до этого на сообщения не отвечал.

Много о чём подумать надо было. Время не терял. Сейчас расскажу.

— С Марусей уже познакомился? — я усаживаюсь за стол. Справа от себя кладу книгу, слева — букет для Маруси.

— Что это у тебя? — тянется к моей книге.

— Представляешь, я попал в текст о Дозорах!

Подталкиваю ему книгу. Он осторожно листает страницы, держа том раскрытым латинской буквой «v», чтобы корешок не поехал. Осторожное, даже ласковое обращение с книгами — его отличительная черта. Не единственная и не главная, но много о нём говорящая.

Как-то так ему удаётся сразу открыть на нужной странице.

— Смотри-ка, здесь ты из Дневного Дозора. Тёмный, значит. Мы с тобой в этой вселенной местами поменялись. Раз есть ты с обратным знаком, надо мне будет и себя поискать.

Сейчас он может говорить об этом легко, а год назад он едва не сломал себе жизнь. Мой тёзка по непонятной ему в его нынешнем состоянии причине хотел украсть мою жизнь, для чего задумал и в одиночку почти осуществил невообразимую для обычных людей операцию. Даже мне, с моей способностью управлять снами, такое было не по силам в одиночку. Только вместе с командой я смог исправить ситуацию, прежде чем всё зашло слишком далеко.

К нам подходит импозантный официант Сергей Столяров, который работает в «Миндале» с самого начала и постоянные клиенты его тоже очень любят, особенно за грациозность, с которой он лавирует между столиками и при этом не забывает ни один заказ: сейчас я делаю свой заказ по памяти и прошу минут через десять позвать к нашему столику шеф повара Марусю. Я надеялся, что она будет в зале, так что я сразу вручу ей цветы, но она пропадает где-то в недрах заведения — раздаёт указания. Официант кивает и уходит, забрав меню.

— Так вот, что я рассказать тебе хотел. Когда меня отпустило и я, благодаря тебе, научился иначе относиться к себе и осознал, чем владею, каким даром. В общем, начал получать удовольствие от создания сновидений... Когда помирился с собой и понял, что ты на самом деле для меня сделал, то открыл в себе способность работать со сновидениями.

Саша задумался и посмотрел в окно. На город опускались сумерки. Дожди, кажется, решили на время уступить место хорошей погоде. Идеальный вечер.

— Я вот о чём подумал. Я не просто там почти перешёл на тёмную сторону, примерил шлем Дарта Вейдера. Это было бы даже неплохо,

тем более я всегда симпатизировал этому герою. Как и ты: знаю-знаю. У меня было всё гораздо хуже. Даже пошло и безобразно, в каком-то смысле. Как «Чужой. Завет». Я, как и Ридли Скотт, тронулся умом, но не на старости лет, раз позволил себе вынашивать в каком-то смысле в собственном теле личинку Чужого. Думал, что стану сверхсуществом, живу прекрасной жизнью, буду неуязвимым.

Я смеюсь. Он смотрит на меня, и на секунду на его лице появляется тень из прошлого. Так он смотрел год назад. Постойте, какой год: прошло уже полтора года с той памятной встречи в ресторане «Счастье» на Петроградской. Через секунду темнота уходит из его взгляда, и он присоединяется ко мне.

— Я не зря про последнего «Чужого» вспомнил. Слушай, какая засада, а?

Я очень хорошо его понимаю. Была бы моя воля, приснился Ридли Скотту и напустил на него кошмары:

— Столько лет ждать, столько лет бояться Чужих — неуязвимых чудищ из иного мира, где нет места человеку. И всё ради того, чтобы сходить на новый фильм, обалдеть, сидя в зале, от тупости героев. Но даже не это раздражает больше всего, и даже не Дэвид с наивным братцем и флейтой. До слёз обидно было за Чужих, когда узнал, что они всего лишь человеческие игрушки, и у них есть пастух — киборг. Ещё один сладкий страх детства стал разочарованием. «Звёздные войны» стали капустником, ещё «Хищника» осталось испортить. Он ведь скоро, новый, да?

— Вроде в следующем году.

— На самом деле, мне есть чем тебя порадовать, — я спешу рассказать главную новость, пока не принесли заказ, а там и Маруся появится: будет не до серьёзных разговоров, тем более таких, что касаются только нас двоих.

— Что, новая книга готова? Так ты мне сегодня днём ссылку на свой эфир на «78» присылал. Новый канал, новая книга. Кстати, и ты там ведущий. Рубрика Путешественники, в которой ты рассказываешь о городах и странах? Понравилось на телевидении, вижу. Сам эфир ещё не посмотрел: не до того было, прости...

Мы продолжаем общаться, а на город опускается прекрасная волшебная ночь. Мир реальности приглушает свет и звук и приглашает в сны. Там возможно всё что угодно: световыми мечами разрушают чары тёмных волшебников, над пустыней Намиб сверкает алебастровый глаз Луны и древний океан навевает покой, созвездие Змееносца сворачивается в сверкающую спираль, люди встречаются, чудеса случаются.

Над тёмной Невой, прямо над разводными мостами, мигая стоп-сигналами, парит медленно и торжественно, как бригантина с алыми парусами, ослепительный красно-оранжевый, цвета красного апельсина,

«Porsche Cayenne». Боковые передние окна опущены, из салона доносится тихая музыка: «Don't Dream Its Over» в исполнении «Crowded House».

Что это? Почему «Порше», а не летающий «Делореан», к примеру? Это не мой вариант: на той машине летали совсем другие герои, и это было фантазией другого человека. У меня — всё своё, нет пределов фантазии.

Моя история не окончена, но я отправляюсь не назад в будущее, а обратно в мир снов. Только не забывайте: в снах каждая деталь имеет значение. Всегда ваш друг и сновидец Жданов Александр...

Январь 2016 — август 2017

Друзья!

Без вас выпуск этой книги, которую вы держите в руках был бы невозможен. Благодарю каждого!

*Если вам она понравилась, вы хотите сказать спасибо и поддержать выпуск следующей книги, это будет прекрасно!
Любая сумма от вас очень поможет!*

Карта:
5559 4927 5254 4893

Яндекс.Деньги:
410014 8536262

Paypal:
solusboy@mail.ru

Выражаю свою благодарность моим родным, друзьям и коллегам. Без вашей помощи не было бы столько положительных эмоций: в жизни, работе и творчестве!

Большое спасибо:

Абдулу Магомедову — за то, что ты никогда не унываешь и всегда можешь выручить в любой ситуации

Алевтине Лепешкиной — за режиссерскую работу, цепкий профессиональный взгляд мастера и поддержку каждого участника съемочного процесса, особенно тех, кто в кадре. За то, что обучили меня правильным поворотам в нужную камеру

Александре Блохиной — за крутые шторы и знание дизайна

Александре Брусенцевой — за времена чатовок и ночных прогулок по Петербургу

Александрю Богомолу — за гармонизацию меня, массажи и обертывания

Александрю Головчанскому — за озвучку Шерлока, голос в который влюблена вся Россия, и помощь в создании чудесного подарка

Александр Горбачев — за твою молниеносную помощь в подготовке обложки и вкус к хорошим шрифтам

Александре Кутергиной — за настоящие фото истории и доброту

Александрю Никитину — за веселые видеоэфиры в перископе и хорошее чувство юмора

Александрю Приходченко — за помощь в прохождении marvel и суперумелые руки

Александрю Шульгину — за прогнозы, видение мира и Веру

Алексею Данилину — за уверенные веселые эфиры #ВПитереЖить, наши диалоги на радио о «Семи чудесах света»

Алексею Ишутину — за упертость, настоящую дружбу и поездку по Штатам

Алексею Молодкину — за культурное администрирование, особенно в дни Евровидения

Алексею Москалеву — за книгу «120 лет жизни — только начало» и советы как победить свой возраст

Алексею Петропавловскому — за второй дом для моих котов Рекса и Тигры чудесный pet отель «Лунный Кот»

Алексею Семочкину — за брутальность

Алене Беловой — за совместные годы работы на Первом

Алене Груше — за обаяние и столики на Иванушек

Алене Соколовенькой — за реализацию волшебными руками моих сумасшедших задумок.

Алине Басс — за магию, разносторонность и наше долгое общение о жизни

Алле Батяйкиной — за рокерскую душу и искреннюю привязанность к Ночным Снайперам

Анастасии Кикоть — за голос и будущее в профессии.

Анастасии Тарловой — за улыбку и оставленные специально для меня вкуснейшие булочки с маком и помадкой

Анастасии Черноволовой — за мои безукоризненные тексты и суфлеры

Анатолию Вовку — за то, что ты настоящий историк моды с чудесным вкусом и стилем

Ангелине Цыпляковой — за времена Идеальной Чашки

Анатолию Урванову — за классную операторскую работу

Андрею Зайцеву — за юмор в эфирах и любовь к рыбалке

Андрею Петрову — за молниеносную помощь и дружеское участие

Андрею Орлову — за твои интервью и рубрику «Листая старые альбомы»

Антону Жданову — за то, что ты всегда мне был как отец, за твою любовь, наше общение и братскую дружбу

Антону Ненашеву — за хороший вкус

Антону Толстову — за радио «Балтика» и самую профессиональную команду

Анюте Павловой — за наши поездки в пригород и поддержку перед моими экзаменами

Арине Егоровой — за чудесное знание языков и красоту

Аркадию Шушпанову — за чудесные Теневой, Школьный, Книжный Дозоры и мое появление в книге

Артему Дьячкову — за мои прически

Артему Медведеву — за яркое ведение эфиров

Артему Никифорову — за «Евровидение» в Стокгольме

Артуру Рыкову — за встречу в аэропорту, умение ломать стереотипы, похожую на мою комиксозависимость, твои вечные кепки и бесподобный музыкальный вкус

Борису Критику — за рецензии, критику и полезнейшие советы для всех рестораторов и посетителей. За то, что вы первым открыли публике таких поваров как Дмитрий Блинов и Иван Березуцкий

Вадику Рычкову — за продолжение моих взглядов в профессии журналиста и светского обозревателя

Вадиму Гурукену — за профессиональную журналистику и крутые статьи, интервью, рецензии и обзоры

Валерию Обогредову — за мои времена ученичества в Школе Телевизионного Мастерства и помощь в выборе профессии

Варваре Александровой — за профессиональную работу режиссера и собирание моей рубрики

Варваре Дунаевой — за помощь в издании моей фотокниги «100 wonderful countries around the globe with Alexander Zhdanov and Mikhail Zarubin»

Василию Цырлину — за любовь к гвоздикам и шарманкам

Вере Свешниковой — за коттеджи, первое знакомство и Дуэт Элизабет и Дер Тода

Вере Сережиной — за возможность жить без открытого балкона и дружеское участие в решении сложного вопроса

Вере Смирновой — за крутые сценарии и знакомство с детства

Вике Викуловой — за то, что ты всегда знаешь, как сделать все быстро и не больно

Виктории Богдановой — за помощь в администрировании и поддержании моих социальных ресурсов

Виктории Волковой — за трепетную заботу об ушах и слухе

Виктории Палиной — за крутейших лемуров и возможность их потискать

Виктору Малине — за преданность медицине и вину

Владиславу Толопило — за твое жизнелюбие и танцы

Вове Пекедову — за принятое решение, которое определяет дружбу

Вове Смирнову — за поддержку на Первом канале и действительно профессиональную работу

Гале Громовой — за празднования всем фан-клубом моих дней рождений

Галине Панкеевой — за самые лучшие школьные годы и влюбленность в литературу и русский язык

Галине Пеньковской — за дружбу и настоящую мятую

Галине Сапожниковой — за поддержку в типографии

Галине Чесаевой — за наши волшебные разговоры у Вас в кабинете

Георгию Сбруеву — за твое владение шпагой, упорство, победы и личностный пример, каким надо быть человеком

Грегори Бурскому — за то, что у тебя супер крутые parents

Грише Чуркаеву — за пилатес и мою растяжку

Даниилу Кожину — за Nespresso и обаяние

Даше Александровой — за твой профессионализм и обаяние в кадре

Даше Шоровой — за влюбленность в Канаду и незабываемый английский

Денису Ларченко — за профессионализм и встречу в Усть-Нарве

Диане Арбениной — за музыку, песни, стихи, нежность и драйв которыми покорила навсегда.

Диме Костюкову — за твой профессиональный английский

Дмитрию Блинову — за гастробар «Duo» и «TartarBar», превосходную кухню и рестораны, в которых всегда очень вкусно, стильно и эффектно

Дмитрию Коровкину — за созидание и управление радиостанцией, а также времена твоей работы на Первом канале

Дмитрию Пустовому — за влюбленность в спорт, телевидение и настоящий артистизм в кадре

Дмитрию Чекунову — за помощь в издании моих книг

Евгению Лесняку — за твой оптимизм и дружескую поддержку

Евгению Штоль — за «Cool» и твой незабываемый день рождения

Егору Горшкову — за наши юношеские походы по тусовкам и твою любовь к мотоциклам

Егору Луценко — за правильную привязанность и поддержку «Еровидения»

Екатерине Кирилловой — за крутые ТВ проекты, энергетику и особенно за программу «Такая Работа»

Екатерине Ковалевой — за похожие мечты о будущем

Екатерине Лазаревой — за прогулки по Sydney и твои чудесные блюда

Екатерине Ольшевской — за Ригу и посаженность на 31-ю весну

Екатерине Шервашидзе — за любовь к Грузии и красивый голос

Екатерине Туркиной — за няшные и вкусные капкейки

Елене Бодуэн — за талант быть настоящим крутым журналистом

Елене Боярской — за влюбленность в «Мумий Тролля», монетку в Праге и нашу возможность быть не только друзьями, но и коллегами на канале 78

Елене Газаевой — за голос и Сару в «Бал Вампиров»

Елене Гольяновой — за безболезненное попадание точно в цель и любовь к Турции

Елене Кондратьевой — за создание классной и уютной сети ресторанов «Миндаль»

Елене Львовской — за создание теплой атмосферы в сети ресторанов «Ferma»

Елене Маевской-Чирицкой — за неординарность, крутой цвет волос и улыбку в голосе во время утренних совместных эфиров

Елене Никуличевой — за Радио Балтика и твою поддержку

Елене Петушковой — за уникальную возможность появления и эффективного распространения этой книги, нереально мощную поддержку в сложные времена для меня и для всех хороших людей, искренность в разговорах и возможность общаться без доспехов

Елене Щипановой — за качественные программы и красивую картинку в эфире нового канала Петербурга

Ивану Волову — за твое будущее в архитектуре и дизайне

Ивану Ожогину — за бесконечно талантливого графа Фон Кролока, Призрака Оперы и вообще за все твои музыкальные партии

Ивану Поддубняку — за мастерство и то, что будешь всех вдохновлять балетом со сцены

Илоне Меликджанян — за безмерную заботу о брошенных и больных животных, а также веру в человечность, в людей

Илье Михайлову-Соболевскому — за профессиональное ведение утренних эфиров, наши интересные диалоги и чувство стиля в одежде

Илье Полякову — за чарующую и вдохновляющую музыку, талант, умение покорять залы, слушателей и за композицию «Нежность»

Илье Савицкому — за твой стиль и умение выглядеть сногшибательно

Инге Хаген — за Ваши способности и таланты промоутера

Ирине Андриановой — за утренние встречи

Ирине Горобченко — за isic и веселые разговоры

Ирине Кирюшиной — за понимание любых вин и хороший вкус

Ирине Матияк — за совместные университетские годы обучения на классном факультете

Ирине Гаристо — за наше детство и посиделки в гостях друг у друга

Камиле Урбан — за достойную профессию и эффектную внешность

Кате Бурской — за «Life in between», наше спасение на дороге и космическую позитивную энергетику. За то, что ты ТА, кто ты есть

Кате Курбановой — за наше общение, твой трудоголизм и умение добиваться любых целей

Катерине Галицкой — за веселую дружбу, нестандартное общение, твой оптимизм, мою возможность реализовываться и рассказывать в эфирах и в рубрике о самых волшебных странах и городах на планете Земля.

Катерине Пятаковой — за креативные верстки

Катерине Чижовой — за юношескую дружбу

Кириллу Виноградову — за самое вкусное мороженое в Петербурге

Клавдии Николаевне — за хорошее настроение и общение

Константин Трэвэлэр — за то, что стремишься покорить весь мир

Кристине Алексеевой — за то, что всегда обнимаешься при встрече

Кристине Королевой — за верное угадывание победителей и мудрость не по годам

Ксении Орловой — за классные совместные школьные годы за одной партией

Ларисе Крымовой — за профессионализм и огромный опыт в работе на Первом канале

Ларисе Пальцевой — за возвращение в ряды «Ночных Снайперов»

Леониду Аркадьеву — за пример бесстрашия и прыжок с парашютом

Леониду Перевалову — за дружелюбие и пример настоящей достойной семьи

Летисье Хади — за силу духа на пути к победам

Лиза Плащинская — за чудесный талант художника, твою первую книгу, упорство, похожесть наших историй взросления. Верю в тебя и твое будущее всем сердцем

Лилии Сидоровой — за корректуру и правку моих текстов, за годы на журфаке и подготовку к экзаменам в Колпино

Лине Волчёнок — за встречу в пути, прогулки по Усть-Нарве, завтраки в уютном «Meretare», мои эфиры на ТВ, умение видеть сложности друг друга и талант поддерживать в любой жизненный момент

Людмиле Левикиной — за «Wheely»

Максиму Бабицеву — за смелость, упорство и работу руководителем игровой платформы ВКонтакте

Максиму Бабок — за крутую админку

Максиму Кранину — за профессиональную работу сотрудником отдела по связям с общественностью и прессой телеканала Россия, а также за встречи на Евровидении

Макс Бурилов — за то, что ты настоящий и верный друг моего брата

Максу Кудрявцеву — за шедевральные видеонарезки, которые ты делаешь просто идеально

Максу Фраю — за новую веру, чудеса навсегда и путь в Ехо

Манане Гогитидзе — за колоритную внешность и внушительный красивый голос, артистизм и Хиты Бродвея

Маргарите Игоревне — за «Науку» и поддержку в типографии

Мариам Мерабовой — за твой умопомрачительный голос

Марии Адамчук — за твою редакторскую работу, журналистику и классные посты в fb

Марии Виноградовой — Gracias por estar enamorada de español

Марии Григорьевой — за классное чувство юмора и вкусную выпечку

Марине Герасимовой — за креатив, эстетичность, чувство дизайнера и «Новое Пространство»

Марии Гущиной — за организацию нереальнейших профессиональных мероприятий и Вашу улыбку

Марианне Дьяковой — за грацию и улыбку на ТВ

Марине Ждановой — за семейные узы с моим братом и поддержку его всегда и во всём

Марине Липатовой — за то, что нашла чудесного мужа и позвала классного фотографа на свадьбу

Марине Наумовой — за наши посиделки в ресторане «Миндаль» на Английской Набережной с умопомрачительным видом на Петербург, лучшую в городе грузинскую кухню, чудесные фирменные десерты и шикарную подачу сорбета, приготовленного в азоте, влюбленность в путешествия и понимание, что все встречи не случайны

Марине Хуттунен — за чистоту в доме

Мартину Маловскому — за то, что не забыл обо мне в период появления нового канала и выглядишь всегда, как настоящий мачо

Матвею — за спортивные достижения, модность, эксклюзивность и возможность быть единственным в этом списке без фамилии

Михаилу Зарубину — за совместные путешествия, влюбленность в города, страны, покорение мира, умение трижды поменять, но все-таки принять верное решение, поддержку всегда и во всем

Михаилу Киселеву — за подарок в виде долгожданной открытки с автографами

Михаилу Кравченко — за твои специальные проекты и работу продюсером в Государственном Кремлевском дворце

Михаилу Серякову — за 172-254. Твое покорение мира достойно уважения!

Михаилу Спичке — за настоящий профессионализм и владение любым вопросом и темой

Надежде Бухтиной — за симпатию, классную скидку, умения в косметологии и наши добрые разговоры

Надежде Хондожко — за уроки географии в мои школьные годы

Надежде Якушевой — за оладушки из трыни и чудесные домашние посиделки

Насте Готье — за помощь в исполнении моих просьб

Наталье Бочоидзе — за «БКЗ» и сотрудничество

Наталье Вадимовне — за превосходный музыкальный вкус, чувство такта и воспитание достойного поколения

Наталье Замураевой — за годы студенчества в СПбГУ на самом крутом факультете журналистики и подсказку: #Не Мурлычь

Наталье Рогуле — за приятнейшую ночную беседу

Наталье Солдатовой — за сильные руки, несгибаемый оптимизм и профессионализм

Наталье Ушаковой — за воспитание умненького брата

Наталье Шереметовой — за чудесный грим, макияж и позитив по утрам на канале

Наташе Ломоносовой — за то, что ты крутая

Наташе Хади — за мою лучезарную улыбку, крепкие зубы и нашу давнюю дружбу

Наталье Юрковой — за твою детскую непосредственность и дипломную работу обо мне

Николаю Корнееву — за личный пример, как можно и нужно быть профи в журналистике

Оксане Костиной — за твой профессиональный стиль и визаж и умение кардинально менять свою жизнь

Оксане Куренбиной — за времена журнала «Твой» и верный вектор в журналистике, Арт и моде

Оксане Малышевой — за годы моего сотрудничества с журналами «Ровесник» и «Все Звезды»

Оле Исаковой — за влюбленность в Испанию

Ольге Дворняковой — за магазинчик детских книг и ваше издательство

Олегу Нефедову — за наши долгие беседы на радио в прямом эфире программы «Картина Мира» и поддержку вне студии

Олесе Сазыкиной — за неординарное коллекционирование парфюмов и времена наших совместных проектов

Олесе Семка — за беззаботные времена коттеджей

Ольге Бубненко — за твои уверенные шаги в Москве, яркую карьеру, трудолюбие и достижения в шоу-бизнесе

Ольге Глушковой — за всевидящее око и поддержку с режиссерского пульта

Ольге Зорьян — за мудрые советы и классную доченьку

Ольге Ивановой — за лидерские качества во всем и рассказы о путешествии на Камчатку

Ольге Калайтан — за продвинутость

Ольге Коломоец — за магию ключей и ночную прогулку по Кракову

Ольге Марам — за очарование в утренних эфирах и поддержку интересных диалогов в общении о моих путешествиях

Ольге Савельевой — за твою классную книгу «Апельсинки» и важные посты в fb каждый день

Ольге Смирновой — за обаяние, теплоту и уютный диванчик в любимом ресторане «Счастье»

Ольге Шепель — за чудесную встречу в ресторане «Миндаль»

Павлу Бурскому — за трудолюбие, хипстерство и верный выбор жены

Павлу Строганову — за стебные комментарии моих постов с едой

Павлу Чимирзаеву — за красную курточку и любовь к пазлам

Полине Йович — за очарование и позитив при формировании моих заказов

Полине Митрофановой — за завтраки со смехом и счастье по утрам

Радику Миргалиеву — за крутые сюжеты, полезные утренние эфиры и твой веселый характер

Рафе Франко — за стебные и меткие мысли и понимание сущности любого PR

Ренату Губайдуллину — за твои интересные и крутые видео ролики

Ричарду Блэйку — за поддержку в зале и силу воли и стремление к правоте

Роману Гамазкову — за безболезненность и тончайший профессионализм

Роману Зуеву — за вечный позитив, хохолок, вегетарианство и сыроедение

Светлане Дегтяревой — за точную, скупую и бережливую бухгалтерию

Светлане Зарубиной — за талантливого сына

Светлане Зуевой — за дружескую руку помощи на занятиях

Светлане Макаровской — за совместные годы в шоу-бизнесе

Светлане Передерий — за классную работу с 11А

Селин Хади — за твою изящность и любовь к fashion

Семену Арделю — за крутой дизайн, креатив на Посадской, уникальную фирму по дизайну «Новое пространство» и суперпрофессиональную работу с любым клиентом

Сергею Артемову — за твои ответы на мои вечно лузерские apple вопросы и умение всегда быть в центре классных и дружных компаний

Сергею Городскому — за то, что ты с нами

Сергею Каренину — за своевременный пост о смене мобильного

Сергею Листову — за достойное воспитание и жизненные взгляды

Сергею Меркулову — за взаимную веру друг в друга и поддержку, за твою успешную работу в критичных ситуациях, мой сайт и красивые видеозаписи, за прогулки и чаепитие с круасанами. За то, что ты мне как младший верный братишка

Сергею Першакову — за времена на divan.ru , чатовки в Кутузове и залипание по ночам в «Героев»

Сергею Пушному — за обложки моих книг, чудесное видение кадра и психологии людей

Сергею Яковлеву — за любовь к своему городу, уникальные стикеры, помощь в программировании и то, что ты крутой дизайнер и гитарист

Сереже Хилман — за мотивацию в поддержании собственного тела и любви к фитнесу

Станиславу Логунову — за ваши собственные книги, советы по self-менеджменту и помощь в выборе деловой литературы

Тане Молоцко — за стиль и неформальность

Танюше Зорьян — за дружбу, Хельсинки, Париж, Мальме, Дюссельдорф, Копенгаген, элегантные походы во вкусные рестораны и наши нескончаемые разговоры и твоё умение слышать, слушать и поддерживать.

Татьяне Байгиной — за северный город и профессиональные навыки в строительной индустрии.

Татьяне Ждановой — за мою классную жизнь, твою бесконечную любовь, поддержку, заботу в садике, школе и университете, походы со мной на ТВ-кастинги и искреннюю веру в моё будущее известного и успешного писателя

Татьяне Коляденко — за уроки сольфеджио и адресованную лично мне улыбку

Татьяне Соловьевой — за «Разноцветную собаку» и мои первые шаги в профессии

Тимофею Зудину — за наши неоднократные эфиры

Тимур Кузавков — за твою магию и шедевральные фокусы

Taras Saint — за твой чудесный дизайн, чувство вкуса и моды, классную одежду и целеустремленность

Фанни Каплан — за arelpp.ru и прогулку по Бишкеку. Снайперизм и романтическая дерзость у нас в крови

Филиппу Киркорову — за профессионализм и настоящую дружбу

Эдуарду Тиктинскому — за действительно комфортные дома и клиентоориентированность

Эле Чинар — за память, которую храните

Элине Чугуевской — за интересные рассказы о вине и винном бизнесе

Эльвире Риа — за умение разбираться со вкусом во всем

Юле Андреевой — за привязанность к книгам Макса Фрая, влюбленность в цветы, помощь в выборе действительно красивой одежды, совместную успешную работу на ТВ, мои суфлеры и клюкву в сахаре

Юре Галкину — за классные условия абонементов и улыбку каждый раз из кабинета

Юлии Грабар — за правильные и интересные радиоэфиры

Юлии Кленус — за мой эффектный take up по утрам перед выходом в эфир и твое дружелюбие

Юле Лула — за времена концертов в Ледовом и то, что ты поверила в меня

Юле Смоленцевой — за чудесного кита и твою невероятную гениальность

Юлии Красиковой — за психологию и общение о чудесах света

Яне Чудиновских — за встречи по утрам и улыбку

I want to say my special thanks:

Andy Brabin, Lucy and Gary Taylor , Anna Chavez, Pia Pieper

Anthony Awery, Taras Saint , Tien Thomas

Joe Panchasarp, Kanoktarn Pinyochotiwong, Kinga Szollos,

Nadia Eckhardt, Riëtte Botes, Nicki D’Souza

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Предисловие</i>	3
<i>Пролог</i>	4
<i>Глава 1. Всему виной июльские дожди</i>	5
<i>Глава 2. Февраль</i>	8
<i>Глава 3. За день до этого</i>	19
<i>Глава 4. Всё ещё за день до встречи в ресторане «Счастье»</i>	30
<i>Глава 5. Примерно через час после</i>	32
<i>Глава 6. Он исчезает, мой сон</i>	39
<i>Глава 7. На радио «Балтика»</i>	41
<i>Глава 8. Книжная сеть «Буквоед» сегодня — это люди!</i>	51
<i>Глава 9. Где-то во сне</i>	59
<i>Глава 10. Март</i>	69
<i>Глава 11. Спустя несколько дней</i>	78
<i>Глава 12. Мой дар</i>	86
<i>Глава 13. Пустыня Намиб</i>	100
<i>Глава 14. Апрель</i>	114
<i>Глава 15. Май</i>	123
<i>Глава 16. Июнь</i>	134
<i>Глава 17. Июль</i>	141
<i>Глава 18. Сон. Решающая битва</i>	145
<i>Глава 19. Петербург. Год спустя</i>	158
<i>Эпилог</i>	163
<i>Послесловие</i>	165
<i>Благодарности</i>	170

Александр Жданов — Игра в себя

Санкт-Петербург, 2017

Подписано в печать: 11.12.2017. Гарнитура «Мириад».

Формат 140x205. Печать офсетная.

Тираж: 10 000 экз. Заказ № 3253

Ведущий менеджер И. И. Балагаева

Менеджер М. А. Пивоварова

Верстка Т. С. Шистка

Дизайн обложки А. Горбачев, С. Городской

Издательство «Русская коллекция»

Генеральный директор Д.Е. Кудеров

199178, Санкт-Петербург, В. О., 13-ая линия, д. 30, оф. 4

Тел./факс: +7 812 327-49-46, +7 812 327-73-00,

+7 812 327-73-01

www.ruscol.spb.ru www.kniga-nazakaz.ru